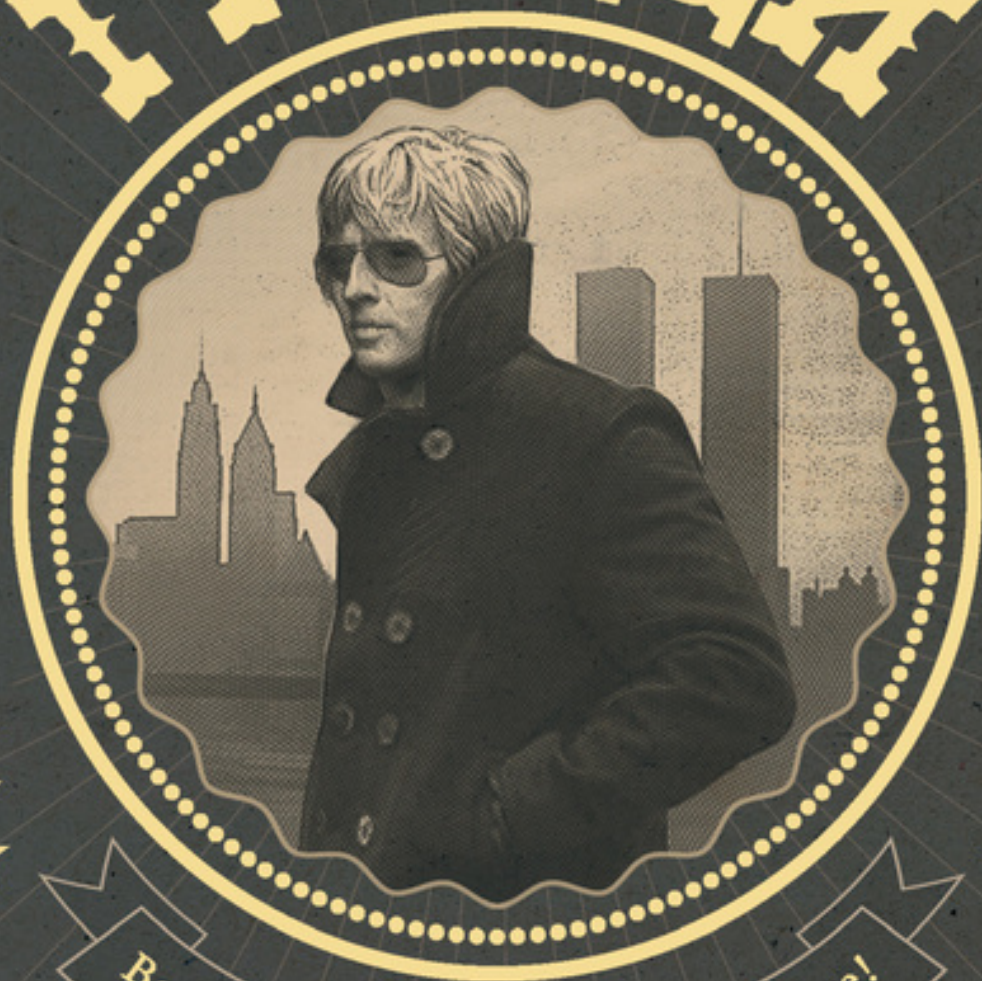

КЛАССИКА ДЕТЕКТИВА

ДЖЕЙМС
БРЕЙДЕН

Все романы о Кондоре в одном томе!

★ **ШЕСТЬ ДНЕЙ КОНДОРА** ★
ТЕНЬ КОНДОРА ★ **ПОСЛЕДНИЕ ДНИ КОНДОРА**

Классика детектива

Джеймс Грейди

**Шесть дней Кондора.
Тень Кондора. Последние
дни Кондора (сборник)**

«АСТ»

1974, 1975, 2014

УДК 821.111-312.4(73)
ББК 84(7Coe)-44

Грейди Д.

Шесть дней Кондора. Тень Кондора. Последние дни Кондора (сборник) / Д. Грейди — «АСТ», 1974, 1975, 2014 — (Классика детектива)

ISBN 978-5-17-086918-3

Рональд Малькольм по прозвищу Кондор служит в безобидном аналитическом отделе. Однажды, вернувшись с обеда, он с ужасом видит, что все его коллеги убиты... Кондор вынужден бежать, и с этого дня на него начинается настоящая охота. Однако он не намерен так просто сдаваться и решает во что бы то ни стало выяснить, кто стоит за этой расправой... Прошли годы. Кондор, оставивший оперативную службу и работающий теперь в книжном архиве, однажды замечает, что за ним кто-то следит... А на следующий день в доме Кондора происходит жестокое убийство, и обвиняют во всем его. Как когда-то в молодости, ему снова приходится пускаться в бега... Он обязательно должен найти настоящего убийцу – ведь от этого зависит не только его свобода и доброе имя, но и жизнь.

УДК 821.111-312.4(73)
ББК 84(7Coe)-44

ISBN 978-5-17-086918-3

© Грейди Д., 1974, 1975, 2014
© АСТ, 1974, 1975, 2014

Содержание

Шесть дней Кондора	6
Предисловие	7
Признание	8
Среда	22
Четверг, Утро и первая половина дня	31
Четверг, вторая половина дня	41
Четверг, вечер – пятница, утро	49
Суббота	61
Воскресенье	68
Понедельник, утро – середина дня	77
Понедельник, вечер	86
Вторник, утро – ранний вечер	92
Вторник, поздний вечер – среда, раннее утро	100
Среда, утро	105
Среда, полдень	109
Тень Кондора	111
Глава 1	112
Конец ознакомительного фрагмента.	115

**Джеймс Грейди
Шесть дней Кондора
Тень Кондора
Последние дни Кондора**

James Grady
SIX DAYS OF THE CONDOR
SHADOW OF THE CONDOR
LAST DAYS OF THE CONDOR

Печатается с разрешения автора и литературных агентств InkWell Management LLC и Synopsis.

Серия «Классика детектива»

© James Grady, 1974, 1975, 2015
© Перевод. Н. К. Кудряшев, 2014
© Перевод. А. А. Загорский, 2015
© Издание на русском языке AST Publishers, 2016

* * *

Шесть дней Кондора

*Посвящается уйме всякого народа, включая мою родню,
Ширли, которая мне помогала,
и Рику, которому пришлось страдать все это время*

Предисловие

События, описанные в этой повести, целиком выдуманы, по крайней мере насколько известно автору. Другое дело, такое вполне могло бы и произойти, поскольку структура и тактика разведывательного сообщества срисованы с натуры. Отдел ЦРУ, в котором работал Малькольм, и группа 54/12 существуют на самом деле, хотя, возможно, и называются по-другому.

В поисках фактов при работе над этой историей автор обращался к следующим источникам:

Джек Андерсон, «Вашингтонская карусель» (издания разных лет); Альфред В. Маккой, «Политика героина в Юго-Восточной Азии» (1972); Эндрю Талли, «ЦРУ, взгляд изнутри» (1962); Дэвид Уайз и Томас Б. Росс, «Невидимое правительство» (1964) и «Шпионский истеблишмент» (1967).

Признание

В 1975 году руководители КГБ в Советском Союзе посмотрели новый фильм Роберта Редфорда под названием «Три дня Кондора». Этот фильм, продюсером которого выступил Дино Ди Лаурентис, режиссером – Сидни Поллак, в котором помимо самого Редфорда играли ослепительная Фэй Данауэй, оscarоносный Клифф Робертсон, международный кумир Макс фон Сюдов и трогательная Тина Чен, а сценарий написали Лоренцо Семпл-мл. и Дэвид Рейфил, представлял собой интерпретацию короткой повести, с которой дебютировал никому не известный двадцатичетырехлетний тип из Монтаны. В кино эта книжница превратилась в заводной шедевр, напичканный политическими интригами, подозрительностью и пронизательностью сыгранного Редфордом персонажа – кабинетного аналитика, который, вернувшись с ленча на работу, обнаружил всех своих сослуживцев убитыми.

Как и все сотрудники маленького аналитического подразделения ЦРУ, герой Редфорда так же имел кодовую кличку – Кондор.

Как объяснял похищенной им героине Фэй Данауэй сам Кондор – Редфорд, «... послушайте, я работаю на ЦРУ. Я не шпион. Я просто читаю книги. Мы читали все, что печаталось в мире, и мы... ну, мы выискивали всякие там хитроумные пакости и забивали их в компьютер, а тот сравнивал их с настоящими штуками, которые проворачивали или задумывали в ЦРУ. Я искал прорывы, разные новые идеи. Мы читали приключения и боевики, книги и журналы... Я... нет, правда, разве такое можно выдумать?».

В статье, опубликованной в 2008 году пулитцеровским лауреатом Питом Эрли – с санкции ФБР и ЦРУ, кстати, – утверждается, что фильм совершенно потряс руководство КГБ и убедил их в том, что они безнадежно отстали от своих американских соперников по части того, чем занимался в фильме Кондор – Редфорд.

Как следствие – если верить, конечно, статье бывшего репортера «Вашингтон пост» Эрли, озаглавленной «Товарищ Дж.: неопубликованные тайны главного русского шпиона в Америке по окончании холодной войны», – КГБ создал свой собственный сверхсекретный отдел, занимающийся тем же, чем занимался Кондор – Редфорд в фильме.

Как это имело место в книге и кино, КГБ разместил свой новый тайный отдел в тихом квартале на окраине Москвы, на Флотской улице (в кино их американский аналог размещался в Нью-Йорке, в повести – в Вашингтоне, федеральный округ Колумбия). Советские шпионы придумали этому заведению подобающую «крышу» и даже – совсем как в фильме – повесили у входа полированную бронзовую табличку, согласно которой там размещалось управление «Всесоюзного научно-исследовательского института системного анализа». Вообще-то вместо этой бессмыслицы полагалось бы честно написать, что здесь сидит НИИ проблем разведки Первого управления Комитета государственной безопасности, сокращенно НИИПР.

Правда, и в кино, и в книжке секретный отдел, в котором работал Кондор, представлял собой крошечную контору, число сотрудников которой не превышало десятка.

Во вдохновленном примером Кондора НИИПР работало около двух тысяч советских граждан. И все они занимались работой, «изобретенной» двадцатичетырехлетним писателем-самоучкой из Монтаны.

То есть *мной*.

А теперь представьте себе снежный январский вечер 2008 года в пригороде Вашингтона. Примерно десять вечера. Мой пес Джек и почти шестидесятилетний я спускались с горки в направлении моего не слишком престижного дома, когда я услышал, как меня зовет жена, Бонни Гольдштейн.

– Тебе звонят!

Звонил, как выяснилось, Джефф Штейн, мой старый друг, работавший раньше в военной разведке, – самый настоящий шпион и при этом всеми признанный журналист-международник, специализирующийся на всякого рода шпионской тематике в ежеквартальном издании Конгресса. Джефф только что достал сигнальный экземпляр книги Эрли, так что ему не терпелось узнать у создателя Кондора, что тот думает о своем герое и КГБ.

Я едва удержался на ногах.

Когда интервью наконец закончилось, в моей голове крутилась единственная строчка из песни «Грейтфул Дэд»: «Ах, что за странный, долгий вышел путь».

Теперь же благодаря Отто Пенцлеру и его издательству я могу поделиться с вами и этим путешествием, и повестью, которая послужила для него поводом.

Можете считать это моим чистосердечным признанием.

В посвященном «Кондору» эссе Марка Терри, вошедшем в сборник «100 триллеров, которые необходимо прочесть», приводятся слова корифея жанра Джона Ле Карре: «Если вы написали книгу, в силу каких-либо причин сделавшуюся культовой, считайте это знаком свыше».

Поэтому можете звать меня мистером Знак Свыше, а раз так, давайте-ка прогуляемся назад по этому долгому, странному пути – к самому его началу. В Вашингтон, федеральный округ Колумбия, в обжигающе холодный январь 1971 года.

Я тогда только-только окончил Университет штата Монтана и, получив грант от «Сирс-корпорейшн», проходил стажировку в пуле журналистов Конгресса. Нас, двадцать бойцов поколения Вудстока, набрали по провинциальным колледжам и университетам и собрали в столице. Днем мы копались в материалах Конгресса, а вечерами нас наставляли акулы пера, маститые журналисты, пишущие в жанре расследований. Я жил на улице А, в шести кварталах от белого, как айсберг, купола Капитолия, который казался мне даже больше, чем в студенческие годы. Со мной на этаже жил тип, которого я видел довольно редко. Ванная была одна на двоих. По ночам я слышал сквозь тонкую перегородку, как он чихает и кашляет. Я мылся под душем, стоя на цыпочках и стараясь не притрагиваться ни к чему из того, чего мог касаться он.

Каждый будний день я приглаживал свои не по моде коротко стриженные волосы, надевал единственный, пусть и новый костюм, какой-нибудь из трех галстуков попугайской расцветки, втискивался в светло-коричневое пальто с квадратными плечами и отправлялся пешком на свою замечательную работу в аппарате вздорного, хотя и довольно-таки мозговитого Ли Меткалфа, сенатора-популиста от Монтаны. Руководство практикой почему-то решило, что мы с ним подходим друг другу; при всем этом я единственный из всех стажеров работал с представителем своего родного штата.

И каждое утро по дороге на работу я проходил мимо белого оштукатуренного дома неподалеку от угла улиц А и Четвертой. Узенький палисадничек отделялся от тротуара невысокой чугунной решеткой. Окна прятались в глубокой тени. Бронзовая табличка на массивной двери гласила, что здание принадлежит какой-то, наверняка почтенной, Американской исторической ассоциации.

И я ни разу не видел, чтобы в дом кто-то входил или выходил из него.

Воображение порождает альтернативные реальности.

А само воображение по большей части порождается вопросом: «А что, если?..»

Таких вопросов при наблюдении за этим домом у меня возникало два:

Что, если тут работает ЦРУ?

Что, если я вернусь на работу с ленча, а в офисе всех убили?

Нормальные вопросы... такие могли бы прийти в голову каждому, так ведь?

Тем более учитывая время, в которое все это происходило.

Миром правила холодная война. На каждом американском углу мерещились призраки Джона Фитцджеральда Кеннеди, Роберта Ф. Кеннеди, Мартина Лютера Кинга и Ли Харви Освальда. Атомные арсеналы судного дня имени доктора Стрейнджлава терпеливо дожидались неизбежного момента, когда кто-нибудь нажмет кнопку. За «железным занавесом» раскинулся архипелагом ГУЛАГ Советский Союз, а за «бамбуковым занавесом» свился в невидимые кольца дракон коммунистического Китая. ФБР Дж. Эдгара Гувера знал все обо всех... и мог запросто этим воспользоваться. Возможно, Гитлер и не укрывался где-нибудь в Парагвае, но целые коммуны бывших нацистов, сбежавших по окончании войны, обретались в тех краях, ворочая при этом счетами в швейцарских банках. По миру разгуливали израильские агенты-мстители; если они сцапали Эйхмана, то и до других могли добраться. В Южной Африке свирепствовал апартеид. Американские наркодилеры еще не поставили свой бизнес на широкую ногу, но у американской мафии уже имелись французские связные, поставлявшие героин. Террористов еще называли революционерами вне зависимости от того, носили они балахоны Ку-клус-клана, береты «Черных пантер», куфии ООП или длинные волосы с цапочками «детей цветов». Там и здесь нарушали общественный покой секты вроде «Семьи Мэнсона». Их присутствие ощущалось, хотя их голоса звучали не громче шепота. Нечто невидимое, но необходимое для защиты нашей планеты, называвшееся «озоновый слой», подвергалось опасности из-за дезодорантов, которыми мы брызгали себе подмышки. И хотя никакой Супермен, сражавшийся за правду, справедливость и американский образ жизни, об этом даже не догадывался, мордовороты Ричарда Никсона, нарядившись водопроводчиками, уже реализовывали свою «грязную стратегию». А в джунглях Вьетнама вот уже двенадцатый год продолжало гибнуть мое поколение американцев.

Не страдать паранойей мог только настоящий псих.

И у тебя не было ни малейшей возможности предугадать, где нанесут удар, кому, а главное – *за что*.

Надо сказать, мои фантазии насчет секретной конторы ЦРУ на Капитолийском холме имели некоторое основание. В те времена на Пенсильвания-авеню, всего в трех кварталах от Капитолия и Палаты представителей, притулилось между ресторанами, барами и книжными магазинами ничем не примечательное здание из серого бетона с почти всегда опущенной створкой въезда для автомобилей и вечно запертой наглухо без таблички входной дверью. Работавшие на Холме не делали особой тайны из того, что дом принадлежит ФБР. И если у вас хватило бы полномочий сделать запрос ведомству Дж. Эдгара Гувера, вам бы ответили, что в нем размещается один из их центров перевода. Многим из нас оставалось только гадать, чем же они там занимаются на самом деле.

На расстоянии пистолетного выстрела от этой тайной фэбээровской крепости размещался парадный, весь в витринах и постерах головной офис «Ложи Либерти» – политической секты, слишком одиозной и экстремистской, чтобы назвать ее просто «правой». Спустя всего несколько лет она прославилась тем, что беззастенчиво рекламировала и рассылала по почте несертифицированное лекарство под названием «латрил», способное, по словам его разработчиков, исцелять рак, ради него великий актер Стив Маккуин переехал в Мехико, но от рака оно его так и не вылечило.

Таким – спустя всего два года после массовых беспорядков, вызванных убийством Мартина Лютера Кинга, – предстал передо мной Капитолийский холм, район, где родился вопрос «*что, если?*» и Кондор.

Последним из руководителей моей стажировки стал Лес Уиттен, писатель, переводчик французской поэзии и партнер Джека Андерсона, чьи колонки журналистских исследований на первых полосах тысяч газетных номеров ложились на крыльцо двум десяткам миллионов читателей-американцев от океана до океана. Чего эти читатели не знали, так это того, что и Джек, и Лес находились (незаконно, разумеется) под пристальным вниманием

ЦРУ. Лес носил почетное звание разгребателя всяческой грязи. Ни он, ни я не подозревали, что через три года, уже после выхода «Кондора», мы станем коллегами, работая на колонку Андерсона. Тогда, в семьдесят первом, я был всего лишь студентом, собиравшимся возвращаться домой после трех волшебных месяцев стажировки при Сенате. Как-то раз я задержался после занятий и уговорил Леса поделиться со мной своей «крутой историей» про ЦРУ, про которую он вскользь упомянул на лекции и которая должна была попасть в газеты неделей позже, когда я должен был уже вернуться домой, в Шелби, штат Монтана, где не выходило ни одной ежедневной газеты, так что новостей приходилось ждать неделю.

Аллен Гинзберг – поэт-битник. В 1971 году, когда Америка еще катилась к ужасающей наркомании, масштабов которой мы не могли себе даже вообразить, он уже видел, как это безумие уничтожает лучшие умы его поколения. Гражданская часть его поэтической натуры не могла игнорировать кошмара героиновой зависимости. Объект ненависти консервативных столпов права и порядка – бородатый, лысый, распеваящий мантры гомосексуал – Гинзберг совершил то, на что не отважился почти никто из его критиков: он объявил свою, личную войну героину и подтверждал слова делом. Его крестовый поход сводился преимущественно к расследованиям. Так вот, сенсация, которую Лес готовил к печати, посвящалась Гинзбергу и его расследованиям связей союзников ЦРУ в Юго-Восточной Азии с героиновым бизнесом.

В тот вечер, когда в полутемных кулуарах Конгресса Лес шепотом посвящал меня в эти новости, мир вокруг пошатнулся.

Однако я оставался всего лишь студентом из Монтаны, которому не исполнилось еще и двадцати двух лет, и я возвращался в свой дикий, «готический» (по гениальной оценке моей жены) и «мрачный» (уже по моей, данной после 11 сентября) городок Шелби в шестидесяти милях от Скалистых гор, в тридцати милях от канадской границы и в миллионе миль от того «настоящего» мира, к которому я едва прикоснулся за время своей трехмесячной стажировки в Вашингтоне, федеральный округ Колумбия.

Мой дед был ковбоем и завзятым картежником, бабка – искалеченной полиомиелитом повитухой, которая смогла вырастить восьмерых собственных детей, включая мою мать. Она и четверо ее сестер так и остались жить в родном городе, и я рос под их неусыпным надзором, как щенок в стае любящих койотов. Мой дядюшка с сицилийскими корнями занимался какой-то до сих пор не до конца понятной мне административной деятельностью в двухэтажном красном доме, где размещался городской бордель. Это заведение существовало под опекой местной полиции и органов здравоохранения – подобная страсть к соблюдению законов и нравственности всегда приводила меня в замешательство; помимо прочего, она проявилась в том, как наш бывший мэр, по профессии врач, подпольно делал аборт у себя в кабинете на Мэйн-стрит. И, судя по тому, что нехватки в пациентках он не испытывал, об этой его маленькой тайне было известно всем к западу от Миссисипи.

Ну, в общем, вы теперь представляете, каким ребенком я рос.

В очках с толстенными, как донышко бутылки из-под кока-колы, линзами. Естественно, непригодный к строевой. Витающий в облаках. Болтливый.

Притом что на деле я был далеко не так умен, как представлялось мне самому и окружающим, в отличие от моей гениальной старшей сестрички. В списке успеваемости выпускного класса я болтался где-то в третьем десятке из восьмидесяти семи учащихся. В школьной футбольной команде меня всегда ставили в третью линию обороны – просто потому, что их всего три. Я безнадежно – и без малейшего шанса на успех – влюблялся во всех моих сверстниц по очереди. Состоял в обществе юных республиканцев и считался там раздолбаем. Мои славные, полные любви и заботы родители принадлежали к послевоенному среднему классу, верившему в американскую мечту. Трудоголик-отец заведовал несколькими кинотеатрами, из чего следовало, что я вырос, пересмотрев несколько тысяч фильмов категории «Б». Мама

работала в библиотеке, из чего следовало, что я мог не слишком торопиться сдавать все те детективные и приключенческие романы, которые поглощал в юном возрасте. Еще в школьные годы я начал подрабатывать: билетером в театре, киномехаником, уборщиком, сноповязальщиком, трактористом, даже могильщиком. Мне повезло: я поступил в Университет штата Монтана, но ради этого пришлось помахать лопатой на строительстве дорог. По наивности я надеялся, что мне дадут какую-нибудь мелкую журналистскую работу, которая позволила бы мне заниматься любимым делом – писательством.

Строчить всякоразные истории я начал в буквальном смысле слова раньше, чем научился писать: свои сочинения я диктовал на редкость терпеливой маме (потом она их выкидывала). К моменту окончания школы в моем активе числилась поставленная в школьном театре пьеса и около сотни рассказов, вежливо отосланных мне обратно редакциями детективных, приключенческих, научно-фантастических и просто литературных журналов. Я проучился в университете целых полтора месяца, прежде чем до меня дошло, что избранная мной в качестве специальности журналистика не включает в себя художественной литературы. Однако к этому времени я успел стать свидетелем того, как Сеймур Херш изменил наш мир к лучшему, сделав достоянием гласности бойню в Сонгми, а факультет журналистики открывал мне доступ к стажировкам, недоступным на факультете литературы, – и это при том, что на последнем преподавали такие мэтры, как Джеймс Ли Бёрк, Джеймс Крамли и Ричард Хьюго, поэт, лекции которого я посещал. Так вот, одна из стажировок, при Конгрессе, финансировалась корпорацией «Сирс», и именно она привела меня к тому зловещего вида дому в Вашингтоне, федеральный округ Колумбия.

За исключением этой стажировки, Университет штата Монтана не дал мне ровным счетом ничего... ну, разве что навыки редактирования. Мой наставник по этому предмету, Роберт Макгифферт, настолько преуспел в нем, что в летние каникулы подрабатывал, редактируя статьи для «Вашингтон пост».

Некоторой части своей самонадеянности и провинциальной наивности я лишился в Университете Миссула. Я отрастил длинные волосы: в мире правили рок-н-ролл и «Битлз». Я даже поэкспериментировал немного с запрещенными законом веществами (эффект от них точнее всего описывается словами «окаменел»), но всего несколько раз, и я ни разу не отплясывал в толпе под *Lucy in the Sky with Diamonds*. По мере того как все больше моих друзей возвращалось из Вьетнама в цинковых гробах, а из Вашингтона не слышалось ничего кроме откровенного вранья, я присоединился к антивоенному протестному движению, хотя настаивал, чтобы оно удерживалось в рамках закона. Одну весну я провел с активистами негритянского движения в чикагском гетто, а еще руководил проектом Ральфа Нейдера в Монтане, который даже добился некоторого успеха, хотя – открою один секрет – единственным его членом кроме меня самого была моя однокурсница Ширли, по молодости лет полагавшая себя моей подружкой.

В общем, когда я вернулся в Шелби после вашингтонской стажировки, я так и не имел ни малейшего представления о том, как приблизиться к своей мечте. Единственное, чем мне хотелось заниматься, – ну, почти единственное – это писать. Планы родителей и школьных педагогов сделать из меня юриста я похоронил почти сразу, хотя некоторое время меня и соблазняла возможность отправлять нехороших парней в тюрьму, невиновных выпускать на свободу, а на вызовы демократии отвечать соблюдением Конституции и чтобы при этом у меня оставалось время заниматься творчеством по ночам. Осенью семьдесят первого года я приступил к преддипломной практике, дававшей мне – как я, во всяком случае, надеялся – законное прикрытие для занятий писательством...

И так все, в общем-то, и вышло, но лишь по счастливой случайности.

Монтана как раз переписывала свою устаревшую, составленную еще баронами-разбойниками Конституцию – Дэшил Хэммет, кстати, избрал местом действия своего пер-

вого романа «Красный урожай» ту самую, со старой еще Конституцией, Монтану. Команде, составлявшей новый текст, срочно требовался человек, умеющий быстро писать и имевший резюме с упоминаниями правительства и политики (скажем, работавший на какого-либо сенатора). Один из друзей выдернул меня на эту работу из университетского кампуса; именно здесь я смог увидеть своими глазами то, как замечательно действует демократия в условиях, когда простые граждане работают на совесть и отказываются делать это за закрытыми дверями.

После того как весной семьдесят второго года новую Конституцию приняли, я на несколько месяцев исчез со сцены: поехал по стране, остался жив, вернулся в городок Хелена в Монтане и, поработав немного пожарным инспектором, устроился в непомерно разросшееся агентство по ювенальным правонарушениям, работавшее в штате на федеральные деньги. Меня вполне устраивала работа, занимавшая руки и голову, поскольку мои сердце и душа были заняты совсем другим – мечтой.

Я решил, что лучший способ написать роман – это взять и написать роман.

И что лучший способ стать писателем – это писать.

Редкий новичок в этом ремесле оказался настолько неподготовлен к последствиям такого решения.

Однако страсть к писательству жгла меня сильнее, чем героин, помноженный на секс.

Я жил тогда в крошечной квартирке на втором этаже симпатичного коттеджа неподалеку от капитолия штата – в Хелене. Некоторое время моим соседом был один из умнейших порождений беби-бума, мой давний друг по имени Рик Эпплгейт. Я до сих пор беззастенчиво краду имена для своих вымышленных героев из его исторических книг. Еще по соседству жила совершенно очаровательная семейная пара: он – талантливый и чертовски сообразительный адвокат, она – из тех темноволосых женщин, на которых мечтало жениться подавляющее большинство нас, шестидесятников. Я прожил там достаточно долго, так что застал рождение их первенца, девицы по имени Мэйли Мелой, которая впоследствии стала одной из самых заметных писательниц своего поколения. А вот рождения их второго, Колина Мелоя, ставшего руководителем и автором текстов знаменитой инди-рок-группы уже нового столетия, «Декабристов», я уже не дождался – съехал раньше. Днем я занимался обычной американской бюрократической ерундой, бегал трусцой, занимался дзюдо в спортзале Ассоциации молодых христиан, ходил на свидания, стал крестным отцом сыну моего кузена, слушал рок по радио и с пластинок, ходил в кино, экономил на чем мог, а в свободное время уплывал в фантастические миры, барабанил по клавишам тяжелой, оставшейся у меня еще с университетских времен пишущей машинки «Ройял».

И вот тогда этот вопрос – «что, если?..» – ждавший своего часа с вашингтонских времен, начал подавать признаки жизни.

В те времена эталоном шпионского романа являлся суперагент 007 Джеймс Бонд. Ну да, имелись хорошие фильмы, поставленные по отличным книгам Джона Ле Карре («Шпион, пришедший с холода») и Лена Дейтона («Досье ИПКРЕСС»), но все они находились в тени Бонда. На библиотечных полках можно было найти издания Эрика Эмбера, Джозефа Конрада и Грэма Грина, но в книжных магазинах они терялись в сиянии гляцевых обложек «Доктора Нет», «Голдфингера», «Из России с любовью», с изображениями Шона Коннери, Урсулы Андерс, секса и пистолета «вальтер ППК».

И как бы мне ни нравилась реплика: «Бонд. Джеймс Бонд», писать про супергероя не хотелось. Супергерой побеждает всегда и везде, он не знает, что такое паранойя, даже опасности, которые ему угрожают, какие-то картонные. А главное, в жизни я таких не встречал. Выучившись... точнее, прикоснувшись к ремеслу журналиста, я хотел хоть одним боком соприкоснуться с реальностью. Поэтому я знал: кем бы ни оказался мой герой и в какой бы из вашингтонских «что, если?» он ни попал, суперменом ему не бывать.

Но он обязательно будет работать на ЦРУ.

Центральное разведывательное управление – самый знаменитый в Америке магазин, продающий шпионов оптом и в розницу. В те времена, уже в постмаккартистскую эпоху, когда еще не павший жертвой покушения Джон Фицджеральд Кеннеди публично признавался в любви к Джеймсу Бонду, а тайно ввязывался в закулисные интриги вроде попытки убийства Фиделя Кастро руками мафии, ЦРУ представляло собой невидимую, окруженную легендами армию. В ту доинтернетную эпоху, когда еще не было электронных книг, поисковиков и сайтов разной степени достоверности, еще до того, как массовые акции против Вьетнамской войны и Уотергейт помогли раскрутить всякого рода шпионские скандалы, на полках среднего книжного магазина или библиотеки изданий ЦРУ не было вообще.

В поисках материалов для «Кондора» я обнаружил только три заслуживающие доверия работы про эту организацию: две, написанные Дэвидом Уайзом и Томасом Б. Россом («Невидимое правительство» и «Шпионский истеблишмент»), и еще одну – Эндрю Талли («ЦРУ, взгляд изнутри»). Также я основательно порылся в книге историка Альфреда В. Маккоя, который, не устранившись гнева американского правительства, французских спецслужб, сицилийских и корсиканских мафиози, китайских Триад и наших союзников-чанкайшистов, написал свою «Политику героина в Юго-Восточной Азии» – анализ истории двадцатого столетия, глубина, точность и гениальность языка которого вполне заслуживали б Пулитцеровской премии, которую, однако, книга так и не получила. Маккой исходил горы Лаоса, коридоры правительственных учреждений Сайгона (ныне Хошимина) и злачные кварталы Бангкока – и все ради того, чтобы продемонстрировать, что американское правительство в лучшем случае просто закрывало глаза на криминальную сущность тех, кто называл себя нашими друзьями и союзниками.

Этими трудами в сочетании со статьями моего будущего босса и коллеги по раскапыванию всякого рода грязи Джека Андерсона, да еще редкими, полными туманных намеков рассказами моих друзей, вернувшихся из Вьетнама и повидавших там «кое-чего», и ограничились все мои познания о ЦРУ.

В общем, моему воображению повезло: его не сковывал избыток реальности.

Художественная литература того времени относилась к ЦРУ как к призраку, вокруг которого ходили на цыпочках, избегая соприкоснуться с ним. При том, что агенты ЦРУ засветились в сотнях повестей и романов, как правило, всех их отличала моральная и физическая стойкость в сочетании с профессиональной непогрешимостью. То, *чем* они занимались, *как* и *зачем*, авторов не интересовало. Я нашел только четыре исключения из этого правила: Ричарда Кондона, чей «Маньчжурский кандидат» – и в виде книги, и в виде фильма – заметно содействовал моему взрослению; насквозь пронизанный нуаром и цинизмом роман Ноэля Бена и снятый по нему Джоном Хьюстоном фильм «Кремлевское письмо», заставившие меня обратить внимание на «неофициальные», не имевшие отношения к ЦРУ шпионские организации; Чарльза Маккерри, до 1967 года работавшего глубоко законспирированным цэрэушным агентом, чьи романы начали выходить примерно в то же время, когда я писал «Кондора», и, наконец, еще одного бывшего агента ЦРУ, Виктора Марчетти, который уже после выхода моей книги написал «ЦРУ и культ разведки», классическую книгу-разоблачение, которую бдительный Верховный суд США подверг практически построчной цензуре. В книге 1971 года «Канатоходец», которую я прочитал, уже закончив «Кондора», Марчетти прибег к вполне тогда привычной практике, какой бы абсурдной она ни казалось сейчас, а именно поменял название ЦРУ на НРУ, тем самым еще сильнее отдалившись от реальности. Голливуд относился к ЦРУ с трепетом, полным благоговейного ужаса, на кино- и телеэкранах это ведомство означало невероятные гаджеты и рыцарей в плащах, устремившихся в праведный поход за Святым Граалем.

Большим исключением можно считать и то, что очень немногие (включая меня) посмотрели фильм 1972 года «Скорпион» с Бертом Ланкастером в роли агента ЦРУ, который мог заслуживать, а мог и не заслуживать охотившегося за ним с подачи Управления француза-убийцы. Оцените иронию: съемочная группа фильма периодически останавливалась в отеле, из которого команда никсоновских «сантехников» вела наблюдение за стоявшим напротив комплексом «Уотергейт», готовясь к своему едва ли не самому знаменитому в истории взлому. Два других замечательных фильма этой параноидальной эпохи – «Заговор «Параллакс» и «Элита убийц» – вышли на экран уже после того, как я закончил работу над своим романом. С университетской скамьи я старался не пропускать телешоу «Я – шпион» с Биллом Косби и Робертом Калпом, однако телевидение в шестидесятые следовало жестким цензурным стандартам, и эти два персонажа то и дело скатывались к обычным штампам супергероев.

Ну, конечно, имел место и Альфред Хичкок, мастер кинематографического саспенса. Его шедевры часто разыгрывались в мире шпионажа и международных интриг – достаточно вспомнить «На север через северо-запад». Но для Хичкока шпионы служили скорее инструментом для раскрытия других характеров. Так, его Макгаффин – это всего лишь сила, заставляющая героев сблизиться и сплотиться, такая мотивация, повод для действия и напряжения.

Из всех творческих уроков, преподанных мне Хичкоком, главным, наверное, являлось то, что лучшие его сюжеты до правдоподобия личные: обычные, живые люди вдруг оказываются на грани жизни и смерти, и в это положение они могут попасть по воле случайных попутчиков или каких-то геополитических потрясений. У Хичкока самые заурядные, порой даже бесцветные персонажи, брошенные в гущу событий, вынуждены сражаться не на жизнь, а на смерть, чтобы восстановить уничтоженное Макгаффином.

Вот такими были истоки Кондора.

Многие из моих откровений о ЦРУ исходили от Уайза и Росса. Главное, что я почерпнул, – это то, как сильно зависит Управление от работы незаметных аналитиков, не пользующихся вниманием журналистов. Поэтому мне показалось интересным развить эту тему.

Я изобрел работу, которая бы нравилась мне самому (если бы я не смог стать писателем): читать чужие романы в поисках штучек, полезных для шпионского ремесла, включая загадки моего любимого Рекса Стаута с его Ниро Вульфом.

Уайз и Росс дали мне приблизительное представление о структуре ЦРУ.

Потолкавшись некоторое время за кулисами Сената, поработав в Монтане в дорожной службе и в общественной, пусть и с федеральным бюджетом организации, я пришел к выводу, что даже тайные службы безопасности вроде ЦРУ все равно остаются обычными бюрократическими ведомствами, которыми движут те же силы и слабости, которые я наблюдаю в повседневной жизни.

И в результате я попытался ответить на волновавшие меня вопросы в своем романе, изобразив в нем такие очевидные (для меня, по крайней мере) вещи, как панику, которую испытывает попавший в беду агент. Надо сказать, последующая моя жизнь – в том числе совместное с Джеком Андерсоном разгребание всяческой грязи – полностью подтвердила это мое предположение.

Дело в том, что я не испытывал ни малейшего сомнения: моему герою есть чего бояться, и ему потребуется любая возможная помощь. Созданный моим воображением образ позволял герою поступать только так, как поступил бы на его месте любой другой. Возможно, он умен, но не сверхспособен, а большая часть его умения могла проистекать только из той биографии, которую я для него заготовил. Даже имя я ему выбрал такое, чтобы оно отображало ту категорию, которая в американском сленге именуется обычно «ботанами». И никаких хемингуэзовских Ников Адамсов, никаких Стивов из «Гавайи Пять-Ноль» – он стал

Рональдом Малькольмом. Идеальное имя для выбранного мною поля действия. И его – как и частенько меня – даже друзья зовут по фамилии.

Свой первый роман я писал, будучи журналистом, поэтому на свой вопрос «что, если?» отвечал простой, сухой, прямолинейной прозой – в точности как меня учили. Битых четыре месяца я проводил все ночи и выходные на кухне своей квартирки в Хелене за выдавшей виды зеленой пишущей машинкой. О том, как я назову книгу, у меня не имелось ни малейшего представления до тех пор, пока я ее не дописал и не обнаружил, что вся она выстроена, повинувшись простой хронологии, укладывающейся – с небольшими доделками, конечно, – в шесть дней. Наша культура к этому времени уже свыклась с тем, что действие триллера вроде «Семи дней в мае» вполне может уложиться в неделю. Еще половину субботнего дня я потратил на то, чтобы выдумать Малькольму подходящую агентурную кличку, и остановился на Кондоре потому, что слово это ассоциируется со смертью, но звучит куда круче просто «стервятника».

Я никогда не рассматривал «Кондора» в качестве простого упражнения. Понятное дело, я не представлял из себя ничего кроме двадцатитрехлетнего неудачника, лишённого связей, наставников или заступников, жившего в нескольких тысячах буквальных и фигуральных миль от издательского мира Нью-Йорка.

Впрочем, эта абсолютная изоляция только подстегивала мое воображение.

Я перерыл все полки в местной библиотеке в поисках издательств, публиковавших что-нибудь, хоть отдаленно напоминавшее замысел, сложившийся в моем котелке. В конце семьдесят второго года я составил список примерно из трех десятков компаний. С помощью стоявших у меня на работе гаджетов – электрической пишущей машинки «АйБиЭм» и ксерокса – я настроил краткое изложение текста, не дававшее, однако, представления о развязке, сигнальную главу и автобиографию, в общем-то соответствовавшую истине, но полную туманных недоговорок. В один прекрасный день я опустил в почтовый ящик тридцать конвертов и вернулся к обычной жизни, то бишь к использованию рабочего времени и техники для печати чистовой версии «Кондора». Из тридцати издателей откликнулось на мои письма около половины, и из них шесть дали положительный отзыв. Из этих шести я наугад выбрал одно издательство, куда и отослал чистовик.

Четыре месяца спустя, так и не дождавшись ответа, я уже было собрался уволиться с работы в Хелене, чтобы вести голодное писательское существование в Миссуле, чуть более цивилизованном городе штата Монтана. Впрочем, перед этим я все-таки позвонил в издательство, пробился к главному редактору и получил от него вежливый отказ в публикации. Выждав еще несколько дней, чтобы получить новые адрес и телефон в Миссуле, я отослал рукопись в следующее по списку издательство – В. В. Нортон – и занялся переездом.

Родители и некоторые мои друзья пребывали в ужасе: никто из известных им людей не зарабатывал на жизнь писательством. Я не обращал на это внимания. В семьдесят третьем мне исполнилось двадцать четыре года, я снимал конуру в рабочем районе Миссулы, потихоньку тратил свои сбережения, поскольку заработка журналиста-фрилансера едва хватало на аренду жилья, экономил на всем (кока-колу, например, я позволял себе только в те вечера, когда занимался карате в спортклубе) и продолжал, продолжал барабанить по клавишам своей старой зеленой машинки сутками напролет, пока стертые пальцы не начинали кровоточить – вот почему этот период своей жизни я назвал «Кровь на клавишах».

Результатом этого периода стал классически перегруженный самокопанием роман в жанре «Выпускника», читать который, надеюсь, не доведется никому, а также, как ни странно, напечатанная-таки театральная комедия под названием «Великая афера с булыжниками»; в Штатах она, правда, вышла под псевдонимом. Зато в Италии ее издали под моим настоящим именем, там она выдержала несколько тиражей. В 2000 году группа анонимных

итальянских писателей под названием «Ву-Минь» поведала мне, что эта пьеса послужила для них одним из источников вдохновения.

В реальном же мире в это время мой банковский счет таял на глазах, а выпуски новостей все больше сосредотачивались на криминальных скандалах, исходивших от администрации Никсона, что волновало меня сильнее, чем перспектива голодной смерти. Мой бывший босс, сенатор Меткалф, выделил грант для журналистов из Монтаны – тратить время на связанные с ним обязанности мне не хотелось, но из всех моих газетных статей в Миссуле напечатали лишь одну, и еще одна заметка в три абзаца готовилась к печати в национальном спортивном журнале... В общем, я подал заявку на грант, начал подумывать о возвращении в дорожное ведомство или на еще какую-нибудь бюрократическую работу, которая не отвлекала бы мой творческий потенциал от настоящих – писательских – дел.

И тут зазвонил телефон.

Мужчина на том конце провода представился Старлингом Лоуренсом, вообще-то писателем, но на тот момент редактором В. В. Нортон, и сообщил, что они хотели бы издать «Кондора» и готовы заплатить тысячу баксов – на десять процентов больше, чем я заработал бы за год, трудясь белым воротничком. Разумеется, я согласился, и он добавил, что им кажется, книгу можно также продать в качестве киносценария.

Мне ужасно хотелось спросить, понимает ли он, что такого рода штуки срабатывают только в кино, но я все-таки промолчал и даже удержался от смеха. В конце концов, он собирався издать мой роман, так что я не хотел показаться невежливым.

Спустя еще две недели, когда я стоял в пустой ванне, пытаюсь залатать протекавший душевой шланг с помощью изоленды, телефон зазвонил снова.

На этот раз Старлинг Лоуренс и еще несколько издательских парней сообщили мне, что знаменитый кинопродюсер Дино Ди Лаурентис прочитал мой роман в рукописи и быстро (позже Дино рассказал мне, что решение он принял после первых четырех страниц) решил снимать по нему фильм. Он купил мою книгу, и моя доля составляла восемьдесят одну тысячу.

Я стоял дурак дураком, держа в руке рулон серой изоленды и слушая возбужденный голос Старлинга, потом спохватился.

– Извините, – перебил я его. – Мне тут надо шланг изолендой замотать, и я не слышал ни единого слова из тех, что вы сказали после восьмидесяти одной тысячи.

Черт, да на такие деньги я мог бы не заниматься ничем, кроме писательства, несколько лет!

Спустя еще неделю сенатор Меткалф включил меня в свой журналистский пул, и мне предстояло ехать в Вашингтон для работы в его команде.

Мне было всего двадцать четыре года.

И я отправился навстречу приключениям, каких и представить себе не мог.

Большинство из тех, кто читает эти строки, имеют какое-то представление о содержании «Кондора» по фильму, так что я – надеюсь, это не будет спойлером – приоткрою вам еще немного деталей создания книги.

Каждый роман состоит из двух книг: рукописи, выходящей из-под пера автора, и того продукта, который совместными усилиями ваяют для читателя издатели, редакторы и автор. При этом в процессе создания второй книги автор выступает одновременно в качестве и мясника, и говядины.

Кондор в моей рукописи соответствует тому персонажу, которого вы знаете, но роман в том его виде, в каком он вышел в семьдесят четвертом году, несколько отличается от написанной мною истории.

Рукопись представляет собой классический шпионский детектив-нуар, на протяжении которого Кондора кидает от одного моего «что, если?» к другому в рамках заговора неболь-

шой группы коррумпированных цэрэушников, проворачивающих контрабанду героина в неразберихе Вьетнамской войны, определявшей облик моего поколения. И эти Макгаффины шесть дней гонятся за Кондором, и за эти шесть дней женщина, которую он берет в заложницы и которая становится затем его любовницей (представили себе Фэй Данауэй?), погибает от руки убийцы, что превращает главного героя из жертвы в охотника-убийцу. И хотя действие происходило в Вашингтоне, федеральный округ Колумбия, пролог и эпилог переносил нас во Вьетнам. Вся рукопись подчинялась ритмике рок-н-ролла – от игравшего по радио в момент нашего первого знакомства с Кондором *Just My Imagination* и до кульминации, когда – можете называть это жестоким убийством, а можете правосудием – Кондор, так сказать, теряет невинность в мужском туалете вашингтонского аэропорта под величайшую песню «Битлз» *With a Little help from my Friends*.

Эти строчки исчезли из текста первыми, когда оказалось: то, что я считал удачным литературным ходом, означает необходимость выплаты правообладателям, непосредственно влиявшей на размер причитавшегося мне аванса за книгу. Я слишком переживал за свое финансовое будущее, чтобы рисковать деньгами. Потом дело дошло и до «Темптейшнз», игравших по радио в момент, когда Кондор, отлынивая от работы, сидит на подоконнике и наблюдает за проходящей мимо здания красивой незнакомкой. Мне эта сцена казалась ироничной.

И все-таки я гордился тем, как мало изменений внесли в книгу Старлинг и издатель варианта в жесткой обложке, хотя от вьетнамских пролога и эпилога они заставили-таки меня отказаться.

И когда дошло дело до киносценария, издатель варианта в мягкой обложке – или, скорее, кто-то из участников совещания в издательстве – спросил Нортон, не соглашусь ли я на две небольшие правки.

Первая сводилась к замене героина на что-нибудь другое – ну, например, на какой-нибудь супернаркотик. После кассового успеха «Французского связного» продюсеры боялись, что героин покажется зрителям повтором.

Во-вторых, меня просили оставить в живых героиню Фэй Данауэй: «Очень уж безысходно выходит с ее убийством».

Эти предложения озвучили мне по телефону; я выслушал их в пригороде Вашингтона, в квартире, которую снимал на паях с моими друзьями из Монтаны на время, пока не устроюсь в городе основательнее. Чего я тогда еще не понимал, так это того, что у меня имелась возможность влиять на процесс. Злую шутку со мной сыграло журналистское образование: меня воспитали в святой вере в непогрешимость издателя и в то, что возражать ему – самый верный способ угробить свою работу.

Отказ от рок-н-ролла меня огорчил, но в этом смысле я был явно не одинок, поскольку такие штуки почти не встречались и в других романах. Отказ от пролога и эпилога делал действие динамичнее, сразу окуная читателя в сюжет, и это изменение я считал не лишенным смысла.

Но вот замена героина «каким-нибудь сверхнаркотиком» показалась мне полной чужью. Все-таки я писал роман, весь смысл которого заключался в том, что он настолько близок к реальной жизни, насколько это вообще возможно, а сверхнаркотик эту реальность оскорблял.

И то, что героиня оставалась в живых, означало: спусковой механизм, превращавший героя в подобие тех, кто за ним охотился, исчез.

Я кое-как вывернулся: Кондор только полагал, что ее убили (вообще-то я сделал ее калеккой, но не без шансов на выздоровление); и я решил, что с точки зрения мотивации этого может и хватить.

Что же до героина, я – деревенщина из Монтаны – предложил безликим, хотя и продвинутым нью-йоркским издателям этакого троянского коня: пусть вместо героина нехорошие парни ввозят в Штаты брикеты морфия. «Отлично!» – последовал ответ, и я сразу же понял: эти хранители культуры не имеют ни малейшего представления о наркоторговле, которой они так боятся, и понимание того, что такое «хорошо» и что такое «плохо», остались у них на уровне средней школы. Морфий брикетами в Америку не ввозят: это экономически невыгодно, отчасти оттого, что морфий – это неочищенный героин. Впрочем, какой-никакой, морфий оставался настоящим наркотиком, а не плодом больной издательской фантазии, сверхзельем, которое превратило бы моего «Кондора» в жалкую пародию на триллер.

И не забывайте: я оставался всего лишь двадцатичетырехлетним новичком. Мне еще повезло, что текст редактировали сравнительно немного. Черт, мне повезло хотя бы потому, что его вообще опубликовали.

Некоторым романам везет настолько, что они состоят не из двух, а из целых трех книг: авторской рукописи, отредактированного издания и сценария, который Голливуд показывает на экране.

Роберта Редфорда выбрали на главную роль еще до того, как я лично познакомился со Старлингом Лоуренсом в вестибюле его нью-йоркского небоскреба.

Следующие изменения в сценарии стали следствием того, что произошло в нашей стране в реальности.

Место действия пришлось перенести из Вашингтона в Нью-Йорк: как мне объяснили, Редфорд снимался в этом году в двух фильмах – «Трех днях Кондора» и «Всей президентской рати». Он проживал в Нью-Йорке с семьей и не хотел отрываться от нее, переезжая в другой город на целый год. Из двух фильмов поменять место действия можно было только у «Кондора».

Куда серьезнее обстояло дело с Макгаффином.

Еще до того как я переехал из Монтаны в Вашингтон, Штаты содрогнулись от первых нефтяных эмбарго. Невидимый мир нефтяной политики вдруг выступил на первый план, повлияв на весь наш жизненный уклад. Эти изменения в американских реалиях, в американском сознании оказались слишком привлекательными в творческом отношении, чтобы от них отмахнуться, поэтому наркотик Макгаффина превратился из героина в нефть. И вместо моего и без того довольно мрачного финала гениальные сценаристы предложили еще более зловещую развязку.

Помимо всех этих крупных переделок в кино просочились жаргон и шуточки, вошедшие в нашу жизнь после Уотергейта и свежих разоблачений в сфере спецслужб. «Кондор» оказался, например, одним из первых фильмов, в которых были показаны такие устройства, как сканирующий документы компьютер, – в 1974 году это казалось настоящей фантастикой.

Невозможно описать ощущения писателя, попавшего на съемочную площадку, где все, что возникло в его разгулявшемся воображении, обретало материальность и объем. Съемочная группа и актеры встречали меня как родного. Я ходил как во сне.

По площадке меня водил Сидни Поллак – он демонстрировал доходившее до болезненности внимание к деталям, вплоть до никогда еще появлявшихся на экране образцов оружия, которым будут пользоваться убийцы. Я зачарованно слушал его рассказы, как он собирается нагнетать напряжение в той сцене, где не происходит ничего... если, конечно, не считать того, что неумолимый убийца и его жертва едут в одном лифте в компании ничего не подозревающих свидетелей. Сидни объяснил, что соблюдение хронологической последовательности событий в фильме означает: он не смог бы показать бегущего от убийц Редфорда на протяжении шести дней и ночей, поэтому все действие уложилось в три дня.

Редфорд был со мной предельно приветлив. Помнится, зимним манхэттенским утром мы стояли на крыльце тайного цэрэушного офиса – порождения моей «что, если?»-любозна-

тельности – и трепались о нашей работе, стараясь не обращать внимания на парочку светских дам в норковых шубах, пытавшихся прорваться через огораживающие место съемки полицейские барьеры, чтобы поглазеть на нас поближе. Эти две манхэттенские матроны буквально подпрыгивали от возбуждения и вытягивали шеи, как школьницы. До сих пор гадаю, производит ли Роберт Редфорд на женщин такое же впечатление.

Редкий начинающий писатель встретил такой благожелательный прием Голливуда. Дино, Поллак, Редфорд и остальные тепло отнеслись к моей тощей книжице, превращенной их стараниями в кинематографический шедевр. Мне повезло сделать в этом увлекательном процессе первый шаг, и я благодарен за это судьбе. Вся моя дальнейшая жизнь проходила под знаком «Кондора».

Однако до тех пор, пока не стало известно о реакции КГБ, никто и не догадывался, насколько все это серьезно.

В том самом году, когда другой великий американский автор моего поколения, Брюс Спрингстин, выпустил свою судьбоносную «Рожденный бежать», вышел на экраны мой фильм, ушел в отставку Никсон, закончился мой сенатский грант, готовились к изданию еще две мои книги, я, не задумываясь, ухватился за шанс присоединиться к команде Джека Андерсона, разгребавшей тогдашнюю политическую грязь. В конце концов, никсоновские громилы пытались убить Джека (к счастью, по части убийств они преуспели меньше, чем по части взломов). Одним из моих шефов стал Лес Уиттен – тот самый, что невольно вдохновил мой роман о ЦРУ. Надо же, как повезло! Редфорд пригласил меня на предпремьерный просмотр фильма в Вашингтоне, и я прихватил с собой Ширли (все еще мою подругу) и коллег из команды Джека Андерсона. Вот это была жизнь!

Хотя продолжение, которое я написал почти сразу, благополучно вошло в список бестселлеров «Нью-Йорк таймс», я довольно скоро осознал, что квинтет романов про Кондора неизбежно попадет в рамки окультуренного образа, созданного на экране великим и несравненным Робертом Редфордом, а с этим мне не справиться.

Поэтому я отпустил Кондора на волю.

До самого 11 сентября.

Когда дым горевших башен-близнецов рассеялся, Кондор прилетел обратно.

Первым делом он заставил меня открыть, что случилось с тех пор с Рональдом Малькольмом, этим похожим на меня бунтарем из шестидесятых, причем проделать все так, чтобы это не противоречило образу Редфорда – ну или по крайней мере не наносило ему слишком уж заметного ущерба. Поэтому в одной из моих любимых работ, «Бешеных псах» 2006 года, Кондор появляется в роли такого cameo – в тайной психушке ЦРУ.

Этим дело не ограничилось.

И вот наконец роман, который я написал про нынешнего, после 11.09, Кондора – Condor.net – уже выложен в Сеть в виде электронной книги, так что он – вместе с эссе, объясняющим его происхождение, – готов предстать перед вашими глазами.

«Кондор» стал ангелом-хранителем всей моей жизни.

Еще до того, как я узнал о вдохновленном «Кондором» тайном отделе КГБ, один из участников тайной операции в Уотергейте Фрэнк Старджис рассказал мне, что его агентурная кличка в ЦРУ была Кондор, хотя моя работа никак не могла быть вдохновителем такого выбора. Равно как не могла служить этим для «Операции «Кондор» – объединения праворадикальных военизированных группировок в Южной Америке. В 1980 году убийца в форме почтальона разделался с бывшим иранским дипломатом в Вашингтоне – спецслужбы и полицейское руководство утверждали, что эту идею он почерпнул в «Кондоре», хотя сам исполнитель убийства, который тогда скрылся и с которым мне удалось связаться в Багдаде после 11 сентября, сказал, что сам он в этом не уверен.

«Кондор» послужил основой для пародий в мультсериалах «Сейнфилд», «Симпсоны», «Фрейзер», «Царь горы», его упоминали в сериалах вроде «Морская полиция: спецотдел» и «Во все тяжкие». Авангардная рок-группа «Рэдиохед» использовала в одной из своих песен фрагменты диалогов из фильма.

В январском обзоре «Вашингтон пост», посвященном лучшим фильмам минувшего столетия, пулитцеровский лауреат, кинокритик (а также замечательный друг и отличный писатель) Стивен Хантер назвал «Три дня Кондора» одним из символов семидесятых, типичным отображением того параноидального времени. Кроме того, писал Хантер, «это знаменует глобализацию кино, ибо Голливуд лишился принадлежавшего ему с рождения титула пупа земли».

Ну и, не будь «Кондора», зачисленного Международным союзом авторов триллеров в сотню обязательных к прочтению книг, я бы ни за что не оказался в обществе Чарльза Диккенса, Раймонда Чандлера, Дэшила Хэммита и других моих кумиров, не получил бы премий во Франции и Италии.

«Кондор» отворил передо мной сотни дверей – от Голливуда до журналистики, издательств и клубов поклонников детективной литературы. Он подарил мне репутацию, которая позволила жить и выживать на закоулках Америки прошлого века, кишачих террористами, наркоманами, мошенниками, убийцами, ворами, тайными агентами, революционерами, фараонами и шпионами – всеми теми, кого я описал в «Правилах игры» (кстати, тоже доступных в виде электронной книги – спасибо «Мистериз-Пресс»).

Но прежде всего «Кондор» подарил мне свободу парить в мечтах. Позволил мне материализовывать все мои «что, если?». Дал фундамент, на котором я построил собственную благополучную жизнь, а потом и жизнь всей моей семьи. Предоставил возможность прикоснуться и если не облегчить, то хотя бы осветить судьбы миллионов людей, большинство из которых мне даже незнакомы.

Таких, как вы.

Спасибо вам.

Джеймс Грейди

Среда

...Самые значительных побед достигают не тайно, под покровом темноты, но терпеливо, час за часом, вчитываясь в страницы научных журналов. Если подумать, их [целеустремленных исследователей-патриотов из ЦРУ] можно считать американскими учеными-профессионалами. Труд их не воспет, но неоценим.

Президент Линдон Б. Джонсон, речь при принятии присяги Ричардом М. Хелмсом при вступлении последнего в должность директора ЦРУ, 30 июня 1966 года

В четырех кварталах позади Библиотеки Конгресса, сразу за перекрестком Юго-Восточной-А и Четвертой улиц, вторым от угла расположено сияющее белой штукатуркой трехэтажное здание. При всем разнообразии соседних построек мимо него трудно пройти не заметив – хотя бы из-за окраски. Чистая белизна штукатурки резко выделяется на фоне выцветших красных, серых, зеленых и потемневших белых стен. Невысокая черная чугунная изгородь, равно как аккуратно подстриженные палисаднички, придают дому этакое неброское достоинство, которого так не хватает соседним зданиям. Притом на него почти не обращают внимания. Жители квартала давно свыклись с его присутствием, не выделяя его из привычного пейзажа. Десятки работающих на Капитолийском холме и в Библиотеке Конгресса, проходя мимо каждый день, не замечают его в спешке; впрочем, будь у них время, они все равно наверняка прошли бы мимо, не удостоив его взглядом. Хотя отсюда до Холма всего пара шагов, туристы редко попадают на эту улицу. А те, кто все-таки оказывается здесь, обычно оглядываются по сторонам в поисках полисмена, который подскажет дорогу из этих неуютных кварталов к расположенным для безопасного просмотра национальным монументам.

Если прохожему в силу какой-то прихоти захочется приглядеться к дому повнимательнее, он не обнаружит в нем почти ничего необычного. Еще не заходя внутрь ограды, он, скорее всего, в первую очередь заметит табличку размером три на два фута, согласно которой здание принадлежит Национальному управлению Американского литературно-исторического общества. В Вашингтоне, федеральный округ Колумбия, городе сотен достопримечательностей и головных офисов самых разных организаций, такие здания не редкость. Если этот прохожий мало-мальски разбирается в архитектуре, его наверняка заинтересует резная черная дверь с необычно большим глазком. И если его любопытство одержит верх над застенчивостью, он даже может отворить калитку. А вот негромкого щелчка реле, замыкаемого поворотом чугунной створки, он наверняка не услышит. Сделав несколько шагов по дорожке, прохожий может подняться по черным чугунным ступеням на крыльцо и нажать на кнопку звонка.

В случае (впрочем, таких случаев большинство), если Уолтер пьет кофе на маленькой кухнеке, переносит с места на место коробки с книгами или подметает пол, посетитель даже не догадается о том, что дом охраняется. Он услышит прокуренный голос миссис Расселл: «Войдите!» – и жужжание электрического замка, когда она нажмет на кнопку у себя на столе.

Первое, что заметит визитер, попав внутрь, – это царящий в нем уют. Пока он стоит на нижней площадке входа, его глаза находятся примерно на уровне стола Уолтера. Бумаг там нет, но он и не предназначен для бумаг, зато его передняя стенка бронированная. Повернувшись направо и начав подниматься по ступенькам, посетитель упрется взглядом в миссис Расселл. В отличие от стола Уолтера, ее стол просто завален бумагами. Они сплошь покрывают его поверхность, едва не падают с полок, а за бумагами прячется ее допотопная пишу-

щая машинка. За этой грудой продуктов переработки древесины восседает сама миссис Расселл. Ее седая шевелюра, как правило, всклокочена. В любом случае обрамление лица из ее волос получается так себе. На том месте, где некогда была левая грудь, красуется изготовленная в 1932 году брошь в форме подковы. Миссис Расселл непрерывно курит.

Тех, кто способен зайти в помещение управления Общества так далеко – ну, не считая почтальонов и курьеров из магазинов, – считанные единицы. Все они, тщательно просканированные взглядом Уолтера (если он, конечно, на месте), попадают в распоряжение миссис Расселл. Если незнакомец пришел по делу, она – в случае, если сочтет уровень его допуска соответствующим, – направит его к нужному сотруднику. Если он пришел лишь из любопытства, она снабдит его пятиминутной, но исключительно занудной лекцией о структуре и целях Общества (поддержка, продвижение и поощрение литературы, что в узком кругу носит название «трех П»), сунет ему в уже сопротивляющиеся к этому моменту руки стопку буклетов, заверит в том, что в настоящий момент нет никого из тех, кто мог бы ответить на дальнейшие вопросы, предложит писать, если есть такое желание, по такому-то ни о чем не говорящему адресу и коротким кивком пожелает всего хорошего. Оглушенные подобным приемом визитеры, как правило, покорно отчаливают, даже не заметив ящичка на столе Уолтера, фотографирующего их в нескольких ракурсах, или красного плафона с зуммером, извещающего о том, что кто-то открыл калитку. Возможно, разочарование посетителей сменилось бы еще большим любопытством, доведись им узнать, что они только что побывали в специализированном филиале отдела разведки ЦРУ.

Как известно, ЦРУ создано согласно Закону о национальной безопасности 1947 года, ставшему результатом военного опыта, в первую очередь Перл-Харбора, когда Америку застали врасплох. Управление – или Контора, как называют его многие сотрудники, – является крупнейшей и наиболее активной организацией разветвленной разведывательной сети США, насчитывающей около двух тысяч сотрудников, с ежегодным миллиардным бюджетом. В обязанности ЦРУ, как и у других подобных ведомств – британской МИ-6, русского КГБ и прочих, – входят тайные операции, шпионаж, поддержка определенных политических групп и дружественных правительств, а также прямые полувоенные действия. Подобный спектр задач вкупе с главной – обеспечением национальной безопасности в неспокойном мире – превращает их в важнейшие инструменты государственной политики. Бывший директор ЦРУ Аллен Даллес как-то сказал: «Акт национальной безопасности сорок седьмого года... предоставил нашей разведке больше влияния в правительстве, чем любой другой разведке в мире».

И все же основную часть работы ЦРУ составляют простые, кропотливые изыскания. Сотни аналитиков изо дня в день роются в технических журналах, отечественных или зарубежных, речах политических деятелей, выпусках новостей. Этими изысканиями занимаются два из четырех директоров ЦРУ. Научно-технический занят преимущественно технической разведкой, и его эксперты готовят детальные обзоры научных исследований по всему миру, включая США и их союзников. Разведывательный директорат обрабатывает информацию другого рода. Она исходит из «открытых» источников: журналов, радио- и телепередач, книг. Затем все перерабатывается и поступает к руководству в трех формах: в виде долгосрочных аналитических прогнозов, ежедневных обзоров текущей мировой ситуации, а также в виде анализа потенциальных проколов в деятельности ЦРУ. Собранные этими двумя отделами информация используется парой других: директоратом снабжения (административным отделом, ведающим вопросами логистики, снабжения, безопасности и связи) и оперативным (в ведении которого находятся собственно тайные операции).

Американское литературно-историческое общество с головным офисом в Вашингтоне и маленьким филиалом в Сиэтле является структурным элементом одного из самых маленьких подразделений ЦРУ. Благодаря специфическому характеру перерабатываемой инфор-

мации его почти невозможно связать с разведывательным директором, и уж тем более с ЦРУ в целом. Да и сами обзоры, которые готовит подразделение (официально именуемое семнадцатым отделом разведывательного директората ЦРУ), настолько малы, что его доклады даже не всегда включаются в основные сводки. Разумеется, доктор Лаппе – чрезвычайно серьезный, чрезвычайно нервный руководитель Общества (официально именуемого девятой секцией семнадцатого отдела разведывательного директората ЦРУ) – корпит над еженедельными, ежемесячными и ежегодными отчетами, которые совершенно необязательно будут включены в соответствующие отчеты вышестоящего отдела. В свою очередь, отчеты семнадцатого отдела редко производят впечатление на вышестоящее руководство и, как следствие, не включаются в сводки разведывательного директората. Се ля ви.

В обязанности Общества и семнадцатого отдела в целом входит отслеживание любых упоминаний о шпионаже и всем подобном в художественной литературе. Другими словами, его сотрудники заняты чтением шпионских и детективных романов. Скрупулезному анализу подвергаются нестандартные ситуации и поступки героев тысяч и тысяч книг начиная со времен Джеймса Фенимора Купера. Большая часть книжного фонда хранится в Лэнгли, штат Вирджиния, где расположена штаб-квартира Управления, но и в вашингтонском здании Общества имеется своя библиотека, насчитывающая почти три тысячи томов. На заре своего существования отдел располагался на территории пивоварни Кристиана Ойриха недалеко от Госдепартамента, но осенью шестьдесят первого года, когда ЦРУ переехало в Лэнгли, он тоже получил помещение в пригородах Вирджинии. В начале семидесятых из-за резкого увеличения объема подобной литературы отдел начал испытывать проблемы с логистикой и связанными с этим расходами. В довершение всего тогдашний директор Управления поставил под сомнение необходимость такого количества засекреченных, а следовательно, высокооплачиваемых работников. В результате департамент переместил свое подразделение в столичный Вашингтон, поближе к Библиотеке Конгресса. Поскольку сотрудники работали теперь не в центральном комплексе, уровень их допуска сочли возможным понизить с совершенно секретного до ограниченного. Соответственно понизились и ставки заработной платы.

Аналитики департамента вспахивают и пропалывают литературную целину; поле деятельности они распределяют между собой по взаимному уговору. У каждого имеется своя специализация, преимущественно по авторам. Помимо работы непосредственно с книгами, аналитики ежедневно получают из Лэнгли пакеты дополнительных материалов с описанием реальных событий; имена, правда, удалены, да и подробности сообщаются лишь самые необходимые. Факты и вымысел сравниваются и – в случае совпадений – тщательно анализируются на основе более подробных, хотя все равно прошедших цензуру документов. Если совпадения подтверждаются, информация об этом включается в засекреченный отчет вышестоящему подразделению. Где-то там, наверху, принимается решение о том, просто ли повезло писателю с воображением или он знает больше, чем положено. И если чаша весов склоняется ко второму решению, автору определенно не повезло, поскольку материалы на него передают в операционный директорат. Ну и, конечно, от аналитиков ожидают перечень полезных для агентов приемов. Эти перечни передаются туда же, в операционный директорат, которому свежие фокусы всегда пригодятся.

В описываемое утро Рональду Малькольму полагалось составлять именно такой перечень, но вместо этого он сидел на деревянном стуле лицом к спинке, положив подбородок на потертую ореховую поперечину. До девяти утра оставалось еще четырнадцать минут, и он сидел так с того времени, как поднялся в полдевятого по спиральной лестнице к себе в кабинет на второй этаж, громко чертыхаясь, когда горячий кофе плескал из чашки ему на пальцы. От кофе давно ничего не осталось, и организм Малькольма отчаянно нуждался в новой порции, но он боялся оторвать взгляд от окна.

Что бы ни случилось, каждое утро примерно между 8:40 и 9:00 по Юго-Восточной-А в направлении Библиотеки Конгресса мимо окна Малькольма проходила девушка. И каждое утро, что бы ни случилось, какая бы срочная работа ни ждала его, Рональд смотрел на нее в те короткие секунды, пока она не скрывалась из виду. Это превратилось в ритуал, помогавший ему, по крайней мере дававший стимул выбраться из теплой постели, побриться и отправиться на работу. Поначалу он относился к этому с возбуждением, но постепенно плотский интерес сменился неким непостижимым восхищением. В феврале он перестал анализировать свое поведение и теперь, два месяца спустя, просто смотрел и ждал.

Стоял первый по-настоящему весенний день. Конечно, и раньше дожди время от времени сменялись солнечной погодой, но весной Малькольм бы этого не назвал. На этот раз солнце светило с самого рассвета без перерыва. В обычном утреннем смоге мерещилось обещание аромата цветущей вишни. Краем глаза Малькольм увидел приближающуюся девушку и придвинул стул ближе к окну. Она не спешила – и словно плыла по улице, двигаясь со спокойной, полной достоинства уверенностью. Длинные каштановые волосы ниспадали едва ли не до пояса, до узкой талии. Макияжем девушка не пользовалась, и в те дни, когда не носила солнцезащитных очков, любопытный наблюдатель мог разглядеть ее чуть округлое лицо с идеально посаженными большими глазами, прямым носом и решительным подбородком. Коричневый свитер в обтяжку рельефно обрисовывал полную грудь, судя по всему, прекрасно обходившуюся без лифчика. Клетчатая юбка оставляла почти полностью открытыми мускулистые (даже чуть слишком мускулистые) ноги в высоких, выше лодыжек, туфлях. Еще три шага – и она скрылась из виду.

Малькольм вздохнул и, отодвинув стул от окна, сел за стол. Из пишущей машинки торчал наполовину заполненный текстом лист бумаги. Он решил, что для начала рабочего дня задел вполне пристойный, рыгнул, взял пустую чашку и вышел из своей красно-голубой комнатки.

На лестничной площадке Малькольм остановился и подумал. В доме было два кофейника – один на первом этаже, в крошечной кухоньке на столе миссис Расселл; другой – на третьем, на столе для упаковки корреспонденции. У каждого имелись свои плюсы и минусы. Кофейник на первом этаже был больше, и им пользовалось большинство сотрудников: само собой, сама миссис Расселл, бывший армейский сержант-муштровик Уолтер (с вашего позволения, сержант Дженнингс!), доктор Лаппе и новичок, бухгалтер Хейдиггер – то есть все, чьи рабочие места располагались там. Кофе заваривала, разумеется, миссис Расселл, которая при всех своих недостатках не страдала отсутствием кулинарного таланта. Впрочем, у этого кофейника имелось и два серьезных недостатка. Пользуясь им, Малькольм или Рей Томас, другой работавший на втором этаже аналитик, рисковали столкнуться с доктором Лаппе, чего они предпочли бы избежать. Вторым недостатком была сама миссис Расселл или, как называл ее Рей, Ароматная Полли. От нее пахло.

Кофейником на третьем этаже пользовалось гораздо меньше народа; собственно, к постоянным пользователям его относились только Гарольд Мартин и Тамата Рейнольдс, два других аналитика. Иногда к ним присоединялись Рей или Малькольм. Изредка – когда ему хватало смелости – с первого этажа поднимался в поисках свежих ощущений Уолтер,глазевший на стройную фигурку Таматы. Конечно, она – славная девушка, думал Малькольм, но представление о том, как нужно заваривать кофе, у нее самое что ни на есть отдаленное. И в дополнение к проблемам кулинарного порядка на третьем этаже Малькольм рисковал попасть в плен к Гарольду Мартину, чтобы, будучи зажатым в угол, выслушивать артобстрел из новостей спорта, спортивной статистики и спортивных прогнозов, а также ностальгических воспоминаний о старших классах в школе. Подумав, Малькольм решил спуститься на первый этаж.

Миссис Расселл приветствовала Малькольма обыкновенным неприязненным хмыканьем. Иногда – для разнообразия, а также чтобы проверить, вдруг что-то изменится, – он останавливался «поболтать» с ней. Как правило, в таких случаях она рылась в своих бумагах; о чем бы Рональд с ней ни заговаривал, ее ответные реплики сводились к тому, как отвратительно она себя чувствует, как много она трудится и как мало это ценится остальными. На сей раз Малькольм ограничился сардонической ухмылкой и коротким кивком.

Уже подойдя к лестнице с полной чашкой, Рональд услышал, как отворилась за его спиной дверь кабинета, и напрягся в ожидании нравоучений доктора Лаппе.

– ...Э... гм... мистер Малькольм... можно вас на минутку?

Ф-фух. К нему обращался не доктор Лаппе, а Хейдиггер. Малькольм перевел дух и повернулся к хрупкому человечку, покрасневшему так сильно, что от его лысой макушки, казалось, исходил жар. Вечно накрахмаленный воротничок и узкий черный галстук туго перетягивали шею, едва не отделяя голову от тела.

– Привет, Рич, – улыбнулся Малькольм. – Как дела?

– Хорошо... Рон. Хорошо, – осторожно хихикнул Хейдиггер. Несмотря на полгода полного воздержания и напряженной работы, его нервы оставались напряжены как струна. Любой невинный вопрос о самочувствии Хейдиггера мгновенно воскрешал в его памяти те дни, когда он тайком, дрожа от страха, пил виски в туалете ЦРУ, зажевывая его резинкой от запаха. После того как он «добровольно» прошел курс лечения от алкоголизма, через весь этот ад очищения, после того, как начал собирать воедино крохи бывшего рассудка, врачи сообщили ему, что все это время санузлы находились под видеонаблюдением службы внутренней безопасности. – Вам... вы не зайдете ко мне на минутку?

Что ж, любое разнообразие к добру.

– Конечно, Рич.

Они зашли в крошечный кабинет библиотекаря и сели – Хейдиггер за свой стол, Малькольм в единственное мягкое кресло, оставшееся от предыдущего домовладельца. Несколько секунд оба молчали.

Вот бедняга, подумал Малькольм. Запуганный до чертиков, но не потерявший надежды, что сможет дослужиться до бывшего положения. До допуска к самым секретным материалам, до перевода из этой богом проклятой бюрократической конторы в другую богом проклятую, но сильнее засекреченную. «Возможно, – думал Малькольм, – если тебе повезет, твой следующий кабинет будет окрашен в один из трех других цветов, создающих «более эффективную рабочую среду». Может быть, стены твоего нового кабинета будут окрашены в такой же славный голубой цвет, как у меня и сотен других правительственных служащих».

– Вот! – воскликнул Хейдиггер так громко, что голос его отдался эхом от стен. Громкость напугала его самого, так что он осекся, откинулся на спинку стула и попробовал еще раз: – Я... мне ужасно неловко беспокоить вас...

– Да нет, ничего.

– Ладно. Знаете, Рон... вы не против, если я буду называть вас Рон, нет ведь? Ну, вы ведь знаете, я тут у вас человек новый. Я решил покопаться в бумагах за последние несколько лет, ну, чтобы войти в курс... – Он нервно кашлянул. – Инструктаж доктора Лаппе страдал... скажем так... фрагментарностью. – Малькольм не удержался от усмешки. Всякий, кто мог посмеяться над доктором Лаппе, не мог не обладать некоторой крепостью яиц. Малькольм решил, что Хейдиггер ему, возможно, все-таки нравится.

– Так вот, – продолжал тот. – Ну... вы ведь тут уже два года, верно? С самого переезда из Лэнгли?

Верно, подумал Малькольм, кивая в ответ. Два года, два месяца и еще несколько дней.

– Да... Ну, я тут обнаружил некоторые... как бы сказать... нестыковки, которые мне хотелось бы прояснить, вот я и подумал, не могли бы вы мне помочь с этим. – Хейдиггер

замолчал в ожидании утвердительного жеста Малькольма. — И я... я нашел две забавные вещи, вроде как разные. Первая касается расходов — ну, понимаете: выплаты, не учтенные в расходах на зарплату, и все такое. Но этого вы, наверное, и не знаете, это я сам как-нибудь разберусь. Но вторая имеет отношение к книгам, вот я и хочу посоветоваться с вами и другими аналитиками — вдруг удастся выяснить что-нибудь, прежде чем идти к доктору Лаппе с отчетом. — Хейдиггер помолчал. Малькольм снова кивнул. — Вам никогда не приходилось сталкиваться с недостающими книгами? Нет, постойте, — поспешно добавил он, увидев на лице Малькольма замешательство. — Позвольте, я поправлюсь. Вам никогда не приходилось сталкиваться с тем, что мы не получили заказанных нами книг... ну, или таких, которые мы должны были бы получить?

— Да нет, насколько мне известно, нет, — ответил Малькольм; все это начинало ему надоедать. — Вот если бы вы сказали мне точно, каких не хватает или какие пропали... — Конец фразы повис в воздухе, и Хейдиггер сразу же подхватил его:

— Ну, если на то пошло, я сам точно не знаю. То есть я даже не знаю, есть ли такие, а если есть, что это за книги или почему их не хватает. Все это очень... огорчительно.

Малькольм про себя согласился.

— Видите ли, — продолжал Хейдиггер, — где-то в шестьдесят восьмом году мы получили партию книг из Сиэттла, от нашего отдела закупок. То есть мы получили все книги, которые они нам послали, но я совершенно случайно обнаружил, что сотрудник, принимавший эту партию, расписался за пять коробок книг. Однако по накладной с подписью нашего агента в Сиэттле там значатся семь. Получается, у нас пропало два ящика книг, а самих книг вроде бы не пропадало. Вы понимаете, что я имею в виду?

— Угу, — слегка соврал Малькольм. — Я понимаю, что вы имеете в виду, хотя мне кажется, это, скорее всего, простое недоразумение. У кого-то, наверняка у какого-нибудь клерка, плохо с арифметикой. И вообще, вы сами говорите, собственно книги все на месте. Почему не оставить все как есть?

— Но вы не понимаете! — вскинулся Хейдиггер, подавшись вперед. Малькольм даже удивился настойчивости, что звучала в его в голосе. — Я же отвечаю за эти записи! Когда я принял дела, был уверен, что здесь все в порядке. А теперь я здесь, а в записях ошибка! Что-то не так, а если это обнаружится, виноват окажусь я! Я! — Он почти лежал животом на столе, и его голос снова отдавался эхом от стен и потолка.

Малькольму это решительно надоело. Перспектива выслушивать Хейдиггера с его инвентарными проблемами его совершенно не радовала. К тому же Малькольму не нравилось, как возбужденно горят глаза бухгалтера за толстыми линзами очков. Самое время уходить. Он подался навстречу Хейдиггеру.

— Послушайте, Рич, — сказал он. — Я понимаю, для вас это может составлять проблему, но я, боюсь, ничем не могу вам с ней помочь. Может, кому из других аналитиков известно больше, чем мне, но лично я в этом сомневаюсь. Если хотите моего совета, забудьте все это к чертовой матери и выкиньте из головы. Если вы еще не догадались, Джонсон, ваш предшественник, именно так всегда и поступал. Если вы хотите искать дальше, я бы не советовал вам идти с этим к доктору Лаппе. Он огорчится, запутает всю эту историю, раздует ее сверх всякой меры, а в проигрыше окажемся все мы.

Малькольм встал и пошел к выходу. У двери он оглянулся и увидел маленького, трепещущего человечка, сидящего над раскрытой папкой.

Только вернувшись к столу миссис Расселл, Малькольм позволил себе вздохнуть с облегчением. Он выплеснул остывший кофе в раковину, поднялся к себе в кабинет, сел, пукнул и закрыл глаза.

Когда спустя минуту он открыл их, взгляд его уперся в репродукцию «Дон Кихота» Пикассо. Репродукция висела на недокрашенной красной стене. Именно благодаря Дон

Кихоту вышло так, что Рональд Леонард Малькольм вот уже два года занимал волнительную должность агента ЦРУ. В сентябре 1970 года Рональд сдал наконец так долго откладывавшийся им магистерский экзамен по литературе. Первые два часа все шло замечательно: он написал подробное разъяснение платоновских аллегорий пещеры, проанализировал душевное состояние одного из двух странников в «Кентерберийских рассказах» Чосера, обсудил роль крыс в «Чуме» Камю и с боем пробился сквозь попытки Холдена Колфилда из «Над пропастью во ржи» укротить свою гомосексуальность. Перевернув последнюю страницу, он с размаху врезался в кирпичную стену, гласившую: «Подробно проанализируйте по меньшей мере три существенных события «Дон Кихота» Сервантеса, включая символическое значение каждого из этих событий, его связь с остальными и сюжетом в целом. Покажите, как автор использовал эти события для характеристики Дон Кихота и Санчо Пансы».

Это произведение Малькольм не читал. Пять драгоценных минут он смотрел на страницу задания. Потом очень осторожно раскрыл экзаменационную тетрадь и начал писать:

«Я не читал “Дон Кихота”, но, кажется, он потерпел поражение от мельницы. Что при этом случилось с Санчо Пансой, я не знаю.

Приключения Дон Кихота и Санчо Пансы – дуэта, по всеобщему мнению, искавшего справедливости, – можно сравнить с приключениями двух самых известных персонажей Рекса Стаута, Ниро Вульфа и Арчи Гудвина. Так, например, в классической повести про Ниро Вульфа, “Черной горе”...»

Подробно проанализировав повесть «Черная гора» Ниро Вульфа, Малькольм сдал тетрадь, вернулся домой и занялся созерцанием собственных босых ног.

Спустя два дня его пригласили в кабинет преподавателя испанской литературы. К удивлению Малькольма, вместо порки по результатам экзамена его спросили, правда ли его интересуют «загадочные убийства». Рональд удивился, но честно ответил, что чтение таких книг помогало ему сохранить в колледже подобие здравого рассудка. В ответ профессор с улыбкой поинтересовался, не хотелось бы ему «сохранять здравый рассудок за деньги?» Само собой, Малькольм ответил, что да, хотелось бы. Профессор снял телефонную трубку, и в тот же день Малькольм уже проходил собеседование с первым в его жизни агентом ЦРУ.

Собственно, в том, что профессора, деканы и прочий преподавательский состав колледжей выступали в качестве вербовщиков ЦРУ, не было ничего странного. Например, в начале 1950-х преподаватель Йельского университета завербовал студента, позже пойманного при попытке проникнуть в коммунистический Китай.

Спустя еще два месяца Малькольм получил «ограниченный доступ», каким обладает 17 процентов сотрудников ЦРУ. После краткого обучения он поднялся по чугунным ступеням на крыльцо Американского литературно-исторического общества навстречу миссис Расселл, доктору Лаппе и работе самого что ни на есть настоящего агента разведки.

Малькольм посмотрел на стену и вздохнул. Стена являлась полем битвы, на которой он одержал победу над доктором Лаппе. На третий же день своей работы Рональд явился без галстука и пиджака. Неделю он пропускал осторожные намеки мимо ушей, а потом доктор Лаппе пригласил его побеседовать об этикете. Славный доктор согласился, что бюрократический подход несколько сковывает человека, но все же настаивал на том, что желающий запустить в офис чуть больше света должен найти для этого более традиционный способ, нежели «легкомысленный» наряд. Малькольм промолчал, но на следующий день пришел на работу раньше, одетый, как положено, в костюм с галстуком и с большой коробкой в руках. К моменту, когда в десять часов Уолтер доложил об этом доктору Лаппе, Малькольм почти докрасил одну из стен своего кабинета в красный, как пожарная машина, цвет. Доктор Лаппе потрясенно молчал, а Рональд с невинным видом объяснил, что таков новейший способ запустить в кабинет немного света. Когда же в кабинет просочилось двое других аналитиков, высказавших свое одобрение увиденному, славный доктор негромко заметил,

что, возможно, Малькольму стоило бы позволить больше света личности, нежели недвижности. Молодой человек искренне согласился. Банка красной краски, кисти и валик перекочевали в кладовку на третьем этаже, а пиджак и галстук Малькольма снова исчезли. Доктор Лаппе предпочел индивидуальный бунт коллективному, тем более угрожавшему собственности правительства.

Малькольм ностальгически вздохнул и вернулся к описанию классического метода Джона Диксона Карра по созданию «закрытых» ситуаций.

Хейдиггер тем временем суеился не покладая рук. Он последовал совету Малькольма насчет доктора Лаппе, но страх не позволил ему скрыть ошибку от Конторы. Если они поймали его в сортире, значит, безопасных для него мест просто не существует. Еще он понимал, что, если ему удастся удачно исправить недоработку или хотя бы продемонстрировать свою способность ответственно распознавать и оценивать проблемы, его шансы вернуть себе благосклонность начальства заметно повысятся. Вот так и вышло, что амбиции и паранойя (в любом случае неважное сочетание) заставили Ричарда Хейдиггера совершить фатальную ошибку.

Он написал короткую докладную главе вышестоящего семнадцатого отдела. В старательно подобранных, выверенных, но все же не позволяющих усомниться в их содержании выражениях он описал то, что сказал Малькольму. Обыкновенно все докладные проходили через руки доктора Лаппе, однако из этого правила имелись и исключения. Воспользуясь Хейдиггер заведенным порядком, все бы обошлось, поскольку доктор Лаппе знал, какую информацию можно, а какую нельзя выпускать из вверенного ему подразделения. Хейдиггер догадывался об этом, поэтому собственноручно сунул свою докладную в готовый к отправке пакет исходящей корреспонденции.

Дважды в день – утром и вечером – два автомобиля с вооруженными сотрудниками привозили и увозили внутреннюю корреспонденцию всех размещенных в Вашингтоне подразделений ЦРУ. Документы отвозили в расположенный в восьми милях от столицы Лэнгли, где происходила их сортировка. Докладная Рича попала в вечернюю почту.

И тут с ней произошло нечто странное и непривычное. В отличие от всех других бумаг, докладная исчезла из предназначенного для сортировки помещения и появилась на столе у человека с простуженным голосом в просторном, расположенном в восточном крыле комплекса кабинете. Человек перечитал ее дважды, один раз наскоро, второй – очень и очень внимательно. Дочитав, он встал, вышел из кабинета и распорядился, чтобы все досье, относившиеся к Обществу, исчезли на некоторое время из вашингтонского офиса. Вернувшись в кабинет, он договорился по телефону о встрече на популярной художественной выставке. Затем, сказавшись больным, ушел с работы и сел на автобус, идущий в город. Примерно через час он оживленно беседовал с джентльменом представительной внешности, напоминавшим банкира. Разговаривали они на ходу, прогуливаясь по Пенсильвания-авеню.

Тем же вечером представительный джентльмен имел встречу с еще одним мужчиной – на этот раз в «Клайде», шумном джорджтаунском баре, куда захаживала публика с Капитолийского холма. Эти двое тоже погуляли по улицам, время от времени останавливаясь, чтобы взглянуть в свои отражения в витринах магазинов. Второй мужчина тоже обладал запоминающейся внешностью, но что-то в его глазах давало право считать, что он определенно не банкир. Первый говорил, второй внимательно слушал.

– Боюсь, у нас возникла небольшая проблема.

– Правда?

– Да. Сегодня Уэзерби перехватил вот это. – Он протянул второму мужчине докладную Хейдиггера. Тому хватило одного прочтения.

– Я понял, что вы имеете в виду.

– Я не сомневался, что вы поймете. Нам необходимо позаботиться об этом, и незамедлительно.

– Я прослежу за этим.

– Разумеется.

– Вы понимаете, что помимо данного затруднения могут возникнуть и другие? – спросил второй мужчина, помахав в воздухе докладной Хейдиггера. – И что с ними тоже, возможно, придется разобраться?

– Да. Разумеется, это прискорбно, но необходимо.

Второй мужчина кивнул в ожидании продолжения.

– Мы должны быть уверены, стопроцентно уверены, что эти сложности будут решены.

Второй мужчина снова кивнул и промолчал.

– Имеется еще один фактор. Время. Оно имеет решающее значение. Делайте все, что необходимо, чтобы учесть этот фактор.

Второй мужчина подумал, прежде чем ответить.

– Максимальная скорость может требовать... хлопотных и не слишком чистых мер.

Первый мужчина передал ему папку с «пропавшими» документами.

– Делайте все, что считаете необходимым, – произнес он.

После этого двое, попрощавшись кивками, разошлись. Первый прошел четыре квартала, свернул за угол и только там взял такси. Он испытывал облегчение от того, что встреча завершилась. Второй постоял, глядя ему вслед, потом внимательно огляделся по сторонам, вернулся в бар и подошел к телефону.

В 3:15 следующего утра в дверь Хейдиггера постучали и представились полицейскими. Распахнув ее, он обнаружил перед собой двух улыбавшихся ему мужчин в штатском. Один был очень высоким и болезненно худым. Второй обладал запоминающейся внешностью, но, заглянув ему в глаза, вы решили бы, что он определенно не банкир.

Двое зашли и закрыли за собой дверь.

Четверг, Утро и первая половина дня

Эта деятельность осуществляется по собственным правилам и методике, имеющей целью вводить в заблуждение.

Президент Дуайт Д. Эйзенхауэр, 1960

В четверг снова пошел дождь. Малькольм проснулся от холода – нос заложило, в горле щипало, и вообще он чувствовал себя довольно погано. Мало того что он проснулся разбитым, так еще и проспал. Несколько минут Рональд раздумывал, стоит ли вообще идти на работу, но все же решил идти. Кой черт тратить время на насморк? Он порезался, бреясь, не смог как следует причесать волосы над ушами, с трудом вставил правую контактную линзу и не смог найти свой дождевик. Когда молодой человек уже одолел бегом восемь кварталов и приближался к работе, до него вдруг дошло, что он, похоже, не успевает к проходу девушки. Свернув на Юго-Восточную-А, он успел увидеть, как она входит в здание Библиотеки Конгресса. Он так смотрел ей вслед, что не следил, куда идет, и вляпался в глубокую лужу. Это его не столько разозлило, сколько раздосадовало, но мужчина в голубом седане, по которому скользнул его взгляд, похоже, не заметил этой его оплошности. Миссис Расселл приветствовала Малькольма угрюмым «почти вовремя». Поднимаясь к себе в кабинет, он расплескал кофе и обжег руку. Случаются дни, когда все через задницу.

В самом начале одиннадцатого в его дверь осторожно постучали и в кабинет вошла Тамата. Несколько секунд она смотрела на него сквозь толстые линзы очков; губы ее кривились в неуверенной улыбке. Волосы на ее голове росли так редко, что Малькольму казалось, он сможет пересчитать все волоски до последнего.

– Рон, – прошептала она. – Ты не знаешь, Рич не заболел?

– Нет, – взвыл Малькольм, пытаясь просморкаться.

– И вовсе не обязательно орать! Просто я за него беспокоюсь. Он не пришел на работу и не позвонил.

– Блин, ужас-то какой, – проворчал Малькольм, прекрасно понимая, что Тамата вздрагивает от любого, даже самого невинного ругательства.

– Бога ради, что это на тебя нашло?

– Простудился.

– Хочешь, принесу тебе аспирин?

– Не стоит и стараться, – буркнул он. – Уже не поможет.

– Ты невыносим! До свидания. – Она вышла и аккуратно прикрыла за собой дверь.

Боже праведный, подумал Малькольм, возвращаясь к Агате Кристи.

В 11:15 зазвонил телефон. Рональд снял трубку и услышал вкрадчивый голос доктора Лаппе.

– Малькольм? У меня к вам поручение. Тем более ваша очередь идти за ленчем. Полагаю, в такую погоду все остальные никуда не пойдут. – Малькольм выглянул в окно, прикинул интенсивность дождя и пришел к такому же заключению. – Так вот, – продолжал доктор Лаппе, – вы можете убить двух зайцев разом и забрать ленч на обратном пути. Уолтер уже заказывает его по телефону. Я предложил бы вам сначала занести пакет в Старый Сенат, а потом зайти к Джимми за ленчем. Можете идти.

Спустя пять минут Малькольм, чихая, спустился в подвал, к выходу из старого угольного бункера. Про этот выход никто не знал, поскольку он не был отмечен на плане здания. Его бы и не обнаружили, если бы Уолтер в погоне за крысой не отодвинул в сторону старый шкаф, за которым виднелась маленькая, покрытая пылью и паутиной дверка. Выход откры-

вался во двор, прямо за зарослями сирени. Снаружи дверцу тоже не было видно, но между кустами и стеной оставался узкий проход. Дверца открывалась только изнутри.

Всю дорогу до здания Старого Сената Малькольм недовольно ворчал себе под нос, прерываясь только для того, чтобы чихнуть или шмыгнуть носом. Дождь не переставал. К тому времени, когда он добрался до места назначения, его замшевая куртка превратилась из золотистой в темно-коричневую. Блондинка-секретарша в приемной у сенатора сжалась над ним и налила чашку кофе, пока он пытался обсохнуть. Она сама предложила ему «официально» дожидаться подтверждения получения пакета адресатом. По чистому совпадению она закончила возиться с бумагами как раз к тому моменту, когда он допил кофе. Девушка очень мило ему улыбнулась, и Малькольм решил, что доставка таинственных пакетов сенаторам, возможно, и не такая уж пустая трата времени.

Обычно путь от административного здания Старого Сената до расположенного на Пенсильвания-авеню ресторанчика Джимми занимает пять минут, но дождь превратился в ливень, поэтому Малькольм одолел это расстояние за три. Кафе Джимми – излюбленное заведение работающих на Капитолийском холме, поскольку там обслуживают быстро, готовят вкусно, а обстановка обладает своим особым стилем. Владеют ресторанчиком бывшие уголовники. Он представляет собой нечто среднее между маленьким еврейским магазинчиком деликатесов и баром где-нибудь в Монтане. Малькольм вручил официантке список, заказал себе сэндвич с фрикадельками, молоко и занялся своей обычной игрой: угадывать, кто из ресторанных служащих на какое преступление способен.

Пока Малькольм потягивал кофе в приемной у сенатора, джентльмен в плаще и шляпе, поля которой почти полностью скрывали его лицо от посторонних взглядов, свернул с Первой улицы и подошел к стоящему у тротуара Юго-Восточной-А голубому седану. Дорогой плащ как нельзя лучше соответствовал запоминающейся внешности мужчины, но улица была пуста, так что этого никто не оценил. Он как бы невзначай, а на деле очень внимательно огляделся по сторонам, просканировав взглядом улицу и дома, и проскользнул на переднее сиденье седана.

– Ну? – спросил он, захлопнув дверь и покосившись на водителя.

– Все из тех, кого я сосчитал, – просипел в ответ водитель, не отрывая взгляда от здания, – на месте, сэр.

– Отлично. Я послежу, пока вы будете звонить. Дайте команду выждать десять минут и начинать.

– Хорошо, сэр. – Водитель начал выбираться из машины, но его остановил резкий голос.

– Уэзерби. – Мужчина в шляпе сделал паузу для вящего эффекта. – Ошибок быть не должно.

Тот судорожно сглотнул.

– Да, сэр.

Уэзерби подошел к висевшему под козырьком телефону-автомату у продуктовой лавки на углу Юго-Восточной А и Шестой. В пяти кварталах от этого места, в баре «Мистер Генри» на Пенсильвания-авеню бармен снял трубку и окликнул «мистера Уозборна». На оклик отозвался высокий, болезненно худой мужчина. Выслушав то, что ему продиктовали по телефону, тот, кого называли Уозборном, повесил трубку и вернулся за столик, где его ожидали двое приятелей. Они расплатились по счету (три кофе с бренди) и по Первой дошли до переулка, параллельного Юго-Восточной-А. У светофора они разминулись с молодым длинноволосым мужчиной в насквозь промокшей замшевой куртке, спешившим в противоположном направлении. Ближе к углу переулка стоял между двумя зданиями пустой желтый фургон. Все трое забрались в него через заднюю дверь и приготовились к утренней работе.

Малькольм как раз заказывал свой сандвич с фрикадельками, когда почтальон с сумкой через плечо свернул с Первой и зашагал по Юго-Восточной-А. В нескольких шагах за ним следовал коренастый тип в мешковатом плаще. В пяти кварталах за ними шел в ту же сторону долговязый худой мужчина. На нем тоже был мешковатый плащ, который доходил ему только до колен.

Стоило Уэзерби увидеть, как почтальон сворачивает на Юго-Восточную-А, как он завел мотор и уехал. И водитель голубого седана, и идущие по улице делали вид, что не знают друг друга. Несмотря на простуду, Уэзерби вздохнул с облегчением. Его безмерно воодушевлял тот факт, что он разделался со своей частью задания. Притом что его никто не назвал бы трусом, каждый раз, косясь на молча сидевшего рядом с ним человека, он радовался тому, что не совершил ошибок.

Однако Уэзерби ошибался. Одну маленькую, совершенно заурядную ошибку он все-таки допустил – ту, которой без труда мог бы избежать. Ту, которой стоило бы избежать.

Если бы кто-нибудь наблюдал за зданием Общества, он бы увидел, как три человека – два бизнесмена и почтальон – словно случайно оказались у его крыльца одновременно. Два бизнесмена вежливо пропустили почтальона вперед, тот поднялся по ступеням и нажал на кнопку звонка. Как обычно, Уолтера на рабочем месте не оказалось (хотя, возможно, окажись он за своим столом, это бы ровным счетом ничего не изменило). Малькольм доедал свой сандвич в кафе, когда миссис Расселл услышала звонок и нажала на кнопку, открывающую дверь.

– Войдите, – буркнула она.

И они – почтальон впереди, двое бизнесменов следом – так и поступили.

Малькольм не спеша расправлялся со своим ленчем, добавив к сандвичу с фрикадельками фирменное лакомство заведения – ромовый кекс с шоколадом. После второй чашки кофе совесть выгнала его обратно под дождь. Ливень ослабел, сменившись вяло моросившим дождичком. Ленч добавил Малькольму физических и духовных сил. Он шел не спеша – и потому, что получал удовольствие от ходьбы, и потому, что боялся уронить три пакета с едой для сослуживцев. Для разнообразия он пошел по противоположной от Общества стороне Юго-Восточной-А. Только поэтому он увидел фасад здания раньше обычного и почти сразу же понял: что-то не так.

Его внимание привлекла совершеннейшая мелочь. Крошечная деталь, отклонявшаяся от нормы, едва заметная и ничего не говорившая стороннему зрителю. Однако Малькольм замечал мелочи – такие, например, как открытое окно на третьем этаже. Окна Общества распашные, не поднимающиеся наверх, поэтому открытая створка выступала на улицу из проема. Когда Малькольм заметил створку, он не сразу придал этому значение, но, пройдя еще несколько шагов, вдруг понял, что именно не так, и остановился. Собственно, раскрытые окна не редкость в Вашингтоне, даже в дождливую погоду. Климат в городе теплый, и весенние дожди в этом смысле не исключение. Однако, поскольку воздух в здании Общества кондиционированный, открывать окна ради свежего воздуха бессмысленно, тем более, сообразил Малькольм, с учетом того, какое из них было открыто. Окно Таматы.

Тамата – как хорошо знали все сослуживцы – панически боялась открытых окон. Когда ей было девять лет, двое ее братьев-подростков затеяли возню из-за книжки, которую они втроем нашли на чердаке. Старший поскользнулся и вывалился из чердачного окна, сломав при падении шею и оставшись парализованным на всю жизнь. Однажды Тамата призналась Малькольму, что подойти к раскрытому окну ее может заставить только угроза изнасилования, пожара или убийства. И все же окно ее кабинета было распахнуто.

Малькольм попробовал отмахнуться от беспокойства. «Это все твоё гиперактивное воображение», – подумал он. Должно быть, имелся абсолютно убедительный повод его открыть. Или кто-то пытается над ней подшутить. Однако сослуживцы не отличались склон-

ностью к жестоким шуткам, и он знал наверняка, что уж на эту тему дразнить Тамату никто не будет.

Малькольм медленно миновал здание и заглянул за угол. Все казалось в порядке. Из дома не доносилось ни звука; впрочем, все, должно быть, занимались чтением.

«Ерунда какая-то», – подумал он, пересек улицу, быстрыми шагами подошел к калитке, поднялся на крыльцо и, поколебавшись секунду, позвонил. Ничего. Он слышал, как надрыгается внутри звонок, но миссис Расселл не ответила. Он позвонил еще раз. Снова ничего. По спине у Малькольма побежали мурашки, и он зябко поежился.

«Уолтер переставляет книги, – подумал он, – а Ароматная Полли вышла в сортир. Наверное, так».

Он медленно сунул руку в карман за ключом. Любой ключ, вставленный в замочную скважину в рабочее время, приводил в действие сигнализацию здания. В ночное время она срабатывала и в Вашингтонском управлении полиции, в Лэнгли и в доме службы безопасности в пригороде Вашингтона. Поворачивая ключ, Малькольм слышал негромкое жужжание сигнализации. Он распахнул дверь и торопливо шагнул внутрь.

При взгляде с нижней площадки помещение казалось пустым. Миссис Расселл за столом не оказалось. Краем глаза Малькольм заметил, что дверь кабинета доктора Лаппе открыта. В помещении стоял странный запах. Малькольм плюхнул пакеты с сэндвичами на стол Уолтера и медленно поднялся по ступенькам.

Источник запаха он обнаружил сразу.

Когда в вестибюль вошли, миссис Расселл, как всегда, встала из-за стола. Очередь из автомата, спрятанного в сумке почтальона, отшвырнула ее к столу с кофейником. Сигарета выпала у нее изо рта и упала на шею, где продолжала гореть, обжигая кожу, пока не догорел последний миллиметр табака и бумаги. Какое-то странное оцепенение навалилось на Малькольма при виде опаленной плоти и лужи крови. Чисто механически он медленно повернулся и шагнул в кабинет доктора Лаппе.

Уолтер и доктор Лаппе разбирались с бумагами, когда до них донеслись странные кашляющие звуки и шум от падения тела миссис Расселл. Уолтер отворил дверь, чтобы помочь поднять упавшую почту (он слышал звонок и голос миссис Расселл, спросившей: «И что вы нам принесли сегодня?»). Последнее, что он увидел, – это высокого, худого мужчину, державшего в руках Г-образную штуковину. Посмертное вскрытие показало, что Уолтера убили короткой очередью, всего пятью пулями в грудь. Доктор Лаппе все видел, но бежать ему было некуда. Его тело сползло по стене, на которой до сих пор виднелась диагональная цепочка окровавленных отверстий.

Двое незнакомцев тихо поднялись по лестнице, оставив почтальона охранять вход. Никто из других сотрудников ничего не слышал. Отто Скорцени, главный гитлеровский диверсант, как-то продемонстрировал эффективность британских автоматов «Стен» с глушителем, выпустив целый магазин за спиной прогуливавшихся генералов. Немецкие офицеры тоже ничего не услышали, но все же отказались копировать английское оружие: само собой, все лучшее производилось исключительно в Третьем рейхе. Этих незнакомцев «Стен» вполне устраивал. Высокий мужчина рывком распахнул дверь кабинета Малькольма, но за ней никого не обнаружилось. Рей Томас ползал на четвереньках у себя под столом в поисках упавшего карандаша, когда его нашел коренастый мужчина. Рей успел еще взвизгнуть: «Боже, не...» – и тут его мозг разлетелся на куски.

Тамата и Гарольд Мартин слышали, как кричит Рей, но не поняли причину. Оба почти одновременно выскочили из кабинетов и подбежали к лестнице. Пару секунд царила мертвая тишина, потом они слышали чьи-то мягкие, осторожные шаги по лестнице. Шаги замерли, а потом негромкое металлическое «кляц... щелк» вывело обоих из оцепенения. Возможно, они даже не знали, что это за звуки (щелчок вставляемого магазина и передерги-

вание затвора), но оба инстинктивно поняли, что это означает. Они отпрянули в свои кабинеты и захлопнули за собой двери.

Гарольд проявил больше самообладания. Он запер дверь и успел набрать три цифры на диске телефона, прежде чем коренастый мужчина выбил дверь ногой и срезал его очередь.

Тамата повиновалась другому инстинкту. Много лет она пребывала в уверенности, что только отчаянные обстоятельства могут заставить ее открыть окно. Теперь она поняла, что обстоятельства именно таковы. Она отчаянно распахнула окно и принялась оглядываться в поисках пути к бегству, помощи, чего угодно. От высоты у нее закружилась голова, она сняла очки и положила их на стол. Тамата услышала, как разлетелась дверь Гарольда, частый кашель выстрелов, стук падающего тела – и снова бросилась к окну. Дверь ее кабинета медленно отворилась. Долгие секунды ничего не происходило, потом Тамата медленно повернулась лицом к высокому мужчине. Он медлил стрелять из боязни, что пуля вылетит из окна, попадет во что-нибудь и привлечет ненужное внимание. Он пошел бы на такой риск только в том случае, если бы она завизжала. Тамата же молчала. Она видела только размытое пятно, но понимала, что оно велит ей отойти от окна. Она медленно вернулась к столу. «Если уж меня убьют, – думала она, – я хочу видеть кто». Тамата нащарила рукой очки и поднесла их к глазам. Высокий мужчина дождался, когда очки окажутся на месте и на ее лице отразится осознание происходящего. Потом он нажал на спусковой крючок и не отпустил его, пока затвор не выплюнул последнюю пустую гильзу. От пуль Тамата задергалась как в танце; пули рикошетили от стен, стеллажа, сбили с ее лица очки, растрепали волосы. Высокий мужчина подождал, пока ее тело сползет на пол, повернулся и присоединился к своему коренастому спутнику, который к этому времени проверил остальные помещения третьего этажа. Не спеша оба спустились вниз.

Пока почтальон дежурил у двери, коренастый мужчина обследовал подвал. Он обнаружил дверь из угольного бункера, но не обратил на нее внимания. Вообще-то он допустил ошибку, но, с другой стороны, ее можно считать следствием ошибки Уэзерби. Коренастый мужчина нашел и разбил местный коммутатор. Неисправный телефон вызывает меньше беспокойства, чем исправный, но неотвечающий. Высокий тем временем рылся в столе Хейдиггера. Материалы, которые он искал, должны были лежать в папке, в третьем сверху ящике стола, в левой тумбе. Там они и нашлись. Кроме того, он взял со стола конверт из крафт-бумаги. Куском картона, который он достал из кармана плаща, мужчина собрал с пола стреляные гильзы и ссыпал их в конверт. Потом заклеил конверт и подписал его. Писать в перчатках было неловко, но он все равно хотел исказить почерк. Каракули на конверте идентифицировали его как личное послание «Локенвару, Лэнгли». Коренастый открыл камеру наблюдения и засветил пленку. Высокий небрежно бросил конверт на стол миссис Расселл. Потом он и его спутники спрятали свои автоматы под плащами, открыли дверь и ушли так же незаметно, как вошли, как раз когда Малькольм доедал свой кекс.

Малькольм медленно переходил из кабинета в кабинет. Его глаза видели, но рассудок отказывался воспринимать увиденное. Сознание включилось только тогда, когда он обнаружил изуродованное тело, бывшее раньше Таматой. Несколько минут он, дрожа, смотрел на нее. На него волной накатил страх. Надо убираться отсюда, подумал Малькольм и бросился вниз по лестнице. Только скатившись на первый этаж, он восстановил способность думать и остановился.

«Они наверняка уже ушли, – подумал он, – иначе я был бы уже мертв». Малькольм даже не думал о том, кого назвал «ими». До него вдруг дошло, насколько он уязвим. «Господи, – подумал он, – я ведь безоружен, я даже не смогу защищаться, если они вернуться». Малькольм посмотрел на тело Уолтера; тяжелый автоматический пистолет висел там, где и положено, на поясе убитого, весь залитый кровью. Малькольм не смог заставить себя дотронуться до него. Он бегом бросился к столу Уолтера. К одной из ножек крепился любимый

Уолтером обрез двадцатого калибра. Обрез был однозарядный, но Уолтер любил вспоминать, как тот спас ему жизнь в Чосинском котле. Ухватив его за короткую, как у пистолета, рукоятку, Малькольм нацелил ствол в сторону закрытой входной двери и бочком перебрался к столу миссис Расселл. Уолтер хранил в ее тумбочке револьвер – «на всякий случай». Миссис Расселл, вдова, называла его «пистолетом для изнасилований». «Не отбиваться, – говорила она, – а поощрять». Малькольм сунул пистолет за пояс и снял трубку телефона.

Трубка молчала. Он потыкал пальцем кнопки коммутатора. Везде тишина.

Надо уходить, подумал он. Вызвать помощь. Малькольм попробовал спрятать обрез под курткой. Даже с укороченным стволом и спиленным прикладом штукавина оказалась слишком длинной: ствол торчал из-под ворота и тыкался в шею. Малькольм неохотно убрал обрез обратно под стол к Уолтеру. «Наверное, – подумал он, – надо оставить здесь все как есть». Сделав над собой усилие, он подошел к двери и выглянул в глазок. Улица оставалась безлюдной. Дождь перестал. Медленно, прижимаясь к стене, он отворил дверь. Ничего не произошло. Он сделал шаг на крыльцо. Ничего. Он захлопнул за собой дверь, быстро вышел за калитку и зашагал по улице, шаря взглядом по сторонам в поисках чего-нибудь необычного. Ничего.

Малькольм направился напрямик к телефону-автомату на углу. У каждого из четырех директоров ЦРУ имеется свой не указанный в справочниках «тревожный» номер, звонить по которому разрешается только в экстренных ситуациях, когда другие каналы связи недоступны. Карой за немотивированный звонок на эти номера может стать даже увольнение без выплаты выходного пособия. Каждый сотрудник ЦРУ от директора до уборщика туалетов обязан помнить свой «тревожный» номер и хранить его в строжайшей тайне.

Операторами на «тревожных» линиях работают самые опытные агенты. Они обязаны постоянно быть начеку, хотя действовать им приходится редко. Когда им все же звонят, решения приходится принимать быстро.

В день, когда по «тревожному» номеру позвонил Малькольм, на линии дежурил Стивен Митчелл. В свое время он считался одним из лучших полевых (то есть работавших не в постоянных резидентурах) агентов ЦРУ. На протяжении тринадцати лет он перемещался из одной горячей точки в другую, преимущественно в Южной Америке. В 1967 году двойной агент в Буэнос-Айресе заложил под водительское сиденье Митчелловой «Симки» пластиковую бомбу. Он допустил ошибку: в результате взрыва Митчелл не погиб, хотя лишился ног. Ошибка стоила двойному агенту жизни, которую он завершил, болтаясь в петле в Рио. Расставаться с ценным сотрудником Управление не хотело, поэтому Митчелла и перевели в «тревожный» отдел.

Митчелл снял трубку после первого же гудка. Стоило ему сделать это, как автоматически включился магнитофон, записывавший разговор.

– Четыреста девяносто три тире семь два восемь два слушает. – В ЦРУ положено представляться кодовыми номерами.

– Это... – Какое-то кошмарное мгновение Малькольм не мог вспомнить свою агентурную кличку. Он помнил, что должен назвать номер департамента и подразделения (мало ли что, вдруг его кличка присвоена еще кому-то из агентов), но кличку забыл. Настоящее имя – это он помнил твердо – называть нельзя ни в коем случае. Потом он вспомнил. – Это Кондор, девятая секция, семнадцатый отдел. На нас напали.

– Вы говорите по закрытой линии?

– Я звоню из телефона-автомата в трех шагах от... от базы. Наши телефоны не работают.

«Черт, – подумал дежурный, – придется говорить шифрами». Свободной рукой он нажал красную кнопку тревоги. В пяти разных местах – трех в Вашингтоне и еще двух в

Лэнгли – группы хорошо вооруженных людей расселись по машинам, завели двигатели и принялись ждать дальнейших распоряжений.

- Насколько серьезно?
- Максимально. Всех. Я единственный, кто...
- Ясно, – оборвал его Митчелл. – Гражданским известно об этом?
- Не думаю. Каким-то образом это проделали без шума.
- Вы ранены?
- Нет.
- Вы вооружены?
- Да.
- Нападавшие поблизости есть?

Малькольм огляделся по сторонам. Его поразило, насколько обыденным казалось утро.

- Не думаю. Хотя точно не знаю.
- Слушайте меня внимательно. Уходите оттуда. Медленно, но убирайте оттуда свою задницу куда-нибудь в безопасное место. Выждите час. После того как убедитесь, что за вами не следят, позвоните снова. Это получается... без четверти два. Поняли?

- Да.
- О'кей, кладите трубку и не забывайте: нельзя терять головы.

Митчелл дал отбой прежде, чем Малькольм успел убрать трубку от уха. Повесив трубку, Рональд несколько секунд постоял на месте, пытаясь выработать план действий. Он знал, что ему нужно найти какое-нибудь безопасное место, чтобы перекантоваться там час незамеченным. Это должно быть где-то неподалеку. Медленно, очень медленно он повернулся и пошел прочь. Спустя пятнадцать минут он присоединился к молодежной группе из Айовы, собравшейся на экскурсию в Капитолий.

Малькольм еще не закончил разговор с дежурным, а одна из самых крупных и сложных государственных машин уже пришла в движение. Агенты, прослушивавшие разговор с момента нажатия красной кнопки, дали команду трем группам из Вашингтона и двум из Лэнгли, а также бригаде хорошо подготовленных медиков направляться к девятой секции семнадцатого отдела. По дороге на место происшествия командиров групп проинструктировали по радио. Соответствующие отделы вашингтонской полиции получили распоряжение оказывать при необходимости содействие «сотрудникам федеральных учреждений». Когда Малькольм повесил трубку, информацию о нападении уже довели до руководства всех отделений ЦРУ федерального округа Колумбия. В действие пришли специально разработанные на случай экстренных происшествий планы. В течение трех минут о случившемся проинформировали все ответственное руководство Управления, еще через три по специальному шифрованному телефону доложили директору, который в это время находился на совещании у вице-президента. Докладывал лично Митчелл. Спустя восемь минут известие о вероятной враждебной акции получили все главные органы американского разведывательного сообщества.

Митчелл тем временем затребовал к себе в кабинет все документы, имеющие отношение к Обществу. В чрезвычайной ситуации офицер, дежурящий по «тревожной» линии, получает чрезвычайные полномочия. Фактически он руководит большей частью Управления, и это продолжается вплоть до соответствующего приказа директора. Не прошло и минуты с момента, когда он запросил документы, как ему отзвонились из архива.

- Сэр, компьютерная проверка показала, что все базовые документы на девятую секцию семнадцатого отдела отсутствуют.

- Они... что?
- Отсутствуют, сэр.

– Тогда пришлите мне все, что у вас на них вообще найдется, и, чтоб вас, пришлите под охраной! – Митчелл брякнул трубку на рычаг прежде, чем потрясенный чиновник успел ему ответить. Митчелл сорвал другую трубку; ответили ему мгновенно. – Заморозка! – рывкнул он в телефон. Спустя несколько секунд все выходы из комплекса были перекрыты. Любая попытка войти или выйти встречалась огнем на поражение. По всем коридорам комплекса тревожно замигали красные огни. Специальные группы охранников начали прочесывать коридоры, приказывая всем, не занятым непосредственно в осуществлении режима тревоги, покинуть общественные помещения и вернуться на свои рабочие места. Малейшее промедление в выполнении этого приказа каралось приставленным к животу пистолетом и наручниками на запястьях.

Дверь в комнату дежурного отворилась сразу после того, как Митчелл отдал приказ блокировать комплекс. В помещение вошел, даже не потрудившись отдать честь часовому, массивный мужчина. Митчелл еще продолжал говорить по телефону, так что здоровяк плюхнулся в кресло рядом с заместителем дежурного.

– Что, черт возьми, происходит?

В нормальной ситуации на его вопрос ответили бы не задумываясь, но в настоящий момент Митчелл исполнял обязанности Бога. Заместитель покосился на своего шефа. Митчелл, продолжавший сыпать распоряжениями по телефону, все же услышал вопрос и кивнул. Его зам кивнул в ответ и выложил здоровяку краткое изложение того, что случилось и что успели предпринять. Когда он закончил рассказ, Митчелл положил трубку и вытер замусоленным носовым платком вспотевший лоб. Здоровяк устроился в кресле поудобнее.

– Митчелл, – произнес он, – если вы не против, я бы остался здесь – вдруг вам помощь потребуется. В конце концов, это я руковожу семнадцатым отделом.

– Спасибо, сэр, – кивнул Митчелл. – Буду рад любой вашей помощи.

Здоровяк хмыкнул и приготовился ждать.

Если бы вы проходили по Юго-Восточной-А прямо за Библиотекой Конгресса где-то в начале второго часа пополудни этого пасмурного четверга, вас бы удивила необычная для этого места активность. Словно из ниоткуда вынырнуло человек пять или шесть, и все направились к белому трехэтажному зданию. Прежде чем они успели подойти к двери, с противоположных сторон улицы подъехали и остановились прямо напротив дома две машины. На заднем сиденье каждой сидело по одному человеку, настороженно вглядывающемуся в фасад и сжимающему что-то в руках. Шестеро пешеходов зашли в калитку, но на крыльцо поднялся только один. Достав большую связку ключей, он повозился с замком и, дождавшись щелчка, кивнул остальным. Когда дверь распахнулась, шестеро выждали несколько секунд и только потом втянулись внутрь, закрыв за собой дверь. Мужчины в машинах немного расслабились, выбрались из салонов и принялись прогуливаться взад-вперед перед домом. Автомобили двинулись каждый в свою сторону, но, проехав несколько метров, припарковались у тротуара, при этом водители почти одновременно обменялись кивками с мужчинами, стоявшими по углам здания.

Спустя три минуты дверь отворилась. Из дома вышел человек и не спеша подошел к стоявшей поближе машине. Сев в салон, он снял трубку радиотелефона. Еще через две-три секунды его соединили с Митчеллом.

– Нападение подтверждается, – говорившего звали Алан Ньюберри. Ему довелось понюхать порошу во Вьетнаме, в Заливе Свиней, в горах Турции, в десятках темных переулков и темных зданий по всему миру, и все же Митчелл уловил в его голосе болезненную напряженность.

– Как, и насколько плохо? – Митчелл только сейчас начал по-настоящему верить в происходящее.

– Предположительно группа численностью от одного до пяти человек. Следов насильственного проникновения нет. Оружие, должно быть, использовалось с глушителями, иначе это услышало бы полгорода. В доме шесть трупов: четверо мужчин, две женщины. Большинство, похоже, не успели понять, что произошло. Следов дотошного обыска нет. Фотокамера наблюдения и пленка уничтожены. Телефоны молчат – возможно, перерезаны провода или уничтожен местный коммутатор. Над парой убитых придется здорово потрудиться, прежде чем предъявлять на опознание. Тихо, чисто и быстро. Убийцы точно знали, что им делать, – все до последней детали. Явно опытные.

Митчелл подождал еще на случай, если Ньюберри захочет что-нибудь добавить.

– Ясно. Дальше уже не по моей части. Я приостанавливаю активные мероприятия до дальнейших распоряжений сверху. Это значит, сидите там и ждите. Ничего не трогать. Я хочу, чтобы все осталось как было, в наилучшем виде. Не пускайте посторонних. Используйте для этого все, что считаете нужным.

Митчелл помолчал – и для того чтобы его приказ выглядел солиднее, и для того чтобы подумать, не совершает ли ошибки. Он только что дал Ньюберри право делать все, что угодно, включая убийство от имени государства. Убийство не для самообороны, а даже за взгляд, если он покажется подозрительным. Последствия такого приказа могли очень серьезно сказаться на всех, кого он касался.

– Я пошлю еще людей, – продолжил Митчелл, – прикрыть квартал. Я пришлю группу криминалистов, но они тоже должны оставить место происшествия таким, какое оно сейчас. Они захватят с собой средства связи. Ясно?

– Ясно. Да, мы обнаружили одну небольшую странность.

– Да? – насторожился Митчелл.

– В инструктаже по радио нам сказали, что у здания только один вход. Мы нашли два. Это вам ничего не говорит?

– Нет, – буркнул Митчелл. – Но пока мне в этом деле вообще ничего не ясно. Что-нибудь еще?

– Только одно. – Голос сделался ледяным. – Какой-то сукин сын измочалил девушку на верхнем этаже. Не просто убил, а измочалил. – Ньюберри выключил микрофон.

– Что дальше? – поинтересовался здоровяк.

– Дальше будем ждать, – ответил Митчелл, откидываясь на спинку кресла. – Будем сидеть и ждать звонка Кондора.

Без двадцати два Малькольм нашел в Капитолии телефон-автомат. Сунув в щель пару монет, полученных в качестве сдачи у бойкой юной билетерши, он набрал номер Митчелла. Трубку сняли, не дожидаясь конца первого гудка.

– Четыреста девяносто три тире семь два восемь два. – Голос в трубке звучал напряженно.

– Говорит Кондор, девятая секция семнадцатого отдела. Я в будке телефона-автомата. Я не заметил за собой слежки и совершенно уверен, что меня не подслушивают.

– Ваша информация подтвердилась. Нам необходимо доставить вас в Лэнгли, но мы боимся запускать вас сюда без сопровождения. Знаете театральный квартал в Джорджтауне?

– Да.

– Можете добраться туда за час?

– Да.

– Отлично. Скажите, знаете ли вы кого-нибудь, хотя бы внешне, из тех, кто работает в Лэнгли?

Малькольм подумал.

– Я проходил подготовку у инструктора с агентурной кличкой Воробей-четыре.

– Подождите минутку. – Митчелл набрал на компьютере имя и получил подтверждение того, что Воробей-4 действительно существует и находится в здании. – Ладно, – продолжал он. – Теперь слушайте, что делать. Через полчаса Воробей-четыре и еще один наш сотрудник остановят машину в переулке за театрами. Они будут ждать ровно час. Это даст вам минимум полчаса на подход с любого направления. Пешком в переулок можно попасть с трех сторон. Все три подхода дают вам возможность увидеть тех, кто там находится, прежде чем они заметят вас. Когда убедитесь, что за вами нет хвоста, заходите в переулок. Если увидите кого-то или что-то, что вызовет у вас подозрение, если Воробья-четыре и его спутника там не окажется или если с ними случится что-то еще, даже какой-нибудь чертов голубь будет слишком близко от их ног, уносите оттуда свою задницу, найдите безопасное место и звоните сюда. Если не сможете добраться туда, поступайте так же. Идет?

– Да-а-аапчихи!

Митчелл едва не выпрыгнул из своего кресла.

– Что это, черт подери, было? С вами все в порядке?

Малькольм вытер забрызганную слюной трубку.

– Да, сэр. Все в порядке. Извините, просто я простужен. Я понял, что делать.

– Ради бога. – Митчелл повесил трубку и устало откинулся на спинку кресла.

– Послушайте, Митчелл, – подал голос здоровяк прежде, чем тот успел что-нибудь сказать. – Если вы не против, давайте с Воробьем-четыре поеду я. Я в ответе за дела отдела, и потом, здесь вряд ли найдется кто-нибудь молодой и крутой, кто справится с этой ситуацией лучше, чем я, каким бы старым и усталым я ни казался.

Митчелл посмотрел на здоровяка – тот производил впечатление уверенного в себе человека – и улыбнулся.

– Хорошо. Заберете Воробья-четыре на выезде. Поезжайте на своей машине. Вы знакомы с Кондором?

Здоровяк мотнул головой.

– Нет, но мне кажется, я с ним пересекался. У вас найдется его фото?

Митчелл кивнул.

– У Воробья-четыре есть. Оружейники дадут вам все, что скажете, хотя я предпочел бы пистолет. Есть пожелания?

Здоровяк встал и направился к двери.

– Да, – ответил он, оглянувшись. – «Спешл» тридцать восьмого калибра с глушителем. На случай, если придется действовать тихо.

– Получите его в машине, вместе с патронами. Да, – окликнул Митчелл здоровяка, уже шагнувшего одной ногой за порог. – Еще раз спасибо, полковник Уэзерби.

Тот снова оглянулся и улыбнулся.

– Не за что, Митчелл. В конце концов, это моя работа. – Он закрыл за собой дверь и зашагал по направлению к гаражу. Спустя несколько шагов полковник негромко закашлялся.

Четверг, вторая половина дня

Неудачное исполнение выигрышной комбинации погубило множество партий, стоявших в шаге от победы. В таких партиях игрок ясно видит концепцию победы, знает, жертвует необходимыми для этого фигурами, а потом вдруг путает очередность ходов или промахивается в решающий момент комбинации.

Фред Рейнфельд. Полный курс шахматной игры

По причине плохой погоды Малькольм поймал такси без особого труда. Спустя двадцать минут он расплатился с водителем в паре кварталов от театрального. Он прекрасно понимал, что не должен попадаться на глаза. Еще через несколько минут он сидел за столиком в темном углу бара, заполненного мужчинами. Бар, который Малькольм выбрал в качестве временного убежища, являлся самым популярным местом общения вашингтонских гомосексуалистов. Начиная с перерыва на ленч в одиннадцать утра и до глубокой ночи мужчины всех возрастов, принадлежащие по большей части к среднему классу и выше, собираются в этом гей-баре, чтобы хоть немного расслабиться в обществе себе подобных. В баре всегда весело: через раскрытые окна на улицу выплескиваются громкая музыка и смех. Ну и присутствует здесь некоторое легкомыслие – напряженное, насыщенное иронией, и все-таки легкомыслие.

Малькольм надеялся, что в этом мужском обществе он не будет бросаться в глаза: одним мужчиной больше, одним меньше... Он как можно медленнее потягивал свой коктейль с текилой и поглядывал по сторонам в поисках знакомых. Некоторые из тех, на кого он смотрел, тоже изучали его взглядом.

Никто в баре не обратил внимания на то, что на столе Малькольм держал только левую руку. Правая сжимала рукоятку револьвера, который целился под столом в каждого, кто оказывался слишком близко.

Без двадцати три Малькольм поднялся из-за стола и вышел вместе с большой компанией завсегдатаев. Оказавшись на улице, он поспешно отделился от группы. Несколько минут он петлял по узким улочкам Джорджтауна, настороженно вглядываясь в окружающих его пешеходов. В три, убедившись, что за ним никто не следит, он направился к театральному кварталу.

Воробей-4 оказался тщедушным очкариком, инструктором по процедурным вопросам. В том, что касалось его роли в предстоящей операции, ему просто не оставили выбора. Он пытался возражать, что на такую работу он, мол, не подражался и что его вообще гораздо больше волнуют жена и четверо детей. Вместо ответа – скорее для того, чтобы он заткнулся, – оружейники напялили на него бронежилет. Тяжелый, плохо проветривающийся жилет пришлось надевать под рубашу. Сразу захотелось почесаться. Воробей-4 не помнил никого по кличке Кондор или фамилии Малькольм; он читал лекции для новичков больше десяти лет. Парней из технического отдела это не интересовало, но выслушать им все равно пришлось.

По дороге на стоянку Уэзерби проинструктировал водителей машин сопровождения. Подойдя к автомобилю, он осмотрел короткий пистолет с похожей на сардельку штучковиной на стволе и одобрительно кивнул хмурому типу из технического отдела. В обычной ситуации полковнику пришлось бы расписаться за полученное оружие, но полномочия Митчелла позволяли обойтись без этой процедуры. Оружейник помог Уэзерби пристегнуть наплечную кобуру, передал ему двадцать пять запасных патронов и пожелал удачи. Тот неопределенно хмыкнул в ответ и полез в свой голубой седан.

Три машины выехали со стоянки Лэнгли компактной колонной с голубым седаном Уэзерби посередине. Стоило им свернуть с кольцевой автострады, чтобы въехать в Вашингтон, как у замыкающего колонну автомобиля «лопнула» шина. Водитель «потерял управление», и машину развернуло, да так, что она перегородила две полосы движения. В этом дорожном происшествии никто не пострадал, но движение пришлось остановить на десять минут. Уэзерби не отставал от первой машины, вилявшей с полосы на полосу в плотном транспортном потоке. На тихой улочке жилого квартала на юго-западе города первая машина резко развернулась и поехала в противоположном направлении. Проезжая мимо голубого седана, водитель знаком показал Уэзерби, что все в порядке, а потом прибавил газу и скрылся из виду. Полковник направил свою машину в Джорджтаун, не прекращая поглядывать в зеркало заднего вида.

Уэзерби уже осознал свою ошибку. Отправляя в дом убийц, он приказал им уничтожить всех, кто в нем находился. Он сказал «всех», но не уточнил, сколько именно. Его люди в точности исполнили приказ, но приказа оказалось недостаточно: они не поняли, что одного человека не хватало. Почему того не оказалось на месте, Уэзерби не знал, но это его и не волновало. Теперь он знал о том, кого не хватало, о Кондоре, так что мог найти удовлетворительное решение этой проблемы. Он допустил ошибку, и теперь ему предстояло ее исправить.

Конечно, возможно, что Кондор не представляет опасности, что он не помнит разговора с этим, как его, Хейдиггером, но Уэзерби не собирался рисковать. Хейдиггер ухитрился расспросить всех сотрудников, кроме доктора Лаппе. Эти вопросы не имели права на жизнь. Никто не знал про эти вопросы, поэтому и этот человек должен был умереть, подобно остальным, даже если не осознавал того, что ему известно.

План полковника был прост, но чертовски опасен. Как только Кондор покажется, он его застрелит. Самооборона. Уэзерби покосился на трепещущего Воробья-4. Неизбежный побочный ущерб. Здоровяк не испытывал никаких угрызений по поводу предстоящей смерти маленького инструктора. Однако в его плане хватало рискованных моментов: Кондор мог владеть оружием лучше, чем ожидалось, на месте происшествия могли оказаться свидетели, Управление могло не поверить его версии и подвергнуть его стандартной процедуре допроса... Тысяча мелочей могла пойти не так, как надо. Но, как бы ни был велик риск, Уэзерби понимал, что ждет его, если он потерпит неудачу. Возможно, ему и удалось бы ускользнуть от Управления и других американских спецслужб. Есть способы, которыми уже успешно воспользовались в прошлом. В конце концов, полковник специализировался именно на таких штуках. Но он знал, что ему не уйти от человека запоминающейся внешности со странным взглядом. Если за дело брался этот человек, он действовал наверняка. И против Уэзерби-растяпы, Уэзерби-помехи он тоже будет действовать наверняка. Полковник знал это, и поэтому его кашель усилился. Осознание этого лишало всякого смысла попытки побега или предательства. Уэзерби не мог не исправить своей ошибки. Кондор должен был умереть.

Полковник медленно въехал в переулок, проехал его до конца, развернул машину и вернулся, остановив ее у мусорных контейнеров у служебного входа в театр. В переулке не было ни души, в точности как обещал Митчелл. Уэзерби сомневался, что сюда зайдет кто-то посторонний: жители Вашингтона опасаются темных переулков. Он знал, что Митчелл договорился с полицией, так что копы не вспугнут Кондора. Это устраивало полковника. Он махнул рукой Воробью-4, чтобы тот выходил из машины. Они стояли, прислонившись к машине, хорошо заметные со всех сторон, одни. Как и положено хорошему охотнику в засаде, Уэзерби выкинул из головы все лишние мысли, чтобы они не мешали ему сосредоточиться на задаче.

Малькольм увидел их прежде, чем они заметили его присутствие. Он внимательно разглядывал их с расстояния в шесть или семь десятков шагов. Ему стоило больших усилий не чихать, но он с этим справился. Убедившись, что эти двое одни, он выступил из-за телефонного столба и медленно пошел к ним. Напряжение отпускало его с каждым шагом.

Уэзерби заметил его сразу же. Он сделал шаг от машины. Он хотел стрелять наверняка, а шестьдесят шагов для пистолета с глушителем – дистанция довольно серьезная. Помимо этого, полковник хотел отойти чуть дальше от Воробья-4. Уберу их по очереди, решил он.

Воспоминание вспыхнуло в голове у Малькольма, когда до мужчин оставалось двадцать пять шагов – на пять шагов раньше, чем рассчитывал, ожидая его реакции, Уэзерби. Малькольм вспомнил мужчину в голубом седане, что стоял под дождем напротив здания Общества. Тот, в машине, и один из двух, поджидавших его сейчас, был одним и тем же человеком. Малькольм остановился и медленно попятился, почти непроизвольно потянув из-за пояса пистолет.

Уэзерби тоже понял: что-то не так. Его дичь совершенно неожиданно остановилась в одном шаге от западни, а теперь убегала, а может, готовилась защищаться. Неожиданные действия Малькольма заставили Уэзерби отказаться от первоначального плана и действовать согласно изменившейся ситуации. Выхватив собственное оружие, он бросил быстрый взгляд на Воробья-4, застывшего от страха и удивления. Робкий инструктор пока не представлял собой опасности.

Уэзерби побывал во многих переделках, требовавших быстрой реакции. Малькольм еще не вытащил пистолета из-за пояса, когда полковник выстрелил.

Пистолет, каким бы эффективным он ни казался, в полевых условиях является не самым удобным оружием – даже в руках опытного ветерана. То же самое, только еще в большей степени относится к пистолету с глушителем, поскольку глушитель, давая возможность стрелку действовать бесшумно, одновременно снижает энергию выстрела. Набалдашник на конце ствола – это дополнительный вес, который стрелку приходится брать в расчет. Пониженная энергия выстрела означает, что пуля летит с меньшей скоростью, а это, в свою очередь, меняет траекторию ее полета. И, наконец, пистолет с глушителем более громоздкий, а значит, его дольше выхватывать и труднее прицеливаться.

Все эти факторы работали против Уэзерби. Пользуясь он пистолетом без глушителя – даже при том, что поспешное отступление жертвы в любом случае потребовало бы от него некоторого времени для корректировки плана действий, – сомнений в исходе стрельбы не возникло бы. Но на то, чтобы выхватить пистолет с глушителем, у него ушло пусть на долю секунды, но больше. Пытаясь наверстать время, Уэзерби открыл огонь чуть поспешнее, чем требовалось, а это стоило ему меткости. Опытный убийца, он решился на более сложный, зато с гарантированным результатом выстрел в голову – и промахнулся. Спустя долю секунды после негромкого хлопка кусок свинца зацепил прядь волос над левым ухом Малькольма и с визгом унесся дальше, чтобы сгинуть в водах Потомака.

Малькольму только раз доводилось стрелять из пистолета – принадлежавшего приятелю спортивного пистолета двадцать второго калибра. Он выпалил пять раз по убегающему суслику – и все мимо. Из револьвера миссис Расселл он выстрелил от бедра, и оглушительный грохот пошел эхом гулять по переулку, казалось, еще до того, как Рональд понял, что нажал на спусковой крючок.

Человек, в которого попала пуля диаметром 9,07 миллиметра, не оседает на землю, зажимая рукой маленькую кровоточащую дырочку. Его швыряет на землю. Пуля, выпущенная с расстояния в двадцать пять шагов, ударяет с силой несущегося грузовика. Пуля Малькольма разворотила левое бедро Уэзерби. Сила удара вырвала из его ноги здоровенный кусок, клочья которого разлетелись по всему переулку, подбросила Уэзерби в воздух и бросила лицом вниз на асфальт.

Воробей-4 потрясенно смотрел на Малькольма. Тот медленно повернулся к маленькому инструктору, невольно нацелив револьвер тому в живот.

– Он был одним из них! – Малькольм задыхался, словно ему пришлось пробежать милю. – Он был одним из них! – Малькольм медленно пятился от лишившегося дара речи инструктора. Отступив до конца переулка, он повернулся и побежал.

Уэзерби застонал, пытаясь преодолеть шок. Боли он не ощущал. Это был крепкий человек, но ему потребовалось собрать все силы, чтобы поднять руку. Пистолета он из руки не выпустил. Как ни странно, голова его оставалась ясной. Очень медленно, очень тщательно он прицелился и выстрелил. Послышался еще один хлопок, и пуля разлетелась о стену театра, успев прежде разорвать горло Воробью-4, инструктору по процедурным вопросам, мужу и отцу четверых детей. Когда тело инструктора ударилось о машину, Уэзерби охватило странное чувство эйфории. Он еще жив, Кондор снова исчез, а отдел баллистики не найдет пуль, чтобы определить, кто и в кого стрелял. Надежда еще оставалась. Он потерял сознание.

Полицейский патруль обнаружил двух человек. У копов ушло довольно много времени на то, чтобы ответить на вызов перепуганного владельца соседней лавки, поскольку все патрули Джорджтауна были заняты проверкой сообщения о неизвестном снайпере. Сообщение, правда, впоследствии оказалось ложным.

Малькольм пробежал четыре квартала, прежде чем до него дошло, насколько подозрительным он, должно быть, кажется. Он сбавил скорость, несколько раз свернул и, поймав такси, попросил отвезти его в центр.

Боже праведный, думал Малькольм, это был один из них. Один из них. Должно быть, в Управлении об этом не знают. Ему нужно добраться до телефона. Нужно позвонить... Его охватил страх. А что, если этот человек в переулке не единственный двойной агент? Что, если его послал кто-то, кому известно, кто он? Что, если дежурный по «тревожной» линии тоже двойной агент?

Малькольм отмахнулся от этих предположений – куда важнее для него сейчас было просто выжить. Позвонить можно и потом, когда он обдумает все спокойнее. Его наверняка ищут. То есть его искали и прежде, до этой перестрелки, он ведь единственный, кто остался в жи... Но ведь он не единственный, вдруг сообразил он. Хейдиггер! Хейдиггер заболел и остался дома! Малькольм порывлся в памяти. Адрес... что там говорил Хейдиггер насчет своего адреса? Малькольм слышал, как тот говорил доктору Лаппе, что живет в... в Маунт-Ройял-Армз!

Малькольм объяснил таксисту свою проблему. Он ехал на встречу с девушкой, но забыл адрес. Все, что он помнит, – это то, что она живет где-то в Маунт-Ройял-Армз. Водитель, всегда готовый помочь влюбленным, связался со своим диспетчером, и тот нашел адрес по справочной книге. Когда такси остановилось перед обветшалым зданием, Малькольм дал водителю доллар сверху.

Фамилия Хейдиггера красовалась у номера 413. Малькольм позвонил. Дверь не открыли, динамик домофона молчал. Он позвонил еще раз, но в голове уже зрело неприятное, но логичное предположение. Так и не дождавшись ответа, он нажал три другие кнопки. Ему опять не ответили, и он принялся нажимать все по очереди. Наконец в динамике пискнул чей-то голос.

– Срочная доставка! – рявкнул он. Зажужжал замок, и он забежал в подъезд.

На его стук в квартиру номер 413 никто не отозвался, но к этому времени он уже и не ожидал этого. Малькольм опустился на колени и присмотрелся к замку. Если он не ошибался, дверь запиралась на простой замок с косым ригелем. В десятках книг писалось и в несчетном количестве фильмов демонстрировалось, как герой за пару секунд открывает такой замок с помощью кусочка пластика. Но где ему взять кусочек плотного пластика? Лихорадочно порывшись по карманам, он спохватился, открыл бумажник и достал из него свой ламини-

рованный цэрэушный пропуск. Картонка подтверждала, что он является сотрудником компании «Тентрекс Индастриз», к чему прилагались его имя, фамилия и фото в профиль и анфас. Малькольму нравились эти два фото.

Следующие двадцать минут Малькольм пыхтел, сопел, пихал, нажимал, умолял, проклинал, тряс, и ему наконец удалось протолкнуть пропуск в щель. При этом ламинирующая пленка порвалась, и картонная карточка провалилась внутрь квартиры.

Досада сменилась злостью. Колени у Малькольма затекли, и он встал. Если до сих пор его манипуляции никого не заинтересовали, чуть больше шума вряд ли что-нибудь изменит. Вложив в свой удар всю злость, весь страх, все огорчения этого дня, Малькольм врезал по двери ногой. Двери и замки в Маунт-Ройал-Армз не самого высшего качества. Управляющая компания старается поддерживать квартплату на доступном уровне, и экономия на строительных расходах является одним из главных путей достижения этой цели. Дверь квартиры 413 распахнулась, ударилась о резиновый отбойник и попыталась захлопнуться, но тут ее перехватил Малькольм. Он перешагнул порог и закрыл ее за собой гораздо аккуратнее, чем открывал. Он подобрал лежавший среди щепок пропуск и подошел к кровати и тому, что на ней лежало.

Кто бы это ни сделал, их явно поджимало время, так что с Хейдиггером они не церемонились. Если бы Малькольм задрал пижамную рубашку, он увидел бы множественные отметины от ударов: синяки на трупах, как правило, сохраняются довольно долго. Лицо покойного потемнело почти до черноты, что, помимо прочего, является свидетельством удушения. В комнате стояла вонь: человек, которого душат, не контролирует мочевой пузырь и кишечник.

Малькольм осмотрел начавшее вздуваться тело. Он плохо разбирался в судебной медицине, но понимал, что за два часа тело не начнет разлагаться, по крайней мере вот так. Значит, Хейдиггера убили раньше остальных. Не после того, как его не обнаружили на работе, а еще до нападения на здание. Малькольм ничего не понимал.

Правый рукав пижамы Хейдиггера лежал, оторванный на полу. Малькольм сомневался, чтобы его оторвали в драке. Он внимательнее пригляделся к руке Рича. На внутренней стороне, чуть ниже локтя, темнела маленькая припухлость, как от укуса насекомого. Или, подумал Малькольм, вспоминая свои студенческие подработки на «Скорой», от неумело сделанной инъекции. Они накачали его какой-то дрянью, возможно, пытаясь заставить говорить. О чем? Этого Малькольм не знал. Он принялся было осматривать комнату, но вспомнил про отпечатки пальцев. Вынув из кармана носовой платок, Рональд вытер все, к чему прикасался, включая наружную поверхность двери. В захлабленном гардеробе нашел пару пыльных гандбольных перчаток. На руки они не налезли, но пальцы защищали.

Следом за ящиками стола Малькольм обыскал стенной шкаф. На верхней полке он нашел конверт с деньгами, купюрами по пятьдесят и сто долларов. Пересчитывать их было некогда, но на вид в конверте лежало не меньше десяти тысяч.

Он сел на заваленный одеждой стул. Что-то тут не сходилось. Бывший алкоголик, счетовод, советовавший всем пользоваться услугами сберегательных фондов, боявшийся грабителей – и он хранил всю эту наличность на полке в стенном шкафу? Чушь какая-то. Малькольм покосился на труп. Так или иначе, подумал он, Хейдиггеру они больше не нужны. Малькольм сунул конверт в карман брюк. Наскоро оглядев комнату еще раз, он осторожно открыл дверь, спустился по лестнице и на углу сел в автобус до центра.

Первоочередная задача, понимал Малькольм, – это уйти от преследователей. К этому времени «их» должно стать уже по меньшей мере двое: само Управление и та группа, что напала на Общество, кем бы они ни были. И те и другие знали, как он выглядит. Значит, первое, что он должен сделать, – это изменить внешность.

Вывеска в окне парикмахерской гласила: «БЕЗ ОЧЕРЕДЕЙ», и, как это ни странно, на этот раз реклама не врала. Малькольм снял куртку, стоя лицом к стене. Пистолет сунул во внутренний карман куртки и только после этого уселся в кресло, но даже так на протяжении всей стрижки не сводил взгляда с верхней одежды.

– Чего вам угодно, приятель? – Седеющий парикмахер весело пощелкал ножницами в воздухе.

Малькольму не было жаль шевелюры. Он хорошо знал, как много зависит от стрижки.

– Покороче, чуть длиннее армейской. Так, чтобы волосы лежали, а не торчали.

– Меняете жизнь, а? – хмыкнул парикмахер, откладывая в сторону ножницы и втыкая в розетку шнур машинки.

– Угу.

– А скажите, приятель, вы бейсболом интересуетесь? Я – так даже очень. Я тут читал давеча статью в «Пост» насчет «Ориолов» и их весенних тренировок, так этот парень полагает, что...

Постригшись, Малькольм посмотрел в зеркало. Этого человека он не видел уже лет пять.

Следующую остановку он сделал в магазинчике секонд-хенда. Малькольм знал, что хороший камуфляж дешево не обходится, но понимал и то, что без соответствующего реквизита не обойтись. Пришлось как следует порыться, пока он не нашел потрепанную армейскую куртку с сохранившимися нашивками, которая оказалась более-менее впору. Нашивка над левым грудным карманом гласила «Ивенс». На левом рукаве красовалась еще одна – трехцветный орел с надписью золотыми буквами «ДЕСАНТ» на черном фоне. Теперь Малькольм стал ветераном 101-й воздушно-десантной дивизии. Также он купил – и сразу переоделся – пару синих джинсов-стретч и пару замечательно уцененных армейских башмаков («всего пятнадцать баксов, и ручаюсь вам, они побывали в бою во Вьетнаме»). Еще он купил нижнее белье, дешевый пуловер, черные мотоциклетные перчатки, носки, безопасную бритву и зубную щетку. Выйдя из магазина со свертком под мышкой, он принял хорошую армейскую осанку, почти неестественно выпрямив спину. Шаги его сделались твердыми, размеренными. На ходу Малькольм свысока поглядывал на всех встречающих девушек. Пройдя так кварталов пять, он решил, что необходимо сделать передышку, поэтому свернул в один из бесчисленных вашингтонских ресторанчиков «Горячая кружка».

– Чашку кофею мне, а? – обратился Малькольм к официантке. Та даже не удивилась его вдруг обретенному южному произношению. Когда она принесла кофе, Малькольм попробовал расслабиться и подумать.

За соседним столиком, за спиной Малькольма сидели две девицы. По давней привычке он прислушался к их беседе.

– Так ты едешь куда-нибудь на каникулы?

– Да нет, останусь дома. Просто отключусь на пару недель от мира.

– Ты же с ума сойдешь.

– Возможно, только не пробуй звонить мне с расспросами насчет прогресса в этом направлении: я, наверное, даже трубку снимать не буду.

Первая девица рассмеялась.

– А что, если какой-нибудь красавчик будет изнывать по твоему обществу?

Вторая презрительно фыркнула.

– Придется ему подождать пару недель. Я собираюсь отдохнуть.

– Что ж, дело твое. Уверена, что не хочешь поужинать сегодня?

– Нет, Энн, честное слово. Спасибо. Вот сейчас допью кофе, поеду домой и займусь тем, что не буду никуда спешить целых две недели.

– Что ж, Венди, удачи тебе, – скрипнул пластик стула. Девушка, которую звали Энн, прошла к выходу мимо Малькольма. Он успел увидеть пару шикарных ног, светлые волосы и решительный профиль, а потом она скрылась в толпе. Он сидел, не шевелясь, время от времени шмыгая носом, но чувствовал себя как на иголках, поскольку так и не нашел пока ответа на вопрос, где ему укрыться.

У девушки по имени Венди ушло еще пять минут на то, чтобы допить свой кофе. Выходя из-за стола, она даже не покосилась на мужчину, сидевшего у нее за спиной. Впрочем, она вряд ли разглядела бы его хорошо, потому что он прикрывал лицо меню. Малькольм дождался, пока девушка расплатится и направится к выходу, встал и поспешил за ней, бросив на ходу деньги на стойку.

Все, что он мог сказать, глядя на нее со спины, – это то, что она была высокая, худая, но не костлявая, как, скажем, Тамата, что волосы у нее короткие, черные, а ноги... ну, ничего ноги. Господи, подумал он, ну почему бы ей не оказаться той блондинкой? Малькольму продолжало везти, потому что ее машина стояла в дальнем конце забитой почти до отказа стоянки. Невозмутимо, словно так и полагалось, прошел он следом за ней мимо полного сторожа в мятой фетровой шляпе.

– Венди! – воскликнул Малькольм, стоило девушке отпереть дверцу выдавшего виды «Корвейра». – Боже, ты-то что здесь делаешь?

Девушка удивленно, но без тревоги оглянулась на подходившего к ней улыбавшегося типа в армейской куртке.

– Это вы мне? – Глаза у нее оказались близко посаженные, карие, рот – широкий, маленький носик, высокие скулы. Совершенно заурядное лицо, почти без следов макияжа, если не вовсе без него.

– Именно так. Ты что, не помнишь меня, Венди? – Ему оставалось до нее всего три шага.

– Я... не знаю. – Она заметила, что в одной руке он держит пакет, а другую держит за отворотом куртки.

Малькольм уже стоял рядом с девушкой. Поставив пакет на крышу машины, он небрежно положил левую руку ей на шею и пригнул ее голову вниз, чтобы она увидела пистолет в его правой руке.

– Не кричите и не делайте резких движений, или я размажу вас по всей стоянке. Ясно? – Малькольм почувствовал ее дрожь, но она быстро кивнула. – А теперь садитесь в машину и ототрите вторую дверь. Эта штука стреляет сквозь окна, и я медлить не стану. – Девушка поспешно забралась на водительское место, перегнулась влево и отперла вторую дверь. Малькольм захлопнул водительскую дверь, забрал свой пакет, медленно обошел машину и сел в салон.

– Пожалуйста, не делайте мне больно. – Ее голос звучал куда мягче, чем в ресторане.

– Посмотрите на меня. – Малькольму пришлось прокашляться. – Я не собираюсь делать вам больно, по крайней мере, пока вы будете делать, как я скажу. Денег ваших мне не нужно, и насиловать вас я тоже не собираюсь. Но вы должны делать все в точности, как я скажу. Где вы живете?

– В Александрии.

– Мы поедем к вам домой. Вы поведете машину. Если у вас есть идеи, как бы поигнать о помощи, забудьте их. Только попробуйте – и я выстрелю. Возможно, я пострадаю при этом, но вы точно погибнете. Это определенно того не стоит. Ясно?

Девушка кивнула.

– Тогда поехали.

Поездка в Виргинию вышла неуютной. Малькольм не отводил взгляда от девушки. Она не сводила взгляда с дороги. Почти сразу после въезда в Александрию Венди свернула в маленький дворик, окруженный жилыми домами.

– Который ваш?

– Первый. Моих два верхних этажа. В подвале еще один жилец.

– Вы хорошо справляетесь. Теперь, когда мы выйдем из машины, сделайте вид, будто ведете к себе домой приятеля. И не забывайте, я иду за вами по пятам.

Они вышли и одолели несколько шагов до двери. Руки у девушки дрожали, так что она не сразу отперла дверь, но все же справилась. Малькольм вошел следом и осторожно закрыл за собой дверь.

Четверг, вечер – пятница, утро

...Я так подробно анализирую эту игру, поскольку мне представляется очень важным, чтобы ученик видел, что ему противостоят и как ему необходимо действовать, чтобы справиться с проблемами реальной партии. Возможно, вам не удастся разыграть защиту и контратаку так же хорошо, и все же игра ставит перед вами достойную цель: научиться обороняться в условиях, когда соперник обладает лучшей мобильностью и перспективами.

Фред Рейнфельд. Полный курс шахматной игры

– Я вам не верю.

Девушка сидела на диване, не спуская глаз с Малькольма. Она боялась уже не так сильно, как поначалу, но сердце все равно, казалось, готово было проломить грудную клетку изнутри.

Малькольм вздохнул. Он уже час сидел напротив нее. Судя по тому, что он обнаружил в ее сумочке, звали ее Венди Росс, ей исполнилось двадцать семь лет, проживала она в Карбондейле, штат Иллинойс, там же была зарегистрирована ее машина, вес ее составлял сто тридцать пять фунтов при росте пять футов и десять дюймов (что представлялось ему откровенным преувеличением). Еще она регулярно сдавала Красному Кресту кровь первой положительной группы, являлась постоянной посетительницей александрийской публичной библиотеки и членом ассоциации выпускников Университета Южного Иллинойса. Работала она в отделе корреспонденции компании «Бехтель, Барбер, Сиверс, Оллорон и Маклстон». Судя по тому, что Рональд видел по ее лицу, Венди была напугана и не врала, говоря, что не верит ему. Малькольм не мог винить ее в этом: он и сам до конца не верил в происходящее, хотя и знал, что это правда.

– Послушайте, – сказал он. – Если бы то, что я вам рассказал, было неправдой, с какой стати мне убеждать вас в том, что все так и случилось?

– Не знаю.

– О господи. – Малькольм вскочил и заходил по комнате взад-вперед. Он мог бы связать ее, оставаясь здесь, но это было бы рискованно. И потом, она могла бы оказаться полезной. Рональд раскрыл рот, чтобы чихнуть, и тут его осенило.

– Послушайте, – повторил он, вытирая рот носовым платком. – Допустим, я могу хотя бы доказать, что я работаю в ЦРУ. Тогда вы мне поверите?

– Ну, может быть... – Выражение лица девушки немного изменилось.

– Ладно, тогда посмотрите-ка на это. – Малькольм сел рядом с ней. Он ощутил, как напряглось ее тело, но Венди послушно взяла из его рук мятый клочок картона.

– Что это?

– Мой цэрэушный пропуск. Вот, видите: это я, только с длинными волосами.

– Здесь написано «Тентрекс Индастриз», – холодно заметила девушка. – Не «ЦРУ». Видите ли, я все-таки умею читать. – Он видел, что, сказав резкость, она сразу же пожалела об этом, но извиняться не стала.

– Я сам знаю, что там написано! – От нетерпения Малькольм тоже сделался взвинченным. Его план мог не сработать. – У вас есть телефонная книга округа Колумбия?

Девушка кивнула в сторону пристенного стола. Малькольм пересек комнату, взял толстенный фолиант и бросил его девушке. Венди легко поймала его.

– Поищите там «Тентрекс Индастриз»! – Малькольм уже почти кричал. – Как следует поищите! На белых страницах, на желтых страницах – везде! На пропуске есть телефон и адрес на Висконсин-авеню, значит, фирма должна быть в книге. Ну!

Девушка поискала, потом еще раз. Потом закрыла книгу и искоса посмотрела на Малькольма.

– Ну, у вас есть пропуск в место, которого не существует. И что это доказывает?

– Вот! – Малькольм возбужденно метнулся обратно к дивану, прихватив с собой телефон. Длины шнура едва хватило. – А теперь, – он понизил голос, – поищите вашингтонский номер Центрального разведывательного управления. Номера одинаковые.

Девушка снова раскрыла книгу и перелистала страницы. Некоторое время она озадаченно молчала, потом еще раз покосилась на Малькольма.

– Может, вы сначала нашли номер, а потом сделали этот пропуск. Ради таких вот случаев.

Черт, подумал Малькольм. Он сделал глубокий выдох, потом глубокий вдох и попытался еще раз:

– Верно, это я мог, но есть ведь способ проверить. Позвоните по этому номеру.

– Уже больше пяти, – возразила девушка. – Если никто не ответит, мне что, положено верить вам до утра?

– Вы правы, – насколько мог терпеливо объяснил Малькольм. – Если бы «Тентрекс» был реальной компанией, он бы закрылся уже до завтра. Но ЦРУ работает круглосуточно. Наберите этот номер и попросите «Тентрекс». – Он протянул ей телефон. – Да, еще одно. Я буду слушать, так что не делайте глупостей, ладно? Повесите трубку, когда я вам скажу.

Девушка кивнула и набрала номер. Три гудка.

– Дабл Ю четыре тире три девять два шесть.

– Будьте добры, могу я поговорить с «Тентрекс Индастриз»? – сухо заговорила девушка.

– Мне очень жаль, – ответил мягкий голос. В трубке послышался негромкий щелчок. – Все в «Тентрекс» ушли до завтра. Могу я поинтересоваться, кто говорит и какое у вас к ним дело?..

Малькольм нажал на рычаг прежде, чем система поиска успела засечь источник звонка. Девушка медленно опустила трубку. В первый раз за все время она посмотрела на Рональда в упор.

– Не знаю, верю ли я всему, что вы рассказали, – задумчиво сказала она. – Но частично определенно верю.

– Еще одно, последнее доказательство. – Малькольм достал револьвер из кармана и осторожно положил ей на колени. Потом вернулся в противоположный угол комнаты и сел в набивное кресло. Его руки вспотели, но лучше было рискнуть сейчас, чем позже. – Пистолет у вас. Вы можете застрелить меня раньше, чем я успею на вас накинуться. Вон телефон. Можете позвонить куда угодно. В полицию, в ЦРУ, в ФБР – мне все равно. Но я хочу, чтобы вы понимали, что может произойти, если вы позвоните. Звонок могут перехватить не те, кому он предназначен. Они могут добраться сюда первыми. И если им это удастся, считайте, мы оба покойники.

Некоторое время девушка сидела молча, глядя на лежавший у нее на коленях пистолет.

– Я вам верю, – наконец произнесла она очень тихо – Малькольму пришлось даже напрячь слух, чтобы расслышать.

Она вдруг ожила – встала, положила оружие на стол и принялась расхаживать по комнате.

– Я... я не знаю, чем могу помочь вам, но попробую. Вы можете остаться здесь, у меня есть вторая спальня... гм... – Она покосилась в сторону кухни. – Я могла бы приготовить что-нибудь поесть, – робко предложила она.

Малькольм улыбнулся – он и не думал, что способен еще улыбаться по-настоящему.

– Это было бы замечательно. Можете сделать для меня еще одну вещь?

– Да что угодно! Что попросите. – Напряжение отпустило Венди, как только она поняла, что, возможно, останется в живых.

– Можно мне воспользоваться вашим душем? Волосы после стрижки за воротником колются – сил нет.

Венди улыбнулась ему, и оба рассмеялись. Она проводила его в ванную на верхнем этаже и дала мыло, шампунь и полотенце. Девушка не стала возражать, когда он захватил с собой пистолет. Как только она спустилась вниз, он на цыпочках подобрался к лестнице. Ни скрипа отворяемой входной двери, ни звука вращающегося телефонного диска. Услышав, как она хлопает дверцами и звенит посудой на кухне, он вернулся в ванную, разделся и залез под душ.

Малькольм плескался минут тридцать, позволив струйкам воды смывать с тела усталость. Пар прочистил ему нос, и к моменту, когда Рональд выключил воду, он почувствовал себя почти человеком. Он натянул на себя свежее белье и новый пуловер. Механически посмотрелся в зеркало, чтобы пригладить волосы. Они сделались такими короткими, что для этого хватило двух движений руки.

Когда он вернулся вниз, в гостиной играла музыка. Он узнал диск: Винс Джаральди, «Джазовые импровизации на тему «Черного Орфея». Песня называлась «Доверь свою судьбу ветру». У него тоже был этот альбом, о чем он и сообщил Венди, когда они сели за обед.

За салатом Венди рассказала Малькольму о жизни в провинциальном городке в Иллинойсе. Отправляя в рот разогретую фасоль, он слушал о жизни в Университете Южного Иллинойса. Картофельное пюре сопровождалось рассказом о несостоявшемся женихе. Когда они перешли к стейку быстрого приготовления, он узнал, как скучно работать секретаршей в солидной вашингтонской юридической конторе. За чизкейком с вишнями наступила пауза.

– В общем, – подытожила она, разливая кофе, – жизнь у меня была скучнее некуда. До сегодняшнего дня, конечно.

За совместным мытьем посуды он объяснил ей, за что так не любит свое имя. Венди обещала звать его только по фамилии. Она забрызгала его мыльной пеной, но сразу же вытерла ее.

Разделавшись с посудой, Малькольм пожелал ей спокойной ночи и потащился вверх по лестнице в ванную. Он вынул контактные линзы и убрал их в маленький контейнер. («Чего бы я только ни отдал за свои очки... ну, хотя бы за увлажняющую жидкость», – подумал он.) Потом почистил зубы, прошел через коридор в маленькую спальню, рухнул в свежестеленную кровать, сунул на всякий случай под подушку носовой платок, положил пистолет на тумбочку и провалился в сон.

Она пришла к нему вскоре после полуночи. Сначала Малькольм решил, что ему это снится, но ее тяжелое дыхание и жар ее тела были слишком реальными. Первое, о чем он подумал, окончательно проснувшись, – это что Венди только что приняла душ. От нее исходил легкий аромат шампуня, смешивавшийся со сладким запахом возбуждения. Прижимая к себе ее нетерпеливое тело, он перекатился на бок. Их губы нашли друг друга. Ее язык осторожно, испытующе проник ему в рот. Она возбудилась не на шутку. Ему не без труда удалось освободиться от обвивавших его рук, чтобы раздеться. Стянув наконец трусы и майку, он перевернул ее на спину и медленно провел рукой снизу вверх – от ритмично напрягавшихся бедер, по плоскому животу к отвердевшим соскам. Грудь у нее была маленькая, целиком умещавшаяся в ладони. Откуда-то в голове всплыло воспоминание о девушке, проходившей под окнами Общества: вот у той была классная, высокая грудь. Он чуть сжал грудь пальцами. Венди громко застонала и пригнула его голову вниз, так чтобы его губы коснулись полных нетерпения сосков. Лаская их языком, он снова опустил руку, коснувшись влажной, пылаю-

щей промежности. Она со свистом втянула в себя воздух и выгнула спину. Потом нашла его и снова застонала, на этот раз тише.

– Ну же, ну!

Малькольм забрался на нее – неуклюже, как это бывает у не привыкших еще друг к другу любовников. Они крепко прижимались друг к другу. Она пыталась целиком, без остатка вжаться в его тело. Прикосновения его рук посылали по всему ее телу вспышки жаркого огня. Ее руки гладили его спину, а за мгновение до того, как взорваться, Венди вцепилась ногтями ему в ягодицы, отправляя его еще глубже.

Полчаса они лежали рядом, приходя в себя, потом начали все снова, медленнее и осторожнее, но с большей страстью. Когда все закончилось, она положила голову ему на грудь.

– Тебе не обязательно любить меня, – прошептала Венди. – Я ведь не люблю тебя... ну, не знаю, пока. Но я хочу тебя, и ты мне нужен.

Малькольм не сказал ничего, только крепче прижал ее к себе. А потом они заснули.

Некоторым этой ночью так и не удалось добраться до постели. Когда до Лэнгли дошла информация о перестрелке в Джорджтауне, натянутые нервы натянулись еще сильнее. Машины с очень и очень решительно настроенными людьми оказались в переулке первыми, опередив карету «Скорой». Вашингтонские полицейские жаловались своему начальству на «людей в штатском, представлявших представителей федеральных органов», допрашивавших свидетелей. Конфликт между двумя ветвями власти удалось предотвратить появлением на месте событий представителей третьей. В переулок зарулили три автомобиля более официального вида. Двое мужчин весьма серьезного вида, в отглаженных белых сорочках и темных костюмных парах протолкались через неизбежную толпу зевак и сообщили начальникам других департаментов, что с этого момента этим делом официально занимается ФБР. «Люди в штатском, представлявшие представителей федеральных органов» и полицейские связались каждый со своим руководством и получили распоряжения не обострять ситуацию.

ФБР вступило в игру, когда власти предрешающие приняли в качестве главной версии событий шпионаж. Закон о национальной безопасности 1947 года гласит: «Управление (ЦРУ) не может выполнять полицейских, судебных или иных функций, связанных с внутренней безопасностью государства». События этого дня определенно подпадали под определение «ущерб внутренней безопасности» и, следовательно, под юрисдикцию ФБР. Митчелл, как мог, оттягивал передачу информации родственному агентству, но даже сам заместитель директора не мог долго противостоять давлению сверху.

Однако никто не лишал ЦРУ права расследовать покушения на жизнь его сотрудников, где бы они ни произошли. В законодательстве, определяющем поле деятельности Управления, есть лазейка, позволяющая ему проворачивать многие сомнительные предприятия. Лазейка эта, именуемая пятым разделом Закона о безопасности, позволяет Управлению осуществлять «меры разведывательного характера, связанные с вопросами национальной безопасности, при условии контроля за ними со стороны Национального совета безопасности». Закон также предоставляет ЦРУ право допрашивать людей на территории Соединенных Штатов. Руководство Управления сочло, что исключительный характер случившегося требует от организации активных действий, которые могут и должны продолжаться вплоть до распоряжения Национального совета безопасности. В очень вежливой, но не позволяющей усомниться в серьезности намерений форме они известили об этом ФБР, поблагодарив тех, разумеется, за сотрудничество и помощь в будущем расследовании.

Вашингтонская полиция, таким образом, осталась с трупом на руках и раненым в перестрелке, которого почти сразу же увезли в неизвестную больницу куда-то в Виргинии, в

тяжелом состоянии и с неясными прогнозами. Их не удовлетворили и не утешили заверения различных федеральных чиновников; так или иначе они оказались не в состоянии расследовать это дело самостоятельно.

Впрочем, непосредственно на месте событий эта ведомственная неразбериха ощущалась значительно слабее: все бюрократические распри значили очень мало по сравнению с убитым человеком. Агенты, непосредственно занимавшиеся расследованием, договорились координировать свои действия. Уже вечером в Вашингтоне развернулась поисковая операция, одна из самых масштабных в истории города – и ее объектом стал Малькольм. К утру охотники продвинулись в своих поисках довольно далеко, но все еще не имели ни малейшего представления о местонахождении Малькольма.

Это вряд ли улучшило настроение собравшихся на рассвете следующего дня за столом в центральном вашингтонском офисе. Большинство из них легли спать накануне очень поздно или не ложились вовсе, и это тоже не добавляло им радости. На совещании присутствовали все региональные руководители ЦРУ и начальники всех отделов. Место председателя занимал заместитель директора, ответственный за разведку, – его назначили ответственным за ход расследования, поскольку ЧП произошло в его директорате. Первым делом он изложил угрюмым собравшимся обстановку на текущий момент.

– Восемь сотрудников Управления мертвы, один ранен и еще один – возможно, двойной агент – пропал. Повторяю, мы обладаем неполной и, добавлю от себя, сомнительной информацией о причинах происходящего.

– Что заставляет вас считать, что оставленное убийцами послание – фальшивка? – поинтересовался мужчина в форме капитана военно-морского флота.

Заместитель директора вздохнул. Капитану всегда приходилось повторять все дважды.

– Мы не утверждаем, что это фальшивка, а только предполагаем это. Мы считаем, что это уловка, имеющая целью заставить нас поверить в то, что убийства совершены чехами. Ну да, мы нападали на один из их отделов в Праге, но это делалось ради чрезвычайно важной информации. И убили-то при этом всего одного. А они, как известно, способны на многое, но мелодраматическая месть не в их стиле. Тем более с оставленными на месте преступления посланиями, которые очень гладко все объясняют. Тем более если они сами не имеют от этого никакой выгоды. Ни-ка-кой!

– Позвольте задать вам один-два вопроса, господин председатель?

Заместитель директора подался вперед, мгновенно насторожившись.

– Разумеется, сэр.

– Благодарю вас, – кивнул невысокий пожилой джентльмен. Незнакомым он наверняка напоминал бы доброго старого дядюшку с хитрыми искорками в глазах. – Так, освежить память... поправьте меня, если я ошибаюсь. Так вот, тот, которого нашли у себя дома, Хейдиггер. У него в крови обнаружили пентатал натрия, верно?

– Совершенно верно, сэр. – Заместитель директора напряг память, пытаясь вспомнить, все ли подробности он упомянул в своем докладе.

– Однако никого из остальных, насколько нам известно, не «допрашивали». Странно, очень странно. За ним пришли ночью, задолго до нападения на отдел. Убили перед рассветом. И при этом ваше расследование утверждает, что наш парень, Малькольм, приходил к нему домой в середине дня, после того как ранили Уэзерби. Вы утверждаете, нет никаких свидетельств того, что Хейдиггер был двойным агентом? Никаких расходов не по средствам, никаких признаков сторонних заработков, никакой уязвимости к шантажу?

– Ничего, сэр.

– И никаких признаков душевной неуравновешенности? – Как известно, сотрудники ЦРУ отличаются от большинства остальных американцев повышенным риском психических расстройств.

– Никаких, сэр. Если не считать его прошлого алкоголизма, он казался абсолютно нормальным, пусть и немного нелюдимым.

– Да, да, я читал. А остальные? Не вскрылось ничего необычного?

– Ничего, сэр.

– Сделайте любезность, перечитайте то место, где Уэзерби сказал что-то санитарам. Как он, кстати?

– Лучше, сэр. Врачи говорят, он выживет, но сегодня ему должны ампутировать ногу. – Заместитель директора зашуршал бумагами в поисках нужного места. – Да, вот. Вы, разумеется, не должны забывать, что почти все время он находился без сознания. Он очнулся только раз, посмотрел на врачей и сказал: «Меня застрелил Малькольм. Нас обоих застрелил Малькольм. Найдите его, убейте его».

В дальнем конце стола заерзали, и капитан-морьяк подался вперед.

– Я вот что скажу, – произнес он низким, севшим от недосыпа голосом. – Мы найдем этого сукина сына и разнесем его на клочки вместе с той норой, где он прячется!

Пожилой джентльмен усмехнулся.

– Да. Конечно. Совершенно согласен с тем, что мы должны отыскать нашего блудного Кондора. Только, сдается мне, было бы жаль «разнести его на клочки» прежде, чем он расскажет нам, зачем застрелил бедолагу Уэзерби. Ну и вообще, зачем застрелил всех. Вы имеете еще что-нибудь нам сказать, господин председатель?

– Нет, сэр, – ответил директор и принялся собирать бумаги в кейс. – Полагаю, мы обсудили все. Теперь вы владеете всей той информацией, что и мы. Благодарю всех за участие в совещании.

Сидевшие за столом начали расходиться. Пожилой джентльмен наклонился к соседу.

– Нет, правда, – пробормотал он вполголоса. – Зачем?

Он улыбнулся, покачал головой и вышел следом за остальными.

Малькольм проснулся только тогда, когда Венди начала ласкать его с таким жаром, что не обращать на это внимания не смог бы даже больной человек. Ее руки и губы скользили по всему его телу, и прежде чем он понял, где он и что происходит, она оседлала его, и Рональд снова ощутил, как тепло ее тела сменяется огнем.

Потом она долго молчала, глядя на него и осторожно прикасаясь к нему, словно открывая неизвестную для себя территорию. Затем дотронулась до его лба и нахмурилась.

– Малькольм, ты здоров?

У Малькольма не было ни малейшего настроения строить из себя героя. Он мотнул головой и с усилием прохрипел: «Нет». Похоже, одного слова хватило, чтобы горло разболелось словно от ожога. Видимо, долгие разговоры им сегодня не светили.

– Да ты совсем болен! – Венди дернула его за подбородок. – Дай посмотреть! – скомандовала она и заставила раскрыть рот. – Господи, да у тебя там все красное! – Она отпустила Малькольма и поднялась с кровати. – Пойду вызову доктора.

Малькольм схватил ее за руку. Она испуганно повернулась к нему и сразу же улыбнулась.

– Все в порядке. У моей подруги муж – врач. Он проезжает мой дом по дороге в свою больницу и обратно. Не знаю, выехал он уже или нет. Если нет, попрошу его заехать и посмотреть заболевшего друга. – Девушка хихикнула. – Да ты не беспокойся. Он никому ничего не скажет, так как подумает, что это тайна другого рода. Идет?

Рональд внимательно посмотрел на Венди, потом отпустил ее руку и кивнул. Честно говоря, сейчас ему было все равно, даже если бы доктор привел с собой приятеля Воробья-4. Все, чего ему хотелось, – это покоя.

Доктор оказался мужчиной средних лет с выпуклым животиком. Он ощупал Малькольма, померил ему температуру и так долго заглядывал в горло, что Рональд начал бояться, что его стошнит. Наконец доктор поднял взгляд.

– У вас, приятель, начальная стадия фарингита. – Он повернулся к Венди, нетерпеливо пританцовывавшей у него за спиной. – Ничего страшного, правда. Сейчас подлатаем.

Малькольм не без опаски наблюдал за тем, как доктор роется у себя в саквояже. Когда тот повернулся, Малькольм увидел в его руке шприц.

– Лягте на живот и спустите штаны.

Перед глазами Рональда вдруг возникла картина – безжизненная, остывшая рука с крошечной отметиной чуть ниже локтя. Он застыл.

– Ради бога, это же совсем не больно. Самый обычный пенициллин.

Сделав укол, доктор повернулся к Венди.

– Вот. – Он протянул ей листок бумаги. – Купи все по этому списку и проследи, чтобы он все принял. Молодому человеку нужен хотя бы один день покоя. – Он с улыбкой наклонился к самому уху Венди. – Ты поняла, Венди? Я имею в виду полный покой.

Всю дорогу до двери доктор смеялся.

– И кому мне присылать счет? – хмыкнул он, оглянувшись уже с крыльца.

Венди застенчиво улыбнулась и протянула ему двадцать долларов. Доктор раскрыл было рот, чтобы заспорить, но она решительно перебила его:

– Он может себе позволить. И он... то есть мы очень вам благодарны.

– Еще бы, – саркастически фыркнул доктор. – Я к кофе опоздал. – Он помолчал и снова на нее оглянулся. – Знаешь, а ведь он – то самое средство, которое я бы тебе прописал уже давно. – И, помахав рукой на прощание, ушел.

Когда Венди вернулась наверх, Малькольм снова спал. Стараясь не шуметь, она взяла список и отправилась по магазинам. Все утро она провела, покупая вещи по списку, который они вместе составили в ожидании доктора. Поэтому, помимо прописанных Малькольму лекарств, она купила несколько комплектов нижнего белья, несколько пар носков, рубашек, а также брюки, куртку и четыре книжки в мягких обложках, поскольку не знала, какого рода чтение он предпочитает. Все свои покупки Венди притащила домой как раз к ленчу. Вторую половину дня и вечер она провела тихо, время от времени проверяя состояние своего подопечного. И все это время улыбалась.

Контроль над огромными, порой даже громоздкими спецслужбами Америки может являться прекрасной иллюстрацией к древнеримскому афоризму *sed quis custodiet ipsos custodes* – кто устережет самих сторожей? В дополнение к собственным службам внутренней безопасности, существующим у каждого из ведомств, Законом о национальной безопасности 1947 года предусматривалось создание Совета национальной безопасности – органа, состав и структура которого менялись с каждой сменой президентских администраций. Как правило, в Совет входят президент и вице-президент, а также руководители ключевых министерств. Основная обязанность Совета – надзор за деятельностью спецслужб и разработка политических решений, направляющих их деятельность. Однако члены Совета национальной безопасности – люди занятые, у них хватает дел и помимо всяких разведывательных дразг, поэтому большая часть решений, касающихся спецслужб, принимается более компактным «подкомитетом», известным как «специальная группа». Посвященные часто называют ее «Группой 54–12», поскольку она создана секретной директивой 54–12 на заре правления Эйзенхауэра. Вне разведывательных кругов об этой группе практически никому не известно, и вообще тех, кто знает о ее существовании, можно пересчитать по пальцам.

Состав «Группы 54–12» тоже меняется от президента к президенту. В нее входят директор ЦРУ, госсекретарь или его заместитель, а также министр и замминистра обороны. При

Кеннеди и Джонсоне представителем президента и главным лицом в группе являлся Макджордж Банди. Кроме него в группу входили Джон Маккон, Роберт Макнамара, Розуэлл Джилпатрик (замминистра обороны) и Юрал Алексис Джонсон (заместитель госсекретаря по иностранным делам).

Контроль над американскими спецслужбами представлял бы непростую задачу даже для занятых исключительно этим профессионалов. Ситуация, когда надзирающим приходится полагаться на надзираемых в том, что касается необходимой для этого надзора информации, и вовсе становится весьма щекотливой.

Взять хотя бы проблему юрисдикции. Например, представим, что ученый-американец занимается шпионажем, работая в НАСА, а потом перебегает в Россию и продолжает шпионить и там, только делает это уже для французской разведки. И какому, скажите на милость, ведомству его теперь нейтрализовывать? ФБР? Ведь начинал он свою противозаконную деятельность на американской территории. Или ЦРУ? Ведь затем он орудовал на территории, входящей в сферу их деятельности? В условиях, когда бюрократическая ревность порой переходит в открытое соперничество, подобные вопросы имеют большое значение.

Вскоре после своего создания группа 54–12 попыталась разрешить проблемы внутренней информации и юрисдикции. С этой целью внутри нее был создан маленький спецотдел по безопасности, не имеющий собственного названия, – все его члены именуются просто сотрудниками группы 54–12. В обязанности отдела входит обеспечение связи. Его начальник напрямую связан с руководством всех спецслужб. Он уполномочен разбирать все противоречия, возникающие между конкурирующими ведомствами. Помимо этого, спецотдел обязан доводить всю информацию, получаемую «Группой 54–12», до всех без исключения подконтрольных ей ведомств. Но самым существенным является его право «принимать в чрезвычайных ситуациях меры специального характера, адекватные сложившейся обстановке».

Для осуществления этих «мер специального характера» в составе группы числится некоторое (очень ограниченное) количество специально подготовленных сотрудников, руководитель которых может привлекать по необходимости для совместной работы нужных специалистов из других ведомств.

Сотрудники «54–12» осознают, что само ее существование создает определенные сложности. Как любой государственный орган, группа могла бы следовать общей тенденции разрастания и разбухания, превращаясь тем самым в часть той проблемы, для разрешения которой она создавалась. Несмотря на свой маленький размер, спецотдел группы обладает огромной властью и не менее огромными возможностями. Поэтому даже маленький просчет, допущенный им, может привести к катастрофическим последствиям. «Группа 54–12» очень внимательно следит за своим детищем, жестко контролируя его бюрократическую или иную активность, сводя всю оперативную деятельность к необходимому минимуму и ставя во главе его лишь самых выдающихся своих сотрудников.

Пока Малькольм и Венди ждали доктора, крупный солидный мужчина сидел на стуле в приемной кабинета на Пенсильвания-авеню в ожидании особого приглашения. Звали его Кевин Пауэлл. Он ждал терпеливо, но не без волнения: его приглашали в этот кабинет не каждый день. Наконец секретарша махнула рукой, и он вошел в кабинет человека, напоминавшего старого доброго дядюшку. Пожилой джентльмен жестом предложил садиться.

– Ах, Кевин, как я рад тебя видеть!

– И я рад встрече, сэр. Хорошо выглядите.

– Ты тоже, мой мальчик, ты тоже. Вот. – Джентльмен бросил Пауэллу на колени папку. –

Почитай-ка.

Пока Пауэлл читал, старик внимательно изучал его взглядом. Пластические хирурги отменно потрудились над его ухом, и только наметанный взгляд заметил бы небольшую выпуклость пиджака слева под мышкой.

– И что ты, мой мальчик, думаешь на этот счет? – поинтересовался пожилой джентльмен, когда Пауэлл оторвался от бумаг.

Он подумал, подбирая слова.

– Очень странно, сэр. Я не знаю точно, что это означает, хотя все это, похоже, очень серьезно.

– Ты прямо читаешь мои мысли, мой мальчик, право же. И Управление, и Бюро отправили отряды своих людей прочесывать город, наблюдать за аэропортами, автостанциями, вокзалами и прочим – все как полагается, только в невиданном доселе масштабе. Ты ведь знаешь, на штуках такого рода они набили руку и, должен признать, справляются не так уж плохо. По крайней мере до сих пор справлялись. – Он сделал паузу и поймал на себе заинтригованный взгляд Пауэлла. – Им удалось найти парикмахера, который помнит, как коротко стриг нашего парня – вполне предсказуемый, но заслуживающий одобрения шаг с его стороны – вскоре после того, как подстрелили Уэзерби. Тот, кстати, быстро приходит в себя после ампутации. Его надеются допросить сегодня вечером. О чем бишь я... ах да. Они прочесали весь район и нашли место, где он прикупил себе одежды, но самого его упустили. И теперь не имеют ни малейшего представления, где искать дальше. У меня есть на этот счет пара соображений, но до поры до времени я оставлю их при себе. Есть несколько аспектов, заняться которыми я хотел бы попросить тебя. Не мог бы ты найти ответы на кое-какие вопросы, а может, задать вопросы, до которых я не додумался, а?

– Зачем? Зачем все это? Если это действительно чехи, зачем им сдался именно этот отдел, кучка безобидных бездельников-аналитиков? А если это не чехи, мы возвращаемся к самому первому вопросу.

Теперь о способе. Зачем так вызывающе? И почему этого... как его... Хейдиггера убили еще ночью? Что он знал такого, чего не знали остальные? И если он отличался от остальных, зачем тогда убили и их? Если Малькольм работал на них, им не нужно было бы допрашивать Хейдиггера, так ведь? Малькольм сам бы рассказал им все это.

Ну и, наконец, наш парень, Малькольм. С ним этих «зачем?» еще больше. Если он двойной агент, зачем звонил на «тревожный» номер? Если он двойной агент, зачем он тогда договорился о встрече? Чтобы убить Воробья-4, которого мог бы убрать без всякого труда и по-тихому, если он его действительно знал в лицо? А если он не двойной агент, то зачем стрелял в двух людей, которых сам вызвал, чтобы они доставили его в безопасное место? Ну и само собой, где он сейчас, чем занят и как себя чувствует?

Эти вопросы тянут за собой множество других, но, сдается мне, эти сейчас важнее всего. Ты со мной согласен?

Пауэлл кивнул.

– Согласен, – подтвердил он. – И что мне делать?

Пожилой джентльмен улыбнулся.

– Тебе, мальчик мой, выпала удача получать зарплату в моем отделе. Как ты, конечно, знаешь, нас создали, чтобы мы разгребали оплошности бюрократов наверху. Могу себе представить кое-кого из тамошних бумагомарак, сунувших меня, бедолагу, на это место в надежде, что я проведу остаток жизни погребенным под бумажными завалами. Как ты понимаешь, подобная перспектива не слишком меня прельщает, и поэтому я тут кое-что переиначил, чтобы в нашей работе было меньше бумаг, а больше дела. Набрал сюда правдами и неправдами не самых плохих оперативников, выбил кое-какие полномочия – в общем, завел собственную лавочку, как в старые добрые времена. И при той неразберихе, что царит в наших разведывательных службах, мне всегда найдется с чем поиграть. Я как-то познакомился с одним драматургом, так тот говаривал, что лучший способ изобразить на сцене хаос – это нагнать туда побольше актеров. А мне удастся ловить рыбку в чужом хаосе. И кажется, – добавил он скромно, – что некоторые из моих предприятий, пусть и небольшие,

пошли-таки на пользу нашей стране. Но вернемся к нашим баранам. Вообще-то меня это дело не касается, но вся история чертовски мне любопытна. Я думаю, в том, как взялись за это дело Бюро и Управление, есть в ней что-то не то. Во-первых, ситуация чрезвычайная, а действуют они обычными, заведенными средствами. Во-вторых, всю дорогу толкаются локтями, только и поджидая возможности подставить друг другу ножку. И есть здесь еще одно, что и словами-то трудно описать. Но что-то не дает мне покоя. Этого вообще не должно было произойти. Что-то в этом... неправильное, что ли. Что-то, что не укладывается в рамки Управления. Это им не по зубам. Не то чтобы они действовали неграмотно – хотя, сдается мне, пару-тройку мелких деталей они-таки упустили, – но они до сих пор смотрят на случившееся под неправильным углом. Ты все понял, мой мальчик?

Пауэлл кивнул.

– А вы – под правильным, верно?

Пожилой джентльмен улыбнулся.

– Ну, скажем так, поближе к правильному. А теперь вот что я от тебя хочу. Ты обратил внимание на медицинскую карту нашего парня? Да брось, не листай, я тебе и так скажу. У него проблем с простудами и респираторными заболеваниями больше, чем положено в этом возрасте. Он часто обращался к врачу. А теперь вспомни-ка расшифровку его второго звонка по «тревожной» линии: он чихнул и сказал, что простужен. Готов поспорить на выпивку, что его насморк только усилился и, где бы он сейчас ни прятался, ему придется вынырнуть, чтобы получить медицинскую помощь. Что теперь скажешь?

Пауэлл пожал плечами.

– Попробовать стоит.

Пожилой джентльмен торжествующе улыбнулся.

– Вот и мне так кажется. Ни Управление, ни Бюро до этого еще не додумались, так что у нас есть оперативный простор. Теперь вот что. Я назначил тебя начальником специальной группы вашингтонских детективов – не спрашивай, как я этого добился, главное, что добился. Начни с врачей, обладающих наибольшей практикой в столичном округе и поблизости. Узнай, не лечили ли они кого-то, похожего на нашего парня, – опиши им его новую внешность. Если не лечили, попроси связаться с нами, если он к ним обратится. Придумай какую-нибудь правдоподобную легенду – главное, чтобы они тебе открылись. Да, еще одно. Не дай другим заподозрить, что мы тоже заняты поисками. В прошлый раз, когда им это удалось, двоих застрелили.

Пауэлл встал и собрался уходить.

– Сделаю все, что в моих силах, сэр.

– Отлично, отлично, мой мальчик. Я знаю, что могу положиться на тебя. Я продолжаю мозговать над этим. Если вдруг надумаю чего, сообщу. Удачи тебе.

Пауэлл вышел из кабинета. Когда дверь за ним закрылась, пожилой джентльмен улыбнулся.

Когда Кевин Пауэлл только начинал болезненно-нудную процедуру проверки вашингтонского медицинского сообщества, человек с запоминающейся наружностью и очень странными глазами выбрался из такси напротив магазинчика секонд-хенда в центре города. Все утро он провел, изучая ксерокопии тех же документов, с которыми совсем недавно ознакомился Пауэлл. Документы он получил от другого джентльмена запоминающейся наружности. У мужчины со странными глазами имелся план, как найти Малькольма. Битый час он разъезжал по городу, а теперь начал ходить по нему пешком. Заглядывая на пару минут в каждый бар, газетный киоск, в каждый дом или любое другое место, куда может заглянуть на пару минут прохожий, он показывал хозяевам или сотрудникам выполненный вручную художником-профессионалом набросок портрета Малькольма с короткой стрижкой. Когда люди опасались говорить с незнакомцем, мужчина предъявлял им одно из пяти удостове-

рений, которыми его снабдил другой джентльмен с представительной внешностью. К трем часам дня он устал, но виду не подавал. Наоборот, он был настроен еще решительнее, чем прежде. Выпить кофе он зашел в «Горячую кружку». Уже уходя, представившись частным сыщиком, он показал рисунок кассирше за стойкой – почти автоматически, на всякий случай. И даже не пытался скрыть потрясения, когда та заявила, что видела этого типа.

– Ну да, видела я этого сукина сына. Он швырнул мне свои деньги, так спешил убраться. Четвертак под стойку закатился, и я колготки порвала, покуда его на четвереньках искала.

– Он был один?

– Ага, кто еще с таким уродом гулять пойдет?

– Вы не видели, в какую сторону он пошел?

– Еще бы не видела! Эх, жаль, пистолета у меня не было, а то бы пристрелила ублюдка.

Вон туда и пошел.

Мужчина расплатился по счету, накинув доллар сверху, и двинулся в указанном направлении. Странно, зачем туда... никакого повода именно туда, тем более для человека, спешившего в поисках безопасного места... И все же... Он свернул на стоянку и тут же превратился в детектива городского полицейского управления для полного мужчины в фетровой шляпе.

– Конечно, видел, – ответил на вопрос тот. – Он сел в машину к той цыпочке.

Мужчина с запоминающейся внешностью прищурился.

– Какой цыпочке?

– Этой... ну, она в адвокатской конторе работает. Их лавочка арендует стояночные места для своих сотрудников. А эта... не то чтобы красавица, но что-то такое в ней есть, уж поверьте.

– Поверю, – хмыкнул фальшивый детектив. – Поверю. Кто она?

– Минуточку... – Толстяк в шляпе скрылся в своей будке и вернулся с тетрадью. – Ну-ка, посмотрим, стоянка шестьдесят три... шестьдесят три... да, вот она. Росс, Венди Росс. А вот ее адрес в Александрии.

Прищуренный взгляд скользнул по странице, мгновенно зафиксировав адрес. Затем обратился к толстяку в шляпе.

– Спасибо. – Мужчина с запоминающейся внешностью повернулся и двинулся прочь.

– Да не за что. Эй, а чего такого натворил этот парень?

Мужчина остановился и обернулся.

– Да ничего серьезного. Просто мы его ищем. Он... а, ладно, вам это знание не повредит... мы просто хотим убедиться, что с ним все в порядке.

Десять минут спустя мужчина со странными глазами зашел в телефонную будку. На другом конце города джентльмен с представительной внешностью снял трубку с аппарата, номер которого знали очень немногие.

– Да, – произнес он и сразу же узнал голос.

– У меня горячий след.

– Я знал, что вы найдете. Пусть его проверят, но ни в коем случае не приступают к активным действиям, если только того не потребуют обстоятельства. Я хочу, чтобы этим занялись лично вы – во избежание новых ошибок. Однако в настоящий момент у меня есть для вас более неотложное занятие.

– Наш общий больной друг?

– Да. Боюсь, его самочувствие ухудшится. Встретимся на месте, как можно скорее, – в трубке послышались гудки.

Мужчина задержался в телефонной будке еще для одного короткого звонка, потом поймал такси и уехал куда-то навстречу закату.

Как раз когда Венди несла на подносе бульон для Малькольма, на противоположной от ее дома стороне улицы остановилась маленькая машина. Со своего места водитель очень хорошо видел дверь ее квартиры, хотя для этого ему пришлось изогнуть свое длинное костлявое тело в очень неудобной позе. Он наблюдал за дверью и ждал.

Суббота

Чрезмерная самоуверенность, чреватая ошибками, возникает, когда мы принимаем как должное, что игра будет продолжаться нормальным путем, когда мы забываем о том, что существуют и нестандартные ходы, обладающие неожиданно мощными ресурсами: шах, жертва, патовая ситуация. И все, что остается потом жертве, это хныкать: «Кто бы мог ожидать такого дурацкого на вид хода?»
Фред Рейнфельд. Полный курс шахматной игры

– Тебе лучше?

Малькольм посмотрел на Венди и был вынужден признать, что да, лучше. Боль в горле сменилась легким пощипыванием, а почти двадцать четыре часа сна восстановили если не все силы, то по крайней мере большую их часть. Из носа все еще текло, и попытка сказать что-нибудь причиняла боль, но даже эти неприятности постепенно сходили на нет.

Физический дискомфорт уменьшался, чего нельзя было сказать о душевном. Малькольм понимал, что уже суббота, что прошло два дня с того момента, когда всех его сослуживцев убили, а сам он стрелял в человека. К этому времени несколько групп людей, целеустремленных и не испытывающих недостатка в ресурсах, наверняка уже переворачивали Вашингтон вверх тормашками. По меньшей мере одна из них желала его смерти. Да и остальные вряд ли испытывали к нему особую симпатию. На туалетном столике в противоположном углу комнаты лежали девять тысяч триста восемьдесят два доллара, похищенные у мертвого человека или по крайней мере вынесенные из его квартиры. А сам Малькольм валяется больной в кровати, не имея ни малейшего представления о том, что происходит или что ему делать дальше. И в довершение всего этого на краю его кровати сидит забавного вида девчонка, на которой нет ничего, кроме футболки и улыбки.

– Знаешь, я, если честно, ничего не понимаю, – хрипло признался Малькольм. Он и правда ничего не понимал. За все долгие часы, что он размышлял над своей проблемой, на ум пришли всего четыре предположения, хоть как-то выдерживавшие критику: первое – что в Управление проникли посторонние; второе – что кто-то напал на его отдел; третье – что кто-то пытался выставить Хейдиггера двойным агентом, подбросив ему «спрятанные» деньги; и, наконец, четвертое – что кто-то отчаянно хочет видеть его покойником.

– Придумал, что будешь делать дальше? – Венди водила пальцем по очертаниям его бедра под простыней.

– Нет, – отчаянно прохрипел он. – Могу попробовать еще раз позвонить на «тревожный» номер, если ты довезешь меня до автомата.

Она наклонилась и легонько коснулась губами его лба.

– Отвезу, куда попросишь. – Девушка улыбнулась и начала целовать по очереди его глаза, щеки, губы, шею. Потом откинула простыню и продолжила: грудь, живот...

Потом они приняли душ, и он вставил контактные линзы. Он снова лег в кровать. Когда Венди вернулась в комнату, совершенно одетая, она бросила ему на край кровати четыре книги в мягкой обложке.

– Я не знала, что тебе нравится... надеюсь, ты найдешь чем занять время, пока меня не будет.

– А ты... – Малькольму пришлось замолчать и сглотнуть. Все-таки горло еще болело. – А ты куда?

Она улыбнулась.

– Вот дурачок. По магазинам. У нас кончается еда, ну и тебе еще всякие мелочи нужны. И если ты будешь вести себя хорошо – на что я надеюсь, – может, принесу тебе сюрприз. –

Она подошла к двери и оглянулась. – Да, если будет звонить телефон, сними трубку, только если он позвонит дважды, затем замолчит, а потом зазвонит дальше. Это буду я. Как, хорошо я учусь на шпионку? Прийти вроде никто не должен. Если не будешь шуметь, никто не догадается, что ты здесь. – Голос девушки стал серьезным. – Ну же, не беспокойся. Тебе здесь совершенно ничего не угрожает. – Она повернулась и вышла.

Малькольм только взял верхнюю книгу из стопки, как голова Венди снова просунулась в дверь.

– Эй, – ухмыльнулась она. – Я тут вот чего подумала... Если у меня случится фарингит, это будет считаться венерическим заболеванием?

Малькольм бросил в нее книгой, но промахнулся.

Когда Венди открыла дверь и пошла к машине, то не обратила внимания, что человек в фургоне, припаркованном у противоположного тротуара, тут же оживился. Это был ничем не примечательный мужчина в мешковатом плаще, притом что утро выдалось солнечным. Похоже, он знал, что хорошая погода вряд ли продлится долго. Человек внимательно следил за тем, как Венди выводит машину со стоянки и уезжает. Потом покосился на часы. Он решил выждать три минуты.

Суббота – выходной для большинства правительственных служащих, но не для всех. В эту конкретную субботу множество сотрудников различных ведомств трудились сверхурочно. Одним из них был Кевин Пауэлл. Он и его люди побеседовали с двумястами шестнадцатю врачами, квалифицированными медсестрами, стажерами и прочими представителями медицинских профессий. К одиннадцати утра субботы они опросили больше половины вашингтонских оториноларингологов. И все, что мог доложить Пауэлл пожилому джентльмену, сидевшему за столом из красного дерева, сводилось к одному слову: ничего.

Как ни странно, настроение пожилого джентльмена от этих новостей не ухудшилось.

– Что ж, мой мальчик, все, что я могу тебе посоветовать, – это не прекращать стараний, ни в коем случае не прекращать. И, если тебя это утешит, могу сказать, что мы ровно в том же положении, что и все другие, только они исчерпали все свои ходы, и теперь им остается только ждать. Впрочем, кое-что все-таки произошло: Уэзерби мертв.

Вид у Пауэлла сделался удивленный.

– Мне казалось, вы говорили, что его состояние улучшалось?

Пожилой джентльмен развел руками.

– И ведь так оно и было. Его собирались допросить вчера вечером, самое позднее сегодня утром. Когда следователи прибыли около часа ночи для допроса, они обнаружили, что он умер.

– Как? – Судя по тону Пауэлла, у него уже имелись догадки на этот счет.

– В самом деле, как? Охранник у входа в палату клянется и божится, что в нее не заходил никто, кроме медицинского персонала. С учетом того, что Уэзерби лежал в госпитале Лэнгли, я не сомневаюсь, что охрана там была поставлена хорошо. Врачи говорят, что с учетом шока и потери крови вполне возможно, он умер от ранения. Хотя сами же утверждали, что полковник поправлялся очень быстро. Как раз сейчас они должны производить вскрытие.

– Странно все это. Очень странно.

– Да, конечно. Тебе тоже так кажется? Однако же именно потому, что это странно, такого хода событий и можно было ожидать. Все это дело более чем странное. Ну, да мы об этом уже толковали. У меня для тебя есть кое-что новое.

Пауэлл низко склонился над столом. Он устал.

– Я уже говорил тебе, – продолжал старый джентльмен, – не нравится мне, как Бюро и Управление занимаются этим делом. Они упираются в тупик. И уверен, отчасти оттого,

что туда заводит их методика. Они ищут Малькольма, как охотник ищет дичь. И хотя они охотники опытные, они упустили из внимания мелочь или две. Я хочу, чтобы ты искал его так, словно дичь – это ты. Ты прочитал все, что нам о нем известно, ты был у него дома. Значит, у тебя сложилось о нем какое-то представление. Вот и влезь в его шкуру да глянь, куда тебя это приведет. У меня для тебя пара полезных вкусняшек. Мы ведь знаем: для того, чтобы попасть туда, где он сейчас, Малькольм не мог обойтись без транспорта. Начнем с того, что пешеход замечен, а наш парень хочет этого избежать. Бюро совершенно уверено в том, что такси он не брал. Я не вижу причины не доверять их мнению на этот счет. Не думаю, чтобы Малькольм сажился в автобус – с тем-то пакетом, который ему продали в магазине. Да и мало ли кого можно встретить в общественном транспорте. Вот тебе и задача. Возьми одного-двух агентов – таких, что способны правильно настроить голову. Начни с того места, где его видели в последний раз. А там, мой мальчик, попробуй спрятаться, как и он.

Пауэлл уже взялся за дверную ручку, но повернулся к улыбавшемуся пожилому джентльмену.

– Есть еще одно обстоятельство, сэр, которое представляется мне очень странным в этом деле. Малькольма ведь не готовили как оперативника. Он аналитик – а посмотрите, как выкручивается.

– Да, это довольно странно, – согласился пожилой джентльмен и снова улыбнулся. – А знаешь, мне уже не терпится познакомиться с этим парнем, Малькольмом. Отыщи его мне, Кевин, отыщи скорее.

Малькольму захотелось кофе. Горячая жидкость наверняка пошла бы на пользу горлу, да и взбодриться кофеином тоже бы не мешало. Он медленно ухмыльнулся, стараясь не беречь шейных мускулов. В обществе женщины мужчине нужно поддерживать тонус. Малькольм спустился на кухню. Он как раз поставил на огонь кофеварку-эспрессо, когда в дверь позвонили.

Малькольм застыл. Пистолет остался наверху, на тумбочке, где он мог при необходимости быстро дотянуться до него... при одном условии – если бы он лежал в постели. Малькольм на цыпочках подобрался к двери. У него вырвался вздох облегчения, когда он увидел в глазок, как по ту сторону переминается с ноги на ногу всего лишь скучающего вида почтальон с сумкой через плечо и свертком в руках. Тут Малькольм призадумался. Если он не откроет дверь, тот может возвращаться до тех пор, пока не вручит посылку адресату. Малькольм опустил взгляд. Всю одежду его составляли шорты и футболка. Да какого черта, подумал он, неужели почтальон да не видывал такого? Он отпер дверь.

– Доброе утро, сэр, как дела?

Бодрое настроение почтальона, похоже, передалось Малькольму. Он улыбнулся в ответ.

– Простыл немного, – хрипло ответил он. – Чем могу вам помочь?

– У меня тут посылочка мисс... – Почтальон замолчал и заговорщически улыбнулся Малькольму. – Мисс Венди Росс. Заказная, требуется роспись адресата.

– Ее сейчас нет дома. Может, позже зайдете?

Почтальон поскреб в затылке.

– Ну, можно, конечно, но проще будет, если вы за нее распишетесь. Проклятие, да какая разница начальству, чья подпись, главное, чтоб она была, верно?

– Идет, – согласился Малькольм. – У вас ручка есть?

Почтальон безуспешно обшарил карманы.

– Ох, ладно, – буркнул Малькольм. – Заходите, сейчас дома найду какую-нибудь.

Войдя в гостиную, почтальон улыбнулся и закрыл дверь за собой.

– Извините, если вас затрудняю, зато вы мне разом все упрощаете.

Малькольм пожал плечами.

– Ничего. – Он повернулся и пошел на кухню поискать ручку. Заходя в дверной проем, он автоматически отметил, что почтальон положил посылку на стол и расстегивает свою сумку.

Почтальон был очень доволен. Ему было приказано установить, находится ли Малькольм в квартире, вести наблюдение за домом и переходить к активным действиям только в том случае, если задача может быть выполнена со стопроцентной надежностью и без шума. Он знал, что, если по личной инициативе сможет убрать Малькольма, ему положена премия. Девицей можно заняться и позже. Он достал из сумки «Стен» с глушителем.

Малькольм как раз выходил из кухни, когда до него донесся звук металлического щелчка – это почтальон вставил в автомат магазин. Малькольм так и не нашел ручку. В одной руке он нес кофеварку, в другой – пустую чашку. Он решил, что симпатичный почтальон не откажется подкрепиться. То, что Малькольм остался в живых, надо отнести на счет того, что, выйдя из двери и увидев поворачивающийся в его сторону ствол автомата, он не потратил на размышление и доли секунды. Он просто швырнул в почтальона полную горячего питья кофеварку и чашку.

Почтальон не слышал шагов Малькольма. Первая его мысль сосредоточилась на предметах, летевших ему в лицо. Он инстинктивно вскинул руки, прикрывшись автоматом. Кофеварка ударилась об автомат и отлетела в сторону, но от столкновения ее крышка слетела, и горячий кофе выплеснулся почтальону на руки и запрокинутое лицо. Взвыв, почтальон отшвырнул автомат в сторону; тот покатился по полу и остановился под столиком, на котором у Венди стоял стереопроектор. Малькольм бросился за ним, но споткнулся о подставленную черную кроссовку. Кондор приземлился на руки, поспешно вскочил, оглянулся через плечо и сразу же снова нырнул вниз. Тело почтальона пролетело над самой его головой. Попади тот ногой куда целил, и череп Малькольма разлетелся бы как арбуз, по крайней мере шея наверняка бы сломалась. Даже при том, что в единоборствах почтальон не тренировался почти полгода, позу для сложного приземления он принял идеальную. Одна неприятность, приземлился он на ковер – подарок для Венди от бабушки на день рождения. Ковер заскользил по паркетному полу, и почтальон тоже упал на руки. Правда, вскочил он вдвое быстрее, чем Малькольм.

Оба стояли, настороженно глядя друг на друга. От автомата Рональда отделяло по меньшей мере десять футов. Возможно, ему и удалось бы опередить почтальона, но поднять оружие он все равно не успел бы: почтальон сразу навалился бы сзади. Малькольм стоял ближе к двери, но та была заперта. Он понимал, что не рискнет тратить драгоценные секунды на попытку отпереть ее.

Почтальон смотрел на Малькольма и улыбался. Носком ботинка он потрогал паркетный пол. Скользко. Ловким, натренированным движением он стряхнул с ног кроссовки. Носки по паркету тоже скользили. Их он тоже стряхнул, не наклоняясь. Потом сжал и разжал пальцы босых ног. Он готовился к поединку молча, не спеша, и сами эти приготовления уже действовали на психику Малькольма.

Малькольм смотрел на своего улыбающегося соперника и понимал, что эта улыбка означает смерть. Он не мог знать, что противник – обладатель коричневого пояса, но понимал, что шанса выстоять у него нет. Познания Рональда в области боевых единоборств стремились к нулю. Правда, он прочитал множество сцен с драками в книгах и видел их в кино. В детстве он дрался дважды, один раз победил и один – проиграл. Его преподаватель физкультуры в колледже однажды потратил часа три на то, чтобы научить свой класс кое-каким приемам, которых он набрался в морской пехоте. Простая логика заставила Малькольма копировать стойку своего соперника: ноги чуть согнуты, кулаки сжаты, левая рука выставлена вперед и повернута перпендикулярно полу, правая остается у талии...

Очень медленно почтальон начал сокращать дистанцию в полтора десятка футов, отделявших его от жертвы. Малькольм начал смещаться вправо, не совсем отдавая себе отчет, зачем он вообще это делает. Приблизившись к Малькольму на шесть футов, почтальон рванулся вперед. С боевым воплем он сделал левой рукой обманный выпад, якобы целя ею в лицо Малькольма. Как и ожидалось, Малькольм дернулся вправо. Отводя левую руку назад, почтальон резко опустил левое плечо и крутанулся вправо на пятке левой ноги. Вся масса тела, вся инерция поворота оказались вложены в выпад правой ногой, устремившейся в голову пригибавшегося Малькольма.

Однако полгода перерыва в тренировках не могли не сказаться на результатах, даже если драться пришлось с неподготовленным любителем. Удар пришелся мимо лица Малькольма, в левое плечо. Кондор врезался в стену, отлетел от нее и едва успел вскинуть руку, чтобы прикрыться от рубящего удара.

Почтальон изрядно разозлился, в первую очередь на себя. Он промахнулся уже дважды. Да, его противник наверняка травмирован, но полагалось-то ему уже быть покойником. Надо, надо потренироваться, пока не встретился соперник, знающий свое дело...

Хороший тренер никогда не забывает напоминать, что успех в карате на три четверти зависит от настроения. Почтальон помнил это, поэтому сосредоточился на смерти своего противника. Он так на этом сконцентрировался, что не услышал, как отворилась входная дверь. Венди вошла и осторожно закрыла ее за собой – она боялась разбудить Малькольма. Девушка забыла свою чековую книжку.

Наверное, она спала. Этого не могло происходить: у нее в гостиной стояли друг перед другом двое мужчин. Один – Малькольм с повисшей, как плеть, левой рукой. Другой – незнакомый, небольшого роста, крепкого сложения. Он стоял спиной к ней в какой-то странной позе.

– Ты, – услышала она очень тихий голос незнакомца. – Довольно от тебя неприятностей.

Только тут до нее дошло, что это происходит на самом деле. Медленно, очень медленно незнакомец двинулся к Малькольму, а она нырнула на кухню, схватила с магнита на стене длинный разделочный нож и бросилась назад, к незнакомцу.

Почтальон услышал стук каблуков по паркету. Ограничившись ложным выпадом в сторону Малькольма, он резко повернулся лицом к новой угрозе. Однако все, что увидел, – это перепуганную девушку, стоявшую с судорожно сжатым в правой руке ножом. Увиденное успокоило почтальона, и он медленно, покачивающейся походкой двинулся в ее сторону. Дрожа, Венди попятилась от него. Он дал ей отступить к самой двери на кухню, а затем сделал выпад.левой ногой он выбил у девушки из руки нож, а левый кулак рассек кожу чуть ниже ее левой скулы, и она повалилась, оглушенная, на диван.

Однако почтальон забыл важнейшее правило поединка с несколькими неприятелями. Человек, на которого нападают двое или более соперников, должен находиться в непрерывном движении, отражая атаки со всех сторон. Стоит ему сконцентрироваться на ком-то одном, как он подставляет себя под удар другого. Сразу же после того, как почтальон вывел из строя Венди, ему стоило обернуться и напасть на Малькольма. Вместо этого он решил добить девушку раз и навсегда.

Почтальон делал первый шаг в направлении поверженной Венди, а Малькольм уже держал в руке автомат. Левая рука действовала плохо, но он все-таки навел ствол с глушителем на почтальона, уже заносившего руку для последнего удара.

– Стой!

Почтальон все-таки повернулся к нему, и тут Малькольм нажал на спуск. Кашляющие звуки не смолкали до тех пор, пока грудь почтальона не расцвела букетом алых брызг. Тело его перелетело через диван и рухнуло на пол.

Малькольм помог Венди подняться. Ее левый глаз уже начал заплывать, и по щеке стекала тоненькая струйка крови. Она негромко всхлипывала.

У Малькольма ушло пять минут на то, чтобы ее успокоить. Он осторожно выглянул сквозь жалюзи в окно. Улица была пуста. Желтый фургон на противоположной стороне выглядел пустым. Кондор оставил Венди внизу; она сжимала в руках автомат, нацеленный на дверь. Он велел ей стрелять в любого, кто попытается войти. Наверху Малькольм поспешно оделся, затем сунул деньги, одежду и все, что купила для него Венди, в один из ее пустых чемоданов. Когда он спустился вниз, девушка почти пришла в себя. Он отправил ее наверх собираться. В это время он обыскал труп, но ничего не обнаружил. Через десять минут Венди, умытая, спустилась обратно в гостиную с еще одним чемоданом.

Малькольм набрал в грудь воздуха и отворил дверь. Револьвер он прятал под курткой. Он не смог заставить себя взять автомат. Он вышел на крыльцо. Никто в него не стрелял. Он подошел к машине. Ни одной пули. На улице не было видно вообще никого. Малькольм кивнул Венди. Она подбежала к машине с чемоданами в руках. Они забрались в салон, и Кондор медленно повел машину прочь.

Пауэлл устал. Он и еще двое вашингтонских детективов прочесывали улочки в районе, где в последний раз видели Малькольма. Они опрашивали людей во всех домах. И все, что они нашли, – это тех, кого уже опрашивали. Пауэлл прислонился к фонарному столбу, пытаясь собраться с мыслями, когда увидел, что один из детективов спешит к нему.

Детектива звали Эндрю Уолш, и он специализировался на убийствах. Он пошатнулся и вцепился в рукав Пауэлла, чтобы не упасть.

– Похоже, я кое-что нашел, сэр. – Уолш помолчал, переводя дух. – Помните, все, кого мы опрашивали, показали, что с ними до нас уже говорили? Так вот, я нашел одного, сторожа с автостоянки, и он говорит, что рассказал копу кое-что, что не вошло в официальную сводку.

– Ради бога, что? – Пауэлл разом забыл про усталость.

– Он опознал Малькольма по фотографии, которую показал ему коп. Более того, он рассказал тому, что видел, как Малькольм садился в машину к вот этой девушке... вот ее имя и адрес.

– Когда все это случилось?

– Вчера во второй половине дня.

– Тогда быстро! – Пауэлл бегом бросился к машине. Задышавшийся детектив старался не отставать.

Они проехали три квартала, когда зажужжала рация под приборной доской.

– Да? – рявкнул Пауэлл в микрофон.

– Сэр, группа, продолжающая опрос врачей, доложила, что доктор Роберт Кнудсен узнал на фото Малькольма мужчину, который вчера обращался к нему по поводу фарингита. Он осматривал подозреваемого в доме Венди Росс – Эр, О...

Пауэлл оборвал диспетчера на полуслове:

– Мы как раз едем к ней домой. Я хочу, чтобы все наши группы сосредоточились в том районе, но не приближались к дому, пока я сам туда не приеду. Скажите, пусть прибудут туда как можно быстрее, но максимально скрытно. А теперь соедините меня с боссом.

Прошло не меньше минуты, когда из динамика зазвучал голос пожилого джентльмена.

– Да, Кевин, мальчик, что у тебя?

– Мы едем к убежищу Малькольма. Обе группы должны подъехать туда более-менее одновременно. Детали расскажу потом. Есть еще одно: кто-то с официальным удостоверением тоже искал Малькольма и не доложил о том, что узнал.

Последовала долгая пауза.

– Это многое объясняет, мой мальчик, – произнес пожилой джентльмен. – Очень многое. Будь осторожен. Надеюсь, ты успеешь вовремя. – Связь отключилась. Пауэлл положил микрофон и попробовал отделаться от ощущения, что он, возможно, уже опоздал.

Десять минут спустя Пауэлл и трое детективов позвонили в дверь Венди. Они подождали минуту, потом самый крупный из детективов выбил дверь. Спустя еще пять минут Пауэлл докладывал пожилому джентльмену о находках.

– Тело до сих пор не опознано. Мундир почтальона поддельный. Автомат «Стен» с глушителем, возможно, использовался при нападении на Общество. Насколько я могу судить, он с кем-то дрался, возможно, с нашим приятелем. Малькольм сумел отобрать у него автомат. Уверен, автомат принадлежал почтальону – у того в сумке специальные крепления для его переноски. Похоже, нашему парню продолжает здорово везти. Мы нашли фотографию девушки, и у нас есть номер ее водительского удостоверения. Что вы намерены с этим делать?

– Передай полиции, пусть объявят ее в розыск по... по обвинению в убийстве. Это выведет на время из игры тех, кто следит за нами и использует наши удостоверения. А пока я хочу узнать, кто убитый, и хочу узнать об этом быстро. Разошли его фото и отпечатки пальцев по всем агентствам с пометкой «особо срочно». Другой информации не сообщай. Отправь своих людей на поиски Малькольма и девушки. А потом, сдастся мне, придется нам немного подождать.

Когда Пауэлл и другие расходились по машинам, мимо проехал темный седан. Водитель его был высок и болезненно худ. Пассажир, мужчина запоминающейся внешности со странными глазами – спрятанными, правда, за темными очками, – сделал ему знак проезжать, не останавливаясь. Никто не обратил внимания на их машину.

Малькольм петлял по Александрии, пока не нашел площадку, где торговали подержанными машинами. Он проехал дальше, остановил «Корвейр» в двух кварталах от нее и отправил Венди за покупкой. Спустя десять минут, побожившись, что ее и в самом деле зовут миссис А. Эджертон, как она назвалась в купчей, и заплатив лишнюю сотню наличными, Венди выехала с площадки в относительно новом «Додже». Малькольм пересел за руль «Корвейра» и доехал следом за ней до парка. Там они перегрузили чемоданы, сняли с их машины номера, после чего уехали в «Додж» и не спеша уехали прочь.

Малькольм вел машину пять часов. На протяжении всей поездки Венди не произнесла ни слова. Они остановились в Виргинии, в мотеле городка Пэрисбург, где Малькольм зарегистрировал их как мистера и миссис Ивенс. Машину он поставил с обратной от дороги стороны здания – «чтобы не запылилась от проезжающих машин». Пожилая владелица мотеля только пожала плечами и отвернулась к своему телевизору. Она к такому привыкла.

Венди неподвижно лежала на кровати. Малькольм медленно разделся, принял свои лекарства, вынул и убрал контактные линзы. Потом подсел к ней.

– Почему бы тебе не раздеться и не поспать немного, а, милая?

Девушка повернулась и посмотрела на него.

– Это ведь взаправду было. – Она не спрашивала, а констатировала факт. – Все это было взаправду. И ты убил этого типа. В моей квартире. Ты убил человека.

– Или он, или мы. Ты ведь сама это понимаешь. И ты тоже устала.

Венди отвернулась.

– Понимаю. – Она встала и медленно разделась. Потом выключила свет и забралась под одеяло. В отличие от прошлых ночей, она не прижалась к нему. Когда Малькольм примерно через час заснул, она все еще лежала с открытыми глазами.

Воскресенье

Чем ярче свет, тем глубже тени.

Гёте

– Ну что ж, Кевин, похоже, мы кое-чего добились.

Жизнерадостный голос старого джентльмена с трудом пробивался сквозь туман, окутывавший сознание Пауэлла. Все тело болело, но он почти не замечал этого. Кевин привык к нагрузкам куда большим, чем одна бессонная ночь. Беда только, за три месяца отдыха Пауэлл привык вставать по воскресеньям позже обычного. К этому добавлялись раздражение и досада на свое нынешнее задание. Его участие до сих пор ограничивалось пассивной ролью наблюдателя. Два года подготовки, десять лет оперативного опыта – и все ради того, чтобы оставаться на побегушках и собирать информацию, которую мог бы нарыть любой коп? Тем более многие копы этим сейчас и занимались. В общем, Кевин не разделял оптимизма пожилого джентльмена.

– Чего именно, сэр? – При всем своем раздражении Пауэлл старался говорить почтительно. – Что, напали на след Кондора и девушки?

– Нет, пока нет. – Несмотря на бессонную ночь, босс буквально сиял. – Есть вероятность, что именно она купила ту машину, но мы пока ее не нашли. Нет, прогресс достигнут по другому направлению. Мы опознали убитого.

В голове у Кевина мигом прояснилось.

– Наш приятель, – продолжал пожилой джентльмен, – некогда звался сержантом морской пехоты Келвином Ллойдом. В пятьдесят девятом году он, служа в Корее, довольно неожиданно уволился из корпуса, но из Кореи не уехал, работая инструктором южнокорейской морской пехоты. Велика вероятность, что он замешан в убийстве хозяйки сеульского борделя и одной из ее девиц. Доказательств так и не нашли, но флотские следователи полагают, что они с мадам промышляли контрабандой и повздорили на этой почве. Вскоре после того, как тела двух женщин были обнаружены, Ллойд дезертировал. Нельзя сказать, чтобы корпус морской пехоты искал его слишком настойчиво. В шестьдесят первом флотская разведка получила донесение, согласно которому он – несколько внезапно, сдается мне – умер в Токио. Однако в шестьдесят третьем его опознали в числе нескольких других торговцев оружием в Лаосе. Судя по всему, работа Ллойда заключалась в технической поддержке. В тот период он был связан с человеком по имени Винсент Дейл Мароник. Но о Маронике потом. Ллойд пропал из поля зрения в шестьдесят пятом и до вчерашнего дня считался мертвым.

Пожилой джентльмен помолчал. Пауэлл осторожно покашлял, спрашивая возможности подать голос. Босс снисходительно кивнул.

– Ладно, – произнес Кевин. – Ну, это нам теперь известно. И чем нам поможет это знание?

Джентльмен назидательно поднял указательный палец.

– Терпение, мой мальчик, терпение. Не будем спешить – и тогда увидим, где и какие тропы пересекаются.

Вскрытие Уэзерби показало всего лишь вероятность стороннего вмешательства, но с учетом всего происходящего я оценил бы эту вероятность как весьма высокую. Не исключено, что его смерть вызвана воздушным пузырем в кровеносной системе, но патологоанатомы не могут в этом ручаться. Однако врачи настаивают, что умереть ему помогли – и что сами они не виноваты. Я склонен с ними согласиться. Для нас, конечно, досадно, что Уэзерби уже не удастся допросить, но для кого-то его смерть – удачное избавление. Слишком, я бы сказал, удачное. Я уверен, что полковник был двойным агентом, хотя, на кого он еще рабо-

тал, у меня нет ни малейшего представления. Пропавшие документы, наш приятель с удостоверениями, прочесывающий город раньше нас, то, как было организовано нападение на Общество... От всего этого пахнет предательством. Теперь, когда Уэзерби устранили, все указывает на то, что он мог выболтать кое-что, слишком для кое-кого опасное. А еще эта перестрелка за театральным кварталом. Мы уже толковали о ней, но тут мне в голову пришла одна идея. По моей просьбе тела Воробья-4 и Уэзерби осмотрел наш баллистик. Кто бы ни стрелял в Уэзерби, он ему своей пулей почти ногу оторвал. А у Воробья-4 в горле всего лишь маленькая аккуратная дырочка. Баллистик сомневается, что обоих подстрелили из одного пистолета. А это – в сочетании с тем фактом, что Уэзерби в перестрелке не убили, – делает всю эту историю еще более подозрительной. Сдается мне, наш приятель Малькольм по какой-то причине пальнул в Уэзерби и сбежал. Того, конечно, ранило, но не настолько, чтобы он не мог убрать свидетеля, Воробья-4. Но и эта новость не самая интересная.

С пятьдесят восьмого по шестьдесят девятый Уэзерби работал в Азии, в основном в Гонконге, но с выездами в Корею, Японию, Тайвань, Лаос, Таиланд, Камбоджу и Вьетнам. Поднялся за это время по служебной лестнице от оперативника до начальника резидентуры. Ты заметил, мой мальчик, что он был в тех краях и в то же самое время, что и наш покойный почтальон? А теперь небольшое, но занятное, очень занятное отклонение от темы. Что тебе известно о человеке по имени Мароник?

Пауэлл нахмурился.

– Кажется... кажется, он был кем-то вроде суперагента по особым поручениям. Насколько я помню, фрилансер.

Пожилой джентльмен довольно улыбнулся.

– Отлично, мой мальчик, отлично. Хотя вряд ли точно понимаю, что именно ты имеешь в виду под приставкой «супер». Если ты имел в виду особо опытного, вдумчивого, осторожного и в высшей мере успешного, то ты прав. А если хотел сказать про идейного и преданного работодателю, то очень и очень ошибаешься. Винсент Мароник был – и есть, если я не ошибаюсь, – лучшим агентом-фрилансером за много лет. Возможно, лучшим в своем ремесле. Для тактических операций – лучшим из всех, кого можно купить за деньги. Чертовски опытный. Нам неизвестно, где он так выучился, – в одном мы уверены: он американец. По части отдельных способностей, может, он и не такой уж гений. Можно найти разработчиков лучше, чем он, лучших снайперов, лучших диверсантов. Но по части универсальности, а еще по части крутизны с ним не сравнится никто. Очень, очень опасный тип, один из немногих, кого я мог бы бояться.

В начале шестидесятых он всплыл на службе у французов. Работал все больше в Алжире, но обрати внимание, мой мальчик, обслуживал также их интересы в Юго-Восточной Азии. С шестьдесят третьего года он попал в поле зрения тех, кто занят в нашем деле. В разное время работал на англичан, китайских коммунистов, итальянцев, южноафриканцев, конголезцев, канадцев. Пару раз даже выполнял задания Управления. А еще оказывал услуги консультанта ИРА и ОАС, то бишь, выходит, работал против своих бывших французских хозяев. Его работой всегда были довольны. Неудачные операции если и случались, то нам о них неизвестно. Услуги Мароника стоят очень дорого. Ходили слухи, что он выбирал только крупные дела. Бог знает, почему он занялся этим бизнесом, но, сдается мне, это единственный род занятий, где его таланты раскрывались полностью, да к тому же хорошо оплачивались. А теперь, мой мальчик, самое интересное.

В шестьдесят четвертом Мароник устроился на работу на Тайвань, к Чан-Кай-Ши. Использовали его поначалу в операциях против континентального Китая, но со временем генералиссимус начал испытывать проблемы с жителями Тайваня, да и среди таких же иммигрантов, как он сам, объявились диссиденты. В обязанности Маронику вменили поддержание порядка. Вашингтону отдельные аспекты внутренней политики чанкайшистов не

понравились. Здесь начали опасаться, что используемые генералиссимусом методы могут отрицательно сказаться и на нашем имидже. Генералиссимус не согласился с ними и продолжал развлекаться на свой манер. Примерно в это время нас и начал тревожить Мароник. Слишком он был хорош и доступен для всякого, у кого имелись деньги. Он ни разу не орудовал против нас, но все понимали, что это до поры до времени. В общем, Управление решило укоротить Мароника – в качестве превентивной меры, а еще в качестве тонкого намека генералиссимусу. Так вот, как ты думаешь, кто руководил резидентурой на Тайване, когда она получила приказ на устранение Мароника?

Пауэлл почти не сомневался, поэтому ответил сразу:

– Уэзерби?

– Угадал. Ответственным за операцию по устранению был именно полковник Уэзерби. Он доложил о ее успешном завершении, но есть тут одна загвоздка. В качестве метода выбрали бомбу, заложенную в квартире Мароника. При взрыве погибли и Мароник, и агент-китаец, который ее закладывал. Оба трупа, само собой, почти полностью уничтожены взрывом. Уэзерби наблюдал за взрывом и давал показания как свидетель. А теперь сдадим-ка чуток назад во времени. Кого, как ты думаешь, нанимал Мароник для участия по меньшей мере в пяти операциях?

Тут можно было и не гадать.

– Нашего мертвого почтальона, – ответил Пауэлл. – Сержанта Келвина Ллойда.

– И как ты догадался? И вот ведь какое совпадение... У нас не имелось подробного досье на Мароника, только несколько нечетких фоток, неполных описаний, всякая такая ерунда. И угадай-ка, чье досье пропало? – Пожилой джентльмен даже не дал Пауэллу открыть рот, потому что ответил сам: – Мароника. А еще пропали записи про сержанта Ллойда. Очень мило, а?

– Не то слово. – Пауэлл все еще казался озадаченным. – Скажите, сэр, а что навело вас на мысль, что во всем этом замешан Мароник?

Пожилой джентльмен улыбнулся.

– Напряг извилины. Сначала прикинул, кто вообще мог бы провернуть подобную операцию, как нападение на Общество. Таких набралось с дюжину. Но когда из этой дюжины пропало досье одного Мароника, это уже интереснее, не так ли? Флотская разведка прислала данные на Ллойда, и в досье значилось, что он работал с Мароником. Вот тут-то колесики и закрутились. А когда оказалось, что оба повязаны с Уэзерби, тут уж и лампочки замигали, и музыка заиграла. Вот так вот: я битое утро провел, напрягая извилины, а мог бы кормить голубей да цветочки нюхать.

В комнате наступила тишина: босс отдыхал, а Кевин думал.

– Значит, – произнес наконец Пауэлл, – вы думаете, Мароник затеял против нас какую-то операцию, а Уэзерби работал на него изнутри нашей организации? По крайней мере какое-то время?

– Нет, – мягко возразил начальник. – Я так не думаю.

Вот тут Кевин удивился уже по-настоящему. Все, на что его хватило, – это уставиться на пожилого джентльмена в ожидании, пока тот продолжит.

– Первый и самый очевидный вопрос: зачем? С учетом происходящего и того, как все происходило, не думаю, что к этому вопросу можно подходить, используя обычную логику. А если к нему подойти не с обычной логикой, значит, мы начинали с ошибочного предположения – что объектом действий является ЦРУ. Теперь второй вопрос: кто? Кто мог бы заплатить – и, могу предположить, заплатить по-царски – Маронику за измену Уэзерби и содействие как минимум Ллойда за то, чтобы на нас напали, причем именно таким образом? Даже с учетом этой поддельной чешской записки, мне в голову никто не приходит. Это, само собой, возвращает нас к вопросу «зачем?», а дальше мы уже будем без толку ходить по

кругу. Нет, сдаётся мне, что правильнее задавать вопрос не «зачем?» или «кто?», а «что?». Что происходит? Если мы найдем ответ на этот вопрос, ответы на остальные придут сами собой. Так вот, ключ к вопросу «что?» только один – и это наш приятель, Малькольм.

Пауэлл устало вздохнул.

– Итак, мы вернулись к тому, с чего начинали, – с поисков нашего пропавшего Кондора.

– Не совсем, мой мальчик, не совсем. Я поручил кое-кому из моих людей порыться как следует в Азии, поискать, что связывает Уэзерби, Мароника и Ллойда. Возможно, они не найдут ничего, но как знать, как знать. А еще мы лучше представляем себе соперника, так что я поручил еще кое-кому поискать Мароника.

– Со всеми ресурсами, сэр, что у вас в распоряжении, мы могли бы без труда выйти на одного из двух, на Малькольма или Мароника... имена прямо как у клоунского дуэта, вам не кажется?

– Нет у нас ресурсов, Кевин. У нас есть мы, а еще то, что мы сможем наскрести в вашингтонской полиции.

Пауэлл поперхнулся.

– Какого черта? У вас под началом полсотни людей, и копы предоставят вам столько же. В Управлении над этим делом уже работают сотни сотрудников, не говоря уже о Бюро, АНБ и прочих. Стоит сообщить им все, что вы сказали мне, и они...

– Кевин, мальчик, – мягко, но решительно перебил его пожилой джентльмен. – Подумай хоть немножко. Уэзерби – двойной агент, сотрудник Управления; возможно, кроме него есть и еще кто-то из нижнего звена. Как мы предполагаем, это он добывал фальшивые удостоверения, делился необходимой информацией и даже сам участвовал в операциях. Но если он двойной агент, кто тогда организовал его убийство, кто вообще мог знать, где он находится (ведь это держалось в строжайшем секрете), кто обладал необходимым доступом, чтобы провести туда убийцу (скорее всего, опытного Мароника) и затем вывести его обратно? – Он помолчал, наслаждаясь сменой настроений на лице у Кевина. – Верно, другой двойной агент. И, если мои извилины меня не подводят, занимающий весьма высокое положение. Мы не можем рисковать, допустив еще одну утечку. А раз мы не можем никому доверять, придется проворачивать все это нам самим.

Пауэлл нахмурился и подумал еще немного.

– Могу я предложить, сэр?

Пожилый джентльмен изобразил на лице неподдельное удивление.

– Ну почему же нет, мой мальчик? От тебя и ждут, что ты будешь пользоваться головой, пусть даже и боишься обидеть старших.

Пауэлл чуть улыбнулся.

– Нам известно... ну, по крайней мере мы предполагаем утечку информации, причем на самом верху. Тогда почему бы нам, продолжая искать Малькольма, не сконцентрировать усилия на поисках места этой утечки? Мы могли бы вычислить, от какой группы она исходит, и заняться ею. С помощью внешнего наблюдения мы могли бы отловить этих людей, даже если бы они не оставляли за собой следа. Обстоятельства давят на них, заставляя предпринимать что-то. Ну, по крайней мере должны же они поддерживать связь с Мароником?

– Кевин, – все так же тихо ответил босс. – Твоим рассуждениям не откажешь в логике, но весь план ущербен с самого начала. Ты исходишь из того, что мы сможем вычислить группу людей – источник утечки. Но со спецслужбами одна заковыка – если подумать, так это одна из причин, по которым и создана наша лавочка, – все у них так запутано и раздуто, что в такую группу запросто может войти полсотни человек, и хорошо, если не сотня или две. И не факт, что они сами в ней виновны. Возможно, информация просачивается не от самого сотрудника, а, скажем, от его секретарши. Или, например, его связник работает на двух хозяев. И даже если утечка исходит от второстепенных лиц вроде секретарши или связ-

ного, наблюдение за ними потребует уйму ресурсов. Я уже сказал, нам придется полагаться на себя. А чтобы претворить твоё предложение в жизнь, нам понадобилось бы заручиться одобрением и поддержкой кое-кого из тех, кого мы подозреваем. Так дело не пойдёт. Ещё одна проблема связана с самой природой тех, с кем мы имеем дело. Они все профессионалы по части разведки. И ты думаешь, они позволят спокойно за собой наблюдать? А если и нет, у каждого из этих ведомств имеется своя служба безопасности, которую нам придется обходить. Например, разведка военно-воздушных сил постоянно проводит проверки – и своих объектов, и линий связи. Так они уверены и в благонадежности собственного персонала, и в том, что за ними никто не шпионит. Выходит, нам пришлось бы избегать внимания и этой службы безопасности, и нашего опытного, настороженного подозреваемого. То, с чем мы имеем дело, – продолжил пожилой джентльмен, сложив кончики пальцев домиком, – это классическая проблема спецслужб. Мы обладаем едва ли не самой мощной в мире разведывательной службой, которая, по иронии судьбы, предназначена для того, чтобы предотвращать утечки информации из нашей страны и добывать её извне. Стоит нам глазом моргнуть, и сотня хорошо подготовленных людей докопается до любой мелочи вроде неправильно прикрепленной багажной бирки. Или мы можем натравить эту же самую орду на любую маленькую группу, и через несколько дней будем знать все о том, чем она занимается. Мы можем крепко надавить на любое место по нашему желанию. Вот в этом-то и проблема: мы пока не знаем, куда давить. Мы знаем, что в механизме есть слабое место, но до тех пор, пока не изолируем ту область, где она находится, мы не сможем приступить к починке. Попытки сделать это почти наверняка обречены на провал и, мягко говоря, небезопасны. И потом, как только мы начнем искать утечку, наши противники узнают, что нам о ней известно. Ключ ко всей проблеме – Малькольм. Он может отыскать для нас этот источник утечки, ну, или хотя бы подтолкнуть в нужном направлении. Если ему это удастся или мы найдем связь между операцией Мароника и кем-либо в наших спецслужбах, мы, разумеется, прижмем подозреваемого к ногтю. Но до тех пор, пока у нас не появится серьезной зацепки, такая операция будет неуклюжей, можно сказать, стрельбой вслепую. Я такой работы не люблю – очень уж мало от нее проку.

– Простите, сэр. – Пауэлл постарался не выказать досады. – Пожалуй, я ляпнул, не подумав.

Пожилой джентльмен энергично замотал головой.

– Вовсе нет, мой мальчик! – вскричал он. – Ты думал, и это хорошо. Это единственное, чему мы не можем научить наших людей, а громоздкие организации так и вовсе пытаются от этого отучить. Лучше, чтобы ты думал здесь, в моем кабинете, и выдвигал идеи, скажем так, скоропалительные и не до конца продуманные, чем если бы действовал в реальной обстановке как безмозглый робот. Это не принесло бы ничего, кроме неприятностей, да и угрожаться так недолго. Думай, Кевин, думай, только чуть внимательнее, ладно?

– Значит, наш план все еще заключается в том, чтобы отыскать Малькольма и доставить его сюда целым и невредимым, так?

Пожилой джентльмен улыбнулся.

– Так, да не совсем. Я тут долго мозговал насчет нашего приятеля Малькольма. Я уже сказал, что он наш ключ ко всему. Наши противники, кем бы они ни были, хотят видеть его покойником, очень хотят. Если нам удастся сберечь его живым и превратить в нечто столь для них опасное, что они бросят все силы на его устранение, вот тогда мы сможем этим ключом воспользоваться. Сосредоточившись на Кондоре, Мароник и компания превратятся в замочную скважину. И тогда, с помощью осторожности и везения мы этот замочек ключом и отопрем. Ну, конечно, дело за малым – отыскать Кондора и сделать это быстро, пока это не сделали другие. Я тут сделал кое-какие распоряжения на этот счет. Но когда мы его найдем,

то снарядим его как надо. Ты пока отдохни, а потом мой помощник передаст тебе инструкции и необходимую информацию.

Кевин встал, шагнул к двери, но задержался.

– Скажите, сэр, а на Мароника вы мне ничего не дадите?

Пожилый джентльмен кивнул.

– Есть у меня приятель во французских спецслужбах, он пришлет мне с курьером копию их досье. Только прилетит она завтра утром. Можно было и ускорить процесс, но я не хочу насторожить наших противников. В дополнение к тому, что тебе известно, могу добавить только одно: все говорят, что внешность у Мароника очень запоминающаяся.

Когда Пауэлл закрыл за собой дверь кабинета своего босса, Малькольм только-только просыпался. Пару минут он лежал неподвижно, вспоминая события вчерашнего дня.

– Ты проснулся? – прошептал ему на ухо тихий голос.

Рональд повернул голову. Венди, приподнявшись на локте, внимательно смотрела на него.

Горло почти не болело, так что его «доброе утро» прозвучало почти нормально.

Девушка вдруг покраснела.

– Я... извини за вчерашнее. Понимаю, как невежливо себя вела. Я... я просто никогда не видела, не делала ничего такого... Ну и...

Малькольм оборвал ее, поцеловав в губы.

– Все в порядке. Это и правда было жутко.

– Что дальше будем делать? – поинтересовалась она.

– Не знаю пока. Я думаю, нам лучше всего затаиться здесь на день-другой. – Он огляделся по сторонам; номер был обставлен довольно-таки по-спартански. – Боюсь, это может оказаться довольно скучно.

Венди посмотрела на него и ухмыльнулась.

– Ну, не обязательно.

Она поцеловала Рональда осторожно, потом более страстно. Затем прижала его губы к своей маленькой груди.

Полчаса спустя они так ничего и не решили.

– Не можем же мы заниматься этим все время, – заметил Малькольм.

– Почему нет? – возразила Венди, надув губы, но тут же со вздохом согласилась. – Я знаю, чем мы можем заняться. – Она перегнулась через край кровати и принялась искать что-то на полу. Малькольм схватил ее за руку, чтобы она не свалилась.

– Какого черта ты там делаешь?

– Ищу свою сумку. Я захватила книги – мы могли бы почитать вслух. Ты говорил, тебе нравится Йейтс. – Она рылась в сумке. – Черт, Малькольм, а их здесь нет. Все есть, а книг нет. Должно быть, я... Ой! – Венди рывком вернулась на кровать и с трудом вырвала руку крепко сжавшего ее Малькольма. – Что ты делаешь? Больно же!

– Книги. Пропавшие книги. – Кондор повернулся и посмотрел на нее в упор. – Что-то связано с этими пропавшими книгами, что-то важное! Вот, должно быть, в чем дело!

Венди ничего не понимала.

– Но это всего лишь сборники стихов! Их можно где угодно купить. Я, наверное, просто забыла их положить.

– Да не эти книги. Те, в Обществе, пропажу которых обнаружил Хейдиггер! – Малькольм рассказал ей все с самого начала.

Его вдруг охватило возбуждение.

– Если бы я мог рассказать им про пропажу книг, это дало бы им зацепку. Причина, по которой на мой отдел напали, наверняка связана с книгами. Им стало известно, что Хейдиггер рылся в старых записях. А остальных им пришлось убить на тот случай, если об этом

узнал кто-нибудь еще. Если бы я смог передать Управлению эти куски мозаики, возможно, они сложили бы всю головоломку. По крайней мере, у меня теперь есть что им дать – уж побольше, чем просто рассказ о том, как везде, где бы я ни оказался, кого-нибудь убивали. Такие истории вряд ли им нравятся.

– Но как ты им все это расскажешь? Вспомни, что случилось после твоего последнего разговора с ними.

Малькольм нахмурился.

– Ну да, я понимаю, о чем ты. Но в прошлый раз они подстроили встречу. Даже если в Управление внедрился противник, даже если ему известно, о чем говорили на «тревожной» линии, мне кажется, не все так плохо. С учетом того, что происходит, я думаю, в дело вовлечены десятки людей. И хотя бы часть их чиста. Кто-нибудь да передаст то, что я им скажу. И кто-нибудь где-нибудь нажмет нужные кнопки. – Он помолчал. – Собирайся, мы возвращаемся в Вашингтон.

– Эй, постой-ка! – Венди протянула руку, но не успела схватить Малькольма, который выпрыгнул из кровати и бросился в ванную. – Зачем нам туда?

Из-за тонкой перегородки донесся шум включенного душа.

– Так надо. Междугородний звонок прослеживается почти мгновенно, а чтобы заперенговать местный, требуется некоторое время. – Шум воды усилился.

– Но ведь нас могут убить!

– Чего?

Как ни старалась Венди производить меньше шума, ей все же пришлось кричать:

– Я сказала, нас там могут убить!

– Здесь тоже могут. Эй, потри мне спину, а я потру тебе.

– Вы меня сильно разочаровали, Мароник. – Слова как бритвой резали сгустившийся от напряжения воздух между двумя собеседниками. Представительный мужчина, произнесший эти слова, поймал на себе взгляд второго и сразу же понял, что совершил ошибку.

– Меня зовут Левин. Постарайтесь этого не забывать. Надеюсь, впредь вы не допустите подобных оговорок.

Уверенность представительного мужчины от этих слов сильно поколебалась, но он постарался не выказать это собеседнику с запоминающейся внешностью.

– Моя оговорка ничтожна по сравнению с допущенными за последние дни ошибками, – заявил он.

Тот, кто желал, чтобы его звали Левином, на взгляд незнакомого с ним человека, не выказал ровно никаких эмоций. Наблюдательный же человек, знакомый с ним хотя бы некоторое время, мог бы заметить легкую вспышку раздражения.

– Операция еще не завершена. В процессе возникли осложнения, но это не провал. Случись провал, мы бы с вами здесь не беседовали. – В подтверждение своих слов мужчина с запоминающейся внешностью махнул в сторону окружавшей их толпы. По воскресеньям в Капитолии всегда много туристов.

Представительный мужчина слегка успокоился.

– Тем не менее осложнения все-таки имели место, – произнес он тихо, почти шепотом, но решительно. – Как вы совершенно справедливо заметили, операция не завершена. Думаю, вам не надо напоминать, что ее завершение ожидалось три дня назад. Три дня. За трое суток может произойти много самого разного. До сих пор нам везло – при всех наших промахах. Чем дольше затягивается операция, тем выше шанс того, что все пойдет наперекосяк. И вам, и мне известно, к каким катастрофическим последствиям это может привести.

– Все, что можно сделать, делается. Мы должны ждать нового шанса.

– А если этот новый шанс не представится? Что тогда, друг мой? Что?

Человек, желавший, чтобы его называли Левином, повернулся и посмотрел на него. Второму мужчине снова сделалось не по себе.

– Тогда, – сказал Левин, – мы сами создадим этот шанс.

– Что ж, хотелось бы надеяться, что при этом больше не случится... осложнений.

– Я их не ожидаю.

– Хорошо. Я информирую вас обо всем, что происходит в связи с нашим делом в Управлении. Того же буду ждать и от вас. Полагаю, мы все обсудили на сегодня?

– Есть еще одно, – спокойно произнес Левин. – В операциях вроде этой происходят осложнения внутреннего характера. Обыкновенно подобные... осложнения случаются с отдельными сотрудниками. Эти осложнения специально готовятся руководителями – такими, как вы, например, – и носят постоянный характер. В просторечии подобные осложнения называют «подставами». И если бы моим начальником были вы, я бы принял все меры к тому, чтобы избежать их. Вы со мной согласны?

Некоторая бледность лица его собеседника подсказала Левиному, что тот согласен. Левин вежливо улыбнулся, попрощался кивком и зашагал прочь. Представительный мужчина смотрел ему вслед, пока тот не скрылся за поворотом мраморного коридора. Потом джентльмен поежился и вернулся домой, чтобы пообедать в обществе жены, сына и шумной невестки.

Пока Малькольм и Венди одевались, а двое беседовавших в Капитолии мужчин расходились в разные стороны, у въезда на территорию комплекса в Лэнгли остановился фургон телефонной компании. После того как охрана проверила пропуск и груз, фургон проехал к центру связи. Двое телефонистов сопровождались офицером безопасности, откомандированным из регионального отделения. Большинство агентов ЦРУ были заняты поиском человека по имени Кондор. По документам майора, офицера безопасности, звали Дэвид Бёррос. Настоящее его имя было Кевин Пауэлл, и двое телефонистов, приехавших якобы для проверки аппаратуры распознавания номеров, на деле являлись высококлассными специалистами ВВС по электронике, всего четыре часа назад прилетевшими спецрейсом из Колорадо. По завершении операции им предстоял трехнедельный карантин. Аппаратуру парни проверили, но в дополнение к этому установили кое-какую новую, а также поколдовали над проводами старой. Работали они по схемам с грифом «совершенно секретно», стараясь из-за этого не слишком нервничать. Через пятнадцать минут после начала работы они послали сигнал третьему человеку, ожидавшему в телефонной будке, расположенной в четырех милях от Лэнгли. Тот набрал номер, послушал гудки в трубке, пока не получил нового сигнала, затем повесил трубку и ушел. Один из специалистов кивнул Пауэллу. Потом все трое собрали свои инструменты и уехали – так же беспрепятственно, как приехали.

Часом позже Кевин сидел в маленькой комнатке в вашингтонском пригороде. За дверью дежурили двое полицейских в штатском. По углам комнаты расселись еще трое агентов. У стола стояло два стула, но один оставался незанятым. Пауэлл разговаривал по одному из двух телефонов, стоявших на столе.

– Мы подключились и готовы действовать, сэр. Аппаратуру проверили дважды. Один раз со своего конца, и наш человек в «тревожной» бригаде сказал, что у них все чисто. Теперь все звонки на «тревожный» номер Кондора будут попадать к нам. Если это наш парень, мы с ним говорим. Если нет... что ж, будем надеяться, чего-нибудь придумаем. Разумеется, мы можем и отключить ложную линию и просто подслушивать.

Голос пожилого джентльмена звучал донельзя довольно.

– Отлично, мой мальчик, просто замечательно. Как складывается все остальное?

– Мэри-Энн говорит, что договорится с «Пост» в течение часа. Надеюсь, сэр, вы понимаете, что мы можем сильно обжечь на этом деле свою задницу. Рано или поздно нам при-

дется сказать Управлению, что мы подключились к их «тревожной» линии, и это вряд ли им понравится.

– Не беспокойся об этом, Кевин, мой мальчик, – усмехнулся пожилой джентльмен. – В конце концов, не в первый раз и не в последний. И потом, не забудь, они ведь тоже поджариваются и, сдается мне, не слишком обидятся, если мы уберем из-под них жаровню. Есть какие-нибудь вести с полей?

– Никаких. Никто не видел ни Малькольма, ни девушку. Когда наш парень прячется в нору, он прячется глубоко.

– Ага, мне и самому так показалось. Не думаю, чтобы наши неприятели успели его сцапать. Мне даже нравится, как он держался до сих пор. Вы получили от меня план действий?

– Да, сэр. Мы позвоним, если что-нибудь произойдет.

Пожилый джентльмен повесил трубку, и Пауэлл приготовился ждать – как он надеялся, не слишком долго.

Венди и Малькольм вернулись в Вашингтон еще до захода солнца. Малькольм направил машину напрямик в центр города. Он остановил машину на стоянке у Мемориала Линкольна, достал из багажника чемоданы и проверил, надежно ли заперт автомобиль. Они въехали в Вашингтон через Бетесду, штат Мэриленд. Там они остановились, чтобы купить туалетные принадлежности, одежду, светлый парик, пышный театральный бюстгальтер для Венди, рулон изолянта, кое-какие инструменты и коробку патронов триста пятьдесят седьмого калибра.

Малькольм рисковал, но обдуманно. Основываясь на принципе «Потерянного письма» Эдгара Алана По, согласно которому самым безопасным местом часто является расположенное на глазах у всех, они с Венди сели в автобус, идущий на Капитолийский холм. Там они сняли комнату в хостеле на Восточной Капитолийской улице, всего в четверти мили от здания Общества. Хозяйка общарпанного заведения обрадовалась паре новобрачных из Огайо. Большинство из ее постояльцев выписалось и разъехалось по домам после проведенных в столице выходных. Ее даже не смутили отсутствие колец у молодоженов и подбитый глаз у девушки. В подтверждение образа проводящих медовый месяц влюбленных (так шепнул хозяйке Малькольм) молодые отправились спать раньше обычного.

Понедельник, утро – середина дня

Война состоит из непредусмотренных событий.
Наполеон Бонапарт

Пронзительный звонок красного телефона вырвал Пауэлла из тревожного забытья. Он сорвал трубку, не дожидаясь второго звонка. Остальные агенты тоже встрепенулись и включили определитель номера и магнитофон для записи разговора. Их фигур, едва различимых в утреннем полумраке, Кевин почти не видел – он целиком сосредоточился на предстоящем разговоре. И сделал глубокий вдох.

– Четыреста девяносто три тире семь два восемь два, – произнес он в трубку.

Приглушенный голос в трубке, казалось, говорил с другого конца света.

– Это Кондор.

Пауэлл начал разыгрывать тщательно подготовленный диалог.

– Вас понял, Кондор. Слушайте внимательно. В Управление внедрились двойные агенты. Кто именно, мы не знаем, но уверены, что это не вы, – на другом конце провода попробовали возмутиться, но Кевин перебил собеседника: – Не тратьте время на доказательства своей невиновности – мы из нее исходим. Скажите, зачем вы застрелили Уэзерби, когда они приехали забрать вас?

В голосе на другом конце провода зазвучало удивление.

– Вам что, Воробей-четыре не сказал? Это тип – Уэзерби? – сам выстрелил в меня! И он сидел перед домом Общества утром в четверг. В той же машине.

– Воробей-четыре убит. Застрелен в том же переулке.

– Это не...

– Мы знаем. Полагаем, это Уэзерби. Нам известно про вас и девушку. – Пауэлл сделал паузу, чтобы эта информация как следует дошла до собеседника. – Мы проследили вас до ее квартиры и нашли там труп. Это вы его?

– С трудом. Он нас едва не угрохал.

– Вы ранены?

– Нет. Ушибы и легкое сотрясение.

– Вы в безопасности?

– На текущий момент – более-менее.

Пауэлл привстал со стула и задал, почти не надеясь на ответ, самый главный вопрос:

– У вас никаких мыслей насчет того, почему напали на ваше отделение?

– Есть. – Пауэлл едва не раздавил трубку внезапно вспотевшей рукой. Малькольм быстро рассказал ему о пропавших книгах и финансовых нестыковках, обнаруженных Хейдигером.

– Но вы сами имеете представление о том, что все это значит? – удивленно спросил Пауэлл, дождавшись паузы в рассказе Малькольма.

– Ни малейшего. Скажите лучше, что вы собираетесь делать, чтобы вытащить нас отсюда?

Пауэлл сделал глубокий вдох и бросился в омут.

– Ну... с этим у нас пока небольшие проблемы. Не потому, что мы не хотим обеспечить вашу безопасность, а потому... гм... что вы разговариваете сейчас не с Управлением.

В пяти милях от этого места, в будке телефона-автомата у гостиницы «Холидей-Инн», у Малькольма все сжалось внутри. Прежде чем он успел сказать что-то, Пауэлл продолжил:

– Вдаваться в детали я не могу. Вам придется нам довериться. Поскольку противнику удалось внедриться в Управление – возможно, на самом высоком уровне, – мы просто пере-

ключили линию на себя. Так нам удалось перехватить ваш звонок. Пожалуйста, не вешайте трубку. Мы намерены разоблачить двойных агентов в Управлении и выяснить, что вообще происходит. И сделать мы это можем только с вашей помощью. У вас просто нет выбора, кроме как помочь нам.

– Черт, приятель, да вы что! Как мне знать, из спецслужб вы или нет? И даже если с вами все в порядке, какого черта мне вам помогать? Не моя это работа! Я читаю о таких штуках, а не занимаюсь ими!

– А вы подумайте. – Голос Пауэлла сделался ледяным. – До сих пор вам везло, но так не будет продолжаться бесконечно. Помимо нашей группы, вас целенаправленно ищут весьма и весьма профессионально подготовленные люди. Вы сами сказали, то, чем вы занимаетесь сейчас, – не ваша работа. Кто-нибудь вас да найдет. Без нашей помощи все, на что вы можете надеяться, – это на то, что первыми вас найдут те, кого вы считаете своими. Если к таковым относимся мы, то все и так в порядке. Если нет, вы хотя бы будете знать, что мы от вас хотим. Все лучше, чем действовать вслепую. Если вам не понравятся наши инструкции, вы вольны им не следовать. Да, еще один, последний аргумент. Мы контролируем вашу связь с Управлением. У нас и на той, настоящей линии свой человек. – Вообще-то тут Пауэлл соврал. – Единственный способ вернуться домой – это явиться в Лэнгли лично. Или вы хотите явиться туда в виде покойника?

Пауэлл помолчал, но ответа не последовало.

– Думаю, не хотите. И потом, мы не требуем ничего слишком опасного. Все, что от вас нужно, сводится к тому, чтобы сидеть не высовываясь, но время от времени теревить нервы нашим противникам. Ладно, слушайте, что нам на сегодняшний день известно. – Пауэлл кратко изложил Малькольму все, что знал сам. Стоило ему закончить рассказ, как к нему подошел, недоуменно пожимая плечами, сотрудник, занимавшийся отслеживанием источника звонка. Пауэлл тоже удивился, но продолжал: – Слушайте, есть еще один способ связаться с нами. С шифровкой книжным кодом знакомы?

– Ну... лучше напомните.

– Хорошо. Первым делом купите «Женские тайны» в мягкой обложке. У нее всего одно издание. Запомнили? Отлично. Теперь, когда нам потребуется связаться с вами, мы напечатаем объявление в «Пост». Оно будет в первой колонке под заголовком «Сегодняшние выигрышные номера в лотерею», а дальше несколько серий цифр через дефис. Первое число каждой серии означает страницу, второе – номер строки, третье – номер слова в строке. Если мы не сможем найти в книге нужное слово, используем простейший цифро-буквенный шифр. «А» в нем – единица, «Б» – двойка... ну и так далее. В таком случае первое число в группе будет «двенадцать». И «Пост» напечатает все, что вы захотите передать нам по этому каналу, – пишите на «Счастливый номер», абонентский ящик номер один, «Вашингтон пост». Запомнили?

– Угу. А «тревожной» линией мы сможем пользоваться?

– Мы бы предпочли этого не делать. Слишком рискованно.

Пауэлл увидел, как человек, отвечавший за определение номера, начал торопливо шептать что-то в свой микрофон.

– Вам что-нибудь от нас нужно? – спросил Кевин.

– Нет. Так что все-таки вы хотите, чтобы я сделал?

– Можете перезвонить в Управление по этому же номеру?

– Ради такого же долгого разговора?

– Нет, конечно. Не больше минуты.

– Мог бы, но с другого телефона. А значит, не раньше чем через полчаса.

– Идет. Тогда позвоните, и мы дадим сигналу пройти к ним. А теперь вот что мы хотим, чтобы вы им сказали.

Пауэлл изложил свой план. Малькольм, похоже, не имел возражений.

– Да, вот еще, – спохватился Пауэлл. – Выберите район города, в котором вам решительно не хотелось бы оказаться.

Малькольм подумал.

– Чеви Чейз.

– Ладно, – кивнул Кевин. – Примерно через час появится сообщение, что вас видели в этом районе. Еще через полчаса полицейский из Чеви Чейз будет ранен, преследуя мужчину и женщину, соответствующих вашим описаниям. В результате все силы будут стянуты туда, и это даст вам простор для действий. Времени хватит?

– Лучше не полчаса, а час. Можно?

– Идет.

– Еще одно. С кем я разговариваю? В смысле, лично?

– Можете звать меня Роджерсом, Малькольм, – в трубке послышались гудки. Не успел Кевин положить трубку, как к нему подбежал специалист.

– Знаете, что сделал этот сукин сын? Нет, знаете? – Пауэлл только покачал головой. – Он прокатился по всему городу и связал телефоны-автоматы в одну сеть – так, чтобы они все передавали его разговор, а обратный сигнал пересылали ему. Первый мы буквально за минуту вычислили. Послали туда группу наблюдения, а она не нашла ничего, кроме пустой будки с самодельной табличкой «неисправно» и несколькими его проводочками. Им пришлось звонить сюда, мы дали им новый номер. Они поехали туда, потом еще в другое место, и таких, наверное, еще не одно и не два. Вот сукин сын!

Пауэлл откинулся на спинку стула и расхохотался – в первый раз за несколько последних дней. Потом полез в досье Малькольма, нашел место, где говорилось про летнюю подработку в телефонной компании, и посмеялся еще.

Рональд вышел из телефонной будки и не спеша вернулся на стоянку. В пикапе-эвакуаторе с флоридскими номерами сидела и жевала резинку блондинка с пышным бюстом. Малькольм постоял в тени, внимательно осматривая стоянку, потом подошел к машине и сел в кабину. Только закрыв за собой дверь, он показал Венди большой палец и хихикнул.

– Эй, – встревожилась она, – что с тобой? Что смешного?

– Ты куколка.

– Ну, парик и фальшивые сиськи – это твоя идея! Я не виновата, если...

Малькольм жестом остановил ее.

– И это еще цветочки, – выдавил он из себя сквозь смех. – Видела бы ты себя...

– Я не виновата, что хорошо выгляжу. – Венди поерзала на месте. – Что они тебе сказали?

Пока они ехали к новой телефонной будке, Малькольм рассказал.

С момента первого звонка на «тревожной» линии дежурил Митчелл. Он даже спал на раскладушке, стоявшей в паре футов от рабочего стола. На свежий воздух он не выходил с самого четверга. Душ не принял ни разу. Даже в туалет дежурный брал с собой телефон на длинном проводе. Начальник отдела всерьез задумывался над тем, не начать ли ему делать тонизирующие инъекции. На дежурстве Митчелла настоял директор Управления, решив, что у того больше шансов узнать Малькольма, если тот позвонит. Митчелл устал, но, даже лишившись ног, оставался выносливым. К тому же сейчас он был не только выносливым, но и настроенным по-боевому. Телефон зазвонил, когда Митчелл подносил к губам чашку со своим десятичасовым кофе. Он пролил кофе, чертыхнулся и сорвал трубку.

– Четыреста тридцать три тире семь два восемь два.

– Это Кондор.

– Где, черт...

– Заткнитесь. Я знаю, вы отслеживаете звонок, поэтому времени у нас мало. Я остаюсь на вашей линии, но в Управлении кроты.

– Что?

– Где-то есть двойные агенты. Тот тип в переулке, – Малькольм едва не сказал «Уэзерби», – первым выстрелил в меня. Я его узнал: он сидел в машине перед зданием Общества утром в четверг. Тот, другой из переулка, должно быть, рассказал уже это вам, так что... – Малькольм сделал паузу, ожидая, что его перебьют. Так и вышло.

– Воробей-четыре убит. Вы...

– Я этого не делал! С чего мне его убивать? Так, значит, вы не знаете?

– Все, что мы знаем, – это то, что с момента вашего первого звонка добавилось еще два трупа.

– Возможно, я и убил того, кто в меня стрелял, но Мароника не убивал.

– Кого?

– Мароника. Ну, так тот тип обращался к Воробью-четыре.

– Воробья-четыре звали по-другому.

– Правда? Тот, в кого я стрелял, упав, звал Мароника. Я и решил, что Мароник – это Воробей-четыре... – *Спокойнее*, подумал Малькольм, *не переигрывай*. – Ладно, к черту их, у нас мало времени. Тот, кто напал на Общество, искал что-то, известное Хейдиггеру. Он всем нам говорил, что нашел в старых бумагах что-то странное. Он говорил, что собирается сообщить об этом кому-то в Лэнгли. Вот почему мне кажется, в Управлении работает крот. Хейдиггер поговорил не с тем, кем надо. Думаю, я мог бы распутать, в чем здесь дело, будь у меня время. Я понимаю, вы меня ищете. Я боюсь приезжать к вам, боюсь, что вы меня найдете. Вы можете приостановить поиски, пока я не выясню, что такого знаю, если противник хочет меня убить?

Митчелл помолчал. Спец, прослеживавший звонок, отчаянно замахал ему руками, чтобы тот заставил Малькольма продолжать разговор.

– Не знаю, можем ли мы пойти на это. Возможно, если бы...

– Некогда. Позвоню, когда узнаю больше, – в трубке послышались гудки.

Митчелл оглянулся на специалиста. Тот отрицательно помотал головой.

– И что вы, черт подери, обо всем этом думаете?

Митчелл оглянулся на говорившего, охранника, и пожал плечами.

– Ничего не думаю, да это и не моя работа. По крайней мере сейчас. – Он посмотрел по сторонам. Его взгляд задержался на другом агенте, ветеране-оперативнике.

– Джейсон, тебе говорит что-нибудь имя Мароник?

Человек по имени Джейсон покачал головой.

– Не помню, что именно, но точно ничего хорошего.

– Вот и мне, – вздохнул Митчелл и снял телефонную трубку. – Архив? Мне нужно все, что у вас имеется на всех, кого зовут Мароник. Да, до вечера нам, возможно, потребуется несколько экземпляров, так что беритесь за дело. – Он положил трубку, снял ее снова и набрал номер заместителя директора.

Пока тот ждал соединения с боссом, Пауэлл связался с пожилым джентльменом.

– Наш парень справляется отлично, сэр.

– Рад слышать это, Кевин, очень рад.

– Мы закинули им несколько заманчивых вкусняшек. Думаю, это подтолкнет Управление к движению в нужном направлении. Надеюсь, при этом они не выйдут на нас. Если ваши предположения верны, наш приятель Мароник начнет ощущать себя неудобно. Они будут еще сильнее спешить в поисках Кондора. У вас ничего нового?

– Пока ничего. Наши люди продолжают рыться в прошлом действующих лиц. И, кроме нас, только полиции известно о связи между Малькольмом и трупом, найденным в квартире

у Венди Росс. Полиция официально завела дело об убийстве и связанном с этим исчезновении девушки. В нужное время и этот лакомый кусочек попадет в нужные руки. А теперь, похоже, мне пора идти и просиживать задницу еще на одном занудном совещании, делать умное лицо и ненавязчиво подталкивать наших друзей в нужном направлении. А тебе, пожалуй, лучше оставаться на линии, слушать, не вмешиваясь, но быть готовым в любой момент начать действовать.

– Конечно, сэр. – Пауэлл положил трубку, оглянулся на присутствующих в комнате – все они ухмылялись – и решил, что может позволить себе чашку кофе.

– Будь я проклят, если что-нибудь понимаю. – В подтверждение своих слов капитан ВМС грохнул кулаком по столу и откинулся на спинку кресла. В помещении стояла духота. Его подмышки потемнели от пота. Надо же, выбрали время ремонтировать кондиционеры, подумал он.

– Никто из нас в точности не знает, что все это означает, капитан, – терпеливо произнес заместитель директора и покашлял, пытаясь вспомнить, на каком месте его перебили. – Как я уже сказал, если не считать информации, полученной от Кондора, – а насколько она точна, неизвестно, – со времени нашей прошлой встречи мы не продвинулись ни на шаг.

Капитан склонился к сидевшему справа от него представителю ФБР.

– Тогда, черт подери, – зашептал он на ухо фэбээровцу, не обращая внимания на его раздражение, – зачем вообще было созывать это совещание?

Испепеляющий взгляд, брошенный заместителем директора, не оказал на капитана ровно никакого действия. Заместитель вздохнул и продолжал говорить:

– Как вам уже известно, досье Мароника пропало. Мы запросили дубликаты английских досье. Военный самолет доставит их сюда через три часа. Мне хотелось бы, джентльмены, выслушать ваши соображения на этот счет.

Первым заговорил представитель ФБР:

– Полагаю, Кондор хотя бы отчасти прав. В ЦРУ внедрился крот. – Коллега фэбээровца из Управления насупился, но тот продолжал: – Тем не менее мне кажется, мы можем говорить об этом в прошедшем времени. Очевидно, двойным агентом был Уэзерби. Вероятно, полковник использовал Управление как прикрытие для каких-то перевозок, а Хейдиггер случайно на это наткнулся. Узнав об этом, Уэзерби не мог не напасть на Общество. Кондор остался единственным неучтенным звеном, которое необходимо было уничтожить. Уэзерби облажался. Возможно, кто-то из его банды все еще на свободе, но мне кажется, основной источник утечки информации ликвидирован. Насколько я могу судить, первоочередная задача для нас теперь – выйти на Кондора. С теми сведениями, которые он может сообщить, мы сумеем отловить всех оставшихся – включая этого Мароника, если он действительно существует, – и выяснить, много ли информации от нас ушло.

Заместитель директора обвел взглядом собравшихся. Он уже собирался объявить совещание закрытым, когда пожилой джентльмен помахал рукой, привлекая его внимание к себе.

– Не позволите, господин председатель? Всего пару соображений.

– Разумеется, сэр. Мы всегда рады выслушать ваше мнение.

Сидевшие за столом оживились и приготовились слушать. Капитан тоже поерзал на стуле, хотя скорее от досады из-за задержки.

Однако пожилой джентльмен помолчал несколько секунд, не без любопытства глядя на представителя ФБР.

– Должен признаться, – начал он наконец, – я не согласен с точкой зрения нашего коллеги из Бюро. Его объяснение выглядело бы убедительным, не будь в нем пары нестыковок, которые не дают мне покоя. Если Уэзерби был главным внедренным агентом, тогда как и почему он умер? Я понимаю, это вопрос спорный, по крайней мере до окончательных выво-

дов медицинских экспертов. Однако я не сомневаюсь в том, что бедолагу убили. Приказ устранить его мог поступить только из самых верхних эшелонов Управления. И потом, нутром чувю, что-то не так в самой концепции двойного агента – перевозчика. Ничего конкретного, только интуиция. Сдается мне, нам стоит продолжать действовать по-прежнему, но с двумя небольшими поправками. Во-первых, стоит покопаться в прошлом всех подозреваемых и посмотреть, не пересекались ли их пути. Как знать, может, что-то и найдем? И во-вторых, я бы дал Кондору шанс упорхнуть. Он все еще может что-нибудь нарыть. Отзовите на время охоту за ним и сосредоточьтесь на архивных поисках. У меня есть и еще кое-какие мысли, но я хотел бы помозговать над ними до следующего совещания. А пока у меня все. Благодарю вас, господин председатель.

– Спасибо, сэр. Разумеется, джентльмены, окончательное решение остается за мной как председательствующим. Тем не менее заверяю вас, что высказанные вами идеи будут учтены. Вплоть до принятия этого решения я планирую продолжать нынешнюю тактику действий.

Пожилый джентльмен поднял взгляд на заместителя директора.

– Можете быть уверены, – произнес он, – что мы окажем вам все возможное содействие.

– Это касается и нас! – почти выкрикнул представитель ФБР и испепелил пожилого джентльмена взглядом, ответом на который стала странная и вроде бы не ехидная улыбка.

– Джентльмены, – объявил заместитель директора. – Благодарю вас всех за помощь, которую вы оказывали и продолжаете оказывать нам. Спасибо за участие в совещании. О дате следующего вас известят дополнительно. Всего хорошего.

Выходя из помещения, фэбээровец покосился на пожилого джентльмена. Он встретился взглядом с ясными, полными интереса глазами, поспешно отвернулся и ушел.

– Господи, – пожаловался капитан представителю Министерства финансов, – ну почему я только не остался на флоте? Эти чертовы совещания скоро меня доконают. – Он недовольно фыркнул, напялил на голову форменную фуражку и размашистыми шагами вышел. Последним покинул помещение заместитель директора.

– Мне все это решительно не нравится.

Двое мужчин прогуливались по аллеям окружавшего Капитолий парка, не смешиваясь с прохожими.

Дневной наплыв туристов спадал, зато потянулись с работы правительственные служащие. Понедельник в Конгрессе – ленивый день.

– Мне это тоже не нравится, друг мой, но придется справляться с ситуацией, какова она на деле, а не с той, какой нам хотелось бы ее видеть. – Старший собеседник покосился на своего спутника с запоминающейся внешностью и вздохнул. – И все же нам по крайней мере известно теперь больше, чем прежде. Например, мы оба отчетливо понимаем, насколько важно, чтобы Кондор не остался в живых.

– Мне кажется, в этом мы не одиноки, – в голосе человека с запоминающейся внешностью прозвучал такой холод, что его спутник поежился, несмотря на теплую погоду.

– Что вы хотите этим сказать?

– Это бессмыслица, – ответил мужчина с запоминающейся внешностью, не скрывая раздражения. – Уэзерби был закаленным, опытным агентом. Даже будучи раненым, он сумел убить Воробья-четыре. И вы верите тому, что человек вроде него стал бы выкрикивать мое имя? Даже если он находился в шоке, зачем ему звать меня? Это лишено смысла.

– Умоляю вас, скажите тогда, что не лишено смысла?

– Пока не знаю. Знаю только, что происходит что-то, о чем нам неизвестно. Или по крайней мере неизвестно мне.

Голос представительного мужчины даже дрогнул от возмущения.

– Надеюсь, вы не предполагаете, что я утаиваю от вас информацию?

Наступила долгая пауза, нарушаемая только редкими порывами вашингтонского ветра. Медленно, очень медленно Левин-Мароник повернулся, чтобы ответить:

– Не знаю. Я сомневаюсь в этом, но такая вероятность существует. Не трудитесь возражать. Я не исхожу из подобной версии. Но я хочу, чтобы вы не забывали нашего прошлого разговора.

Несколько минут они прогуливались молча. Капитолий остался позади, и теперь они шли мимо здания Верховного Суда. Первым нарушил молчание старший спутник:

– Ваши люди ничего не нашли?

– Ничего. Мы прослушивали все переговоры полицейских, а также оперативников Управления и Бюро. Однако втроем осуществлять это очень сложно. Мой план заключается в том, чтобы перехватить группу, которая будет забирать Кондора, прежде чем они успеют доставить его в безопасное место. Можете ли вы подобрать для этого одно конкретное место, ну, или хотя бы выведать их планы? Это значительно снизит возможность осложнений.

Старший спутник кивнул, и Мароник продолжал:

– Еще одно меня смущает – Ллойд. Полиция до сих пор, насколько я могу судить, не связала его с делом Кондора. Вся эта квартира должна быть в отпечатках его пальцев, и тем не менее полиция их или не обнаружила – в чем я сильно сомневаюсь, – или не объявила их в розыск. Это мне совсем не нравится. Что-то тут не сходится. Вы могли бы проверить, в чем там дело, но только осторожно, не вызывая подозрений?

Представительный мужчина снова кивнул. Они продолжили свою неспешную прогулку – ни дать ни взять двое чиновников, возвращающихся с работы. Теперь они отделились от Капитолия на три квартала и находились на границе спальных районов. В двух кварталах от этого места рейсовый автобус причалил к тротуару, выплюнул клубы сизого дизельного выхлопа и выпустил на тротуар небольшую кучку пассажиров. Когда автобус отъехал от остановки, двое пассажиров отделились от остальных и направились в сторону Капитолия.

Малькольм подумывал, не приехать ли им во взятом напрокат пикапе. Так они были бы меньше связаны в перемещениях, но могли вызвать подозрения. Пикапов в Вашингтоне не так много, особенно таких, на борту которых написано: «Эвакуатор Альфонсо, Майами-Бич». К тому же его аренда обходилась в копеечку, а Малькольм хотел оставить в резерве побольше денег – на всякий случай. В результате он решил, что для тех редких передвижений, которые им предстояли в ближайшие дни, хватит и общественного транспорта. Венди неохотно согласилась. Ей понравилось водить пикап.

Все случилось, когда они почти поравнялись с двумя мужчинами, которые шли перед ними по противоположной стороне улицы. Порыв ветра оказался слишком сильным для шпильки, удерживавшей пышный парик Венди. Он сорвал гриву светлых волос с головы и швырнул ее на мостовую. Парик покатился, подгоняемый ветром, до тех пор, пока не замер бесформенной копной почти посередине улицы.

– Малькольм! – возбужденно крикнула Венди. – Парик! Держи его, держи!

Ее пронзительный голос перекрыл и ветер, и шум уличного движения. На противоположной стороне улицы Левин-Мароник замер как вкопанный и остановил своего спутника.

Малькольм понял, что Венди совершила ошибку, назвав его по имени. Он жестом заставил ее замолчать и шагнул между двумя стоявшими у тротуара машинами, чтобы выйти на мостовую для спасательной операции. Он заметил, что двое мужчин на противоположной стороне улицы смотрят на него, и постарался придать лицу невозмутимое выражение... ну, может, чуть раздосадованное неловкостью жены.

Левин-Мароник двигался медленно, но профессионально. Его напряженный взгляд оставался прикован к паре на другой стороне улицы, в голове прокручивались варианты

действий. Ему хватало опыта, чтобы не поддаться потрясению от фантастического стечения обстоятельств и сосредоточиться на текущей задаче. Его левая рука уже расстегивала пиджак. Краем глаза Малькольм видел все это, но его внимание было сосредоточено на кучке волос, лежавшей на асфальте. Венди догнала его, когда он уже выпрямился, держа парик в руках.

– Ох, черт, эта проклятая штуковина, наверное, испорчена в хлам. – Девушка выхватила бесформенный клубок из рук Малькольма. – Хорошо, что нам недалеко. В следующий раз закреплю двумя...

Спутнику Мароника давно не приходилось бывать в деле. Он стоял на тротуаре, глупо таращась на странную парочку с париком в руках. Его взгляд привлек внимание Малькольма как раз в то мгновение, когда тот, не веря своим глазам, что-то пробормотал. Что именно, Рональд не расслышал, но сразу понял: здесь что-то не так. Он переключил внимание на спутника этого хорошо одетого мужчины – тот как раз вышел из-за стоявшей у тротуара машины и двинулся через дорогу. Малькольм заметил и расстегнутый пиджак, и руку, выжидательно зависшую у пояса.

– Беги! – Он толкнул Венди в сторону тротуара и перекатился через капот стоявшей рядом спортивной машины. Грянувшись о тротуар рядом с передним колесом, он еще надеялся, что просто свалил дурака, и ничего серьезного им не грозит.

Мароник ухватил опыта не бежать через открытый участок, преследуя, возможно, вооруженного человека, к тому же укрывшегося за более-менее защищающим от пуль барьером. Он хотел выгнать жертву на открытое пространство для верного выстрела. Еще он видел, что вторая жертва убегает. Этого нельзя было допустить. Его тело застыло в классической позе для стрельбы, тупорылый револьвер в руке чуть двинулся и коротко рывкнул.

Венди успела сделать четыре быстрых шага, когда до нее дошло, что она не знает, почему бежит. Глупо как, подумала она, хотя шага почти не замедлила. Девушка нырнула между двумя машинами, оказавшись на тротуаре, перешла на трясину. Когда до укрытия за туристическими автобусами оставалось всего четыре фута, она оглянулась через плечо и поискала взглядом Малькольма.

Свинцовая пуля в стальной оболочке ударила ее в основание черепа. Пуля подбросила Венди в воздух и раскрутила как марионетку-балерину, на одной ноге.

Малькольм понимал, что означает этот выстрел, но не мог не посмотреть. Он заставил себя повернуть голову и увидел странную, безжизненную фигуру, лежавшую на асфальте в двадцати футах от него. Она была мертва. Он знал, что она мертва. За последние дни Рональду довелось насмотреться на убитых людей, так что он не мог спутать этот вид ни с чем другим. По асфальту в его направлении текла струйка крови. Венди все еще сжимала парик.

Малькольм уже достал свой пистолет и держал его в руках. Он приподнял голову, и револьвер Мароника рывкнул еще раз. Пуля с визгом от ricoшетила от капота машины. Рональд пригнулся. Мароник торопливо двинулся через улицу. В его в барабане осталось четыре патрона, и он мог позволить себе потратить на беспокоящий огонь два из них.

По иронии судьбы, Капитолийский холм в Вашингтоне отличается двумя характерными чертами: уровень преступности здесь один из самых высоких в городе, но и количество полицейских на квадратную милю тоже едва не зашкаливает. Выстрелы Мароника и визг перепуганных туристов привлекли внимание одного из патрульных. Это был невысокий, коренастый мужчина по имени Артур Стеббинс. До пенсии ему оставалось пять лет. Он устремился к месту вероятного преступления в уверенности, что за ним по пятам уже спешит не менее десятка коллег. Первое, что он увидел, – это пересекавшего улицу мужчину с пистолетом в руке. Собственно, это было и последним, что он увидел: пуля Мароника ударила ему прямо в грудь.

Мароник понимал, что дело дрянь. Он рассчитывал, что у него будет по меньшей мере минута до прибытия полиции. К тому времени Кондор будет мертв, а сам он – далеко отсюда. Однако теперь он заметил еще два синих мундира всего в квартале от себя. Оба на бегу шарили руками по кобуре. Мароник стремительно прикинул шансы и, повернувшись, начал искать пути отхода.

Именно этот момент выбрал утомленный рабочим днем помощник конгрессмена, направлявшийся домой из Рейбёрн-хауса, чтобы притормозить свой красный «Фольксваген»-«жук» перед выездом на главную магистраль. Подобно многим водителям, он мало следил за тем, что происходит на тротуарах. Вряд ли он успел понять, что происходит, когда Мароник рывком распахнул дверь со стороны водителя, выдернул его из машины, смазав попутно револьвером по лицу, вскочил на его место и уехал.

На протяжении всего этого эпизода спутник Мароника стоял столбом на тротуаре. Только увидев бегство Мароника, он сообразил, что ему тоже пора. Бросившись бегом в направлении от Капитолия, уже через пятьдесят футов он оказался у своего черного «Мерседеса», сел в него и поспешил прочь. Малькольм высунул голову из-за капота спортивной машины и успел разглядеть цифры на номерном знаке «Мерседеса».

Малькольм оглянулся на полицейских. Они столпились вокруг тела своего товарища. Один говорил по рации, передавая приметы Мароника и красного «Фольксвагена», запрашивая подкрепление и «Скорую». Малькольм вдруг сообразил, что его они еще не видели, а если и видели, приняли за случайного свидетеля из прохожих. Он огляделся по сторонам. Люди, прятаясь от перестрелки за машинами и садовыми кустами, казались слишком напуганными, чтобы указать полицейским на него, по крайней мере пока он здесь. Рональд торопливо зашагал в направлении, откуда приехал «Фольксваген». Перед тем как свернуть за угол, он оглянулся на безжизненное тело на асфальте. Над телом Венди уже склонялся полицейский. Малькольм судорожно сглотнул и отвернулся. В трех кварталах от места происшествия он поймал такси и поехал в центр. Он сидел на заднем сиденье, слегка дрожа от напряжения, но в его мозгу полыхал огонь.

Понедельник, вечер

Первым шагом к грамотной обороне является умение держать оборону агрессивно. Обучившись этому, вы обнаружите такие оборонительные резервы, о которых другие игроки даже не мечтали. Ведя активные контрнаступательные действия, вы зачастую расстраиваете самые хитроумные атакующие порядки. Что еще важнее, вы расстраиваете своего соперника.

Фред Рейнфельд. Полный курс шахматной игры

– Это просто ад какой-то. – Голос Пауэлла звучал подавленно.

– Что ты хочешь этим сказать? – На другом конце провода пожилой джентльмен напряг слух, чтобы не пропустить ни одного слова.

– Девушку застрелили. На Капитолийском холме. Двое свидетелей не совсем уверенно, но опознали Мароника по вашему старому фото. Они же опознали Малькольма в сбежавшем спутнике девушки. Насколько мы можем судить, он не ранен. Мароник походя застрелил еще полицейского.

– Убил двоих за один день? Хлопотный у парня выдался денек.

– Я не говорил, что она убита, сэр.

Последовала пауза, такая короткая, что уловить ее могло только натренированное ухо.

– Мароник, – произнес пожилой джентльмен немного перехваченным голосом, – редко промахивается. Так она убита, да?

– Нет, сэр, хотя Мароник почти не промахнулся. Попади он на долю дюйма выше, и пуля вышибла бы ей мозги. Но и так ранение довольно серьезное. Девушка сейчас в больнице Управления. Ее собираются оперировать. На этот раз насчет охраны распоряжался я. Нового Уззерби нам не нужно. Она без сознания. Врачи говорят, останется в таком состоянии несколько дней, но все же полагают, что она выкарабкается.

– Она, – голос пожилого джентльмена почти дрожал от нетерпения, – она успела что-нибудь кому-нибудь рассказать?

– Нет, сэр, – огорченно ответил Пауэлл. – Девушка без сознания с момента ранения. В ее палате дежурят двое моих людей. Само собой, они проверяют и перепроверяют любого входящего, и они же ждут, не очнется ли она. У нас еще одна проблема. Полиция как с цепи сорвалась. Они жаждут напустить на Мароника все, что только можно. Убитый коп и раненая девушка на Капитолийском холме значат для них больше, чем наша шпионская история. Пока мне удастся их сдерживать, но, боюсь, ненадолго. Если они начнут поиски при всем, что им известно, это не удастся скрыть от Управления. Что мне делать?

Пожилой джентльмен немного подумал.

– Пусть ищут. Дай им слегка купированную версию того, что нам известно, – такую, чтобы у них имелись наводки на Мароника. Скажи им, пусть отправят на его поиски всех, кого смогут выделить, а мы в случае чего поможем. Единственное, на чем мы настаиваем, – это на праве первыми допросить Мароника, когда они его отловят. Настаивай на этом и скажи, что у меня достаточно власти, чтобы требовать этого официально. И пусть отыщут Малькольма. Тебе не показалось, что Мароник поджидал их там?

– Вряд ли. Мы нашли гостиницу, где останавливались Малькольм с девушкой. Мне кажется, Мароник находился в этом районе и напоролся на них совершенно случайно. Если бы не вмешательство полиции, он, возможно, уже пришел бы Кондора. Тут еще одно обстоятельство. Один свидетель клянется и божится, что Мароник был не один. Он не успел разглядеть второго как следует, но утверждает, что тот тип старше Мароника. Тот, второй, исчез.

– А другие свидетели? Подтверждают?

– Нет, сэр, но я ему, пожалуй, верю. Второй, возможно, тот самый главный крот, за которым мы охотимся. Холм – отличное место для встреч. Этим, возможно, объясняется то, как Мароник столкнулся с Малькольмом и девушкой.

– Хорошо. Пришли-ка мне все, что у тебя есть на этого дружка Мароника. Может, этот твой свидетель составит фоторобот или там номер запомнил? Хотя что-то?

– Нет, ничего определенного. Может, нам повезет, и девушка сможет помочь, если скоро очнется.

– Угу, – мягко произнес пожилой джентльмен. – Это было бы кстати.

– Дальнейшие инструкции, сэр?

Пожилой джентльмен немного помолчал.

– Дай объявление... нет, лучше два – в «Пост», – ответил он наконец. – Наш парень, где бы он сейчас ни находился, ожидает от нас весточки. Однако, боюсь, сейчас он не в состоянии расшифровывать депеши, так что тисни-ка еще одно, открытым текстом, на той же странице. Скажи, пусть с нами свяжется. А в шифровке сообщи, что девушка жива, что первоначальный план отменяется и что мы пытаемся придумать новый способ доставить его в безопасное место. Придется рискнуть и надеяться, что у него есть – ну, или он в состоянии купить – книга для расшифровки. Ничего важного открытым текстом мы передать не можем: мало ли кто может читать «Пост» кроме нашего парня.

– Наши коллеги могут заподозрить что-нибудь, если увидят объявление открытым текстом.

– Это, конечно, неприятно, но мы ведь понимаем, что рано или поздно придется с ними встретиться в открытую. Однако же, надеюсь, мне удастся с ними справиться.

– Что, по-вашему, будет делать Малькольм?

Последовала еще одна короткая пауза, прежде чем последовал ответ.

– Не знаю, – признался пожилой джентльмен. – Очень многое зависит от того, что ему известно. Я уверен, он полагает, что девушка мертва. Возможно, нам удастся ее каким-то образом использовать – в качестве приманки для Малькольма или для его противников. Но с этим придется подождать.

– Я должен сделать что-то еще, сэр?

– Многое, мой мальчик, очень многое. Но конкретных инструкций я тебе дать не могу. Продолжай следить за Малькольмом, Мароником и компанией, за всем, что могло бы объяснить всю эту заваруху. И оставайся на связи со мной, Кевин. После совещания с нашими коллегами я поеду обедать к сыну.

– А по-моему, это отвратительно! – Представитель ФБР перегнулся через стол, испепеляя взглядом пожилого джентльмена. – Вы все это время знали, что убийство в Александрии связано с этим делом, – и ничего нам не говорили! Хуже того, вы не позволили полиции оформить его как положено! Отвратительно! Боже, знай мы об этом, мы могли бы уже выследить Малькольма и его девицу. Обоим ничего бы уже не грозило. А мы бы занялись поисками остальных... ну, конечно, если бы мы их уже не накрыли. Я понимаю, честь мундира и все такое, но дело-то государственной безопасности! Уверяю вас, у нас в Бюро так себя не ведут!

Пожилой джентльмен только улыбался. Все, чем он поделился с остальными, сводилось исключительно к связи между Мароником и убийством в Александрии. А как бы они вскинулись, узнай, сколько всего еще ему известно! Он посмотрел на остальных. Самое время подсластить пилюлю, хотя бы для того, чтобы они думали, а не кипели праведным гневом.

– Джентльмены, джентльмены! Я понимаю ваше возмущение. Но, конечно же, вы не можете не понимать, что у меня имелись причины действовать так, а не иначе. Как вам уже известно, я полагаю, что в Управлении имеет место утечка информации. И она серьезная,

должен добавить. Я считал и считаю, что ее источник способен нейтрализовать наши усилия по раскрытию дела. В конце концов, главной целью операции – готовы мы признать это или нет – является устранение этого источника. Ну и откуда мне было знать, не сидит ли виновник утечки за этим столом? Мы не застрахованы от подобных угроз. – Он помолчал. Те, кто сидел за столом, были слишком опытны, чтобы переглядываться, но пожилой джентльмен ощутил сгустившееся в воздухе напряжение. И поздравил себя.

– Итак, – продолжал он, – возможно, я был не прав, скрыв от нашей группы столько информации, но мне так не кажется. Не то чтобы я обвинял кого-либо из вас, хотя, кстати говоря, я и не исключаю полностью вероятность того, что источник утечки здесь присутствует. Я продолжаю считать свое поведение обоснованным. Я также считаю, что эта информация, открытая вам теперь, вряд ли сильно что-то изменила. Полагаю, мы находились бы в том же положении, что и сегодня. Вопрос не в этом, по крайней мере сейчас. Вопрос заключается в том, что и как нам делать дальше.

Заместитель директора обвел взглядом собравшихся. Никто не горел желанием отвечать на вопрос пожилого джентльмена. Конечно, ситуация требовала, чтобы инициативу взял в свои руки заместитель. А он страсть как не любил таких ситуаций. Только и делать, что бояться наступить кому-нибудь на большую мозоль или еще как обидеть. Заместитель ощущал себя гораздо спокойнее в реальных операциях: там ему приходилось ожидать подвоха только со стороны врага. Он прокашлялся и попытался отвертеться, надеясь, что пожилой джентльмен сам ожидает от него этого.

– А что предложили бы вы, сэр?

Пожилой джентльмен улыбнулся. Старый добрый Дарнсуорт. Он разыграл партию довольно хорошо, и все же не идеально. Видит бог, ему не хотелось поступать с ним так. Он отвел взгляд от старого друга и устремил его в пространство.

– По правде говоря, господин председатель, у меня нет предложений. Правда, нет. Разумеется, я считаю, что мы должны приложить все усилия.

Заместитель чертыхнулся про себя. Мяч снова оказался на его поле. Он еще раз обвел взглядом людей, которые вдруг утратили уверенный и решительный вид. Все смотрели куда угодно, только не на него, но он понимал, что они следят за каждым его движением. И он решил покончить с этой пыткой побыстрее.

– Насколько я могу судить, новых идей ни у кого нет. Поэтому я принял решение продолжать операцию так, как мы действовали до сих пор. – «Еще бы понять, как именно мы действовали», – подумал он. – Если на сегодня все... – Заместитель помедлил долю секунды, – я предлагаю закрыть заседание. – Он собрал со стола бумаги, сунул их в кейс и поспешно вышел.

Остальные начали вставать из-за стола. Представитель армейской разведки наклонился к капитану.

– Я ощущаю себя близоруким девственником-импотентом: ничего не вижу и сделать ничего не могу.

Капитан покосился на него с подозрением.

– Никогда не сталкивался с такой проблемой, – заявил он.

Малькольм сменил три такси и только после этого направился в северо-восточный Вашингтон. Он расплатился на границе спального пригорода и дальше продолжил путь пешком. Петляя по городу, Кондор придумал план действий – грубый, приблизительный, но все-таки план. В качестве первого пункта он озадачился поисками главного: укрытия от охотников.

На это ушло не больше двадцати минут. Малькольм увидел, что она заметила его и изменила направление, двигаясь теперь в ту же сторону, что и он. Девушка перешла улицу

на перекрестке. Делая шаг на тротуар, она вроде как споткнулась и всем телом навалилась на него. Ее руки принялись быстро оглаживать его по бокам. Кондор ощутил, как напряглось ее тело, когда девушка нащупала пистолет за его поясом. Она отпрянула, и пара огромных карих глаз уставилась ему в лицо.

– Коп? – Судя по голосу, ей едва исполнилось восемнадцать. Малькольм оценивающе осмотрел ее осветленные до соломенного цвета волосы и бледную кожу. От нее пахло дешевыми духами из магазинного пробника.

– Нет. – Малькольм заглянул в ее испуганное лицо. – Скажем так, бизнес у меня рискованный. – Страха в ее глазах не убавилось, но он знал, что она не откажется от клиента. Она снова прижалась к нему всем телом, выпятив вперед губы и грудь.

– И что это ты здесь делаешь, а?

Малькольм улыбнулся.

– Ищу где развлечься. И готов заплатить. И если я коп, то даже привлечь тебя не смогу, потому как сам закадрил. Так лучше?

Она улыбнулась в ответ.

– Скажешь тоже. Ясно с тобой все. И чем займемся?

Малькольм еще раз посмотрел на нее. Итальянка, подумал он, или, возможно, из Центральной Европы.

– Почему берешь?

Девушка искоса глянула на него, прикидывая в уме. День выдался не прибыльный.

– Двадцатку за короткий переписхон? – Она ясно давала понять, что готова торговаться. Малькольм понимал, что долго оставаться на улице опасно.

– Так я ж не спешу, – хмыкнул он. – Даю семьдесят пять за ночь. И накину за завтрак, если мы займемся этим у тебя дома.

Девушка задумалась. За такие деньги ей пришлось бы пахать весь день и полночи. И все же... нет, надо поторговаться. Она медленно запустила руку в штаны Малькольму и прижалась грудью к его руке.

– Слушай, милый, это, конечно, классно, но... – Она едва не передумала, но все же решилась: – Дашь сотню? Ну же? И я уж для тебя постараюсь.

Малькольм подумал и кивнул.

– Сто баксов. За всю ночь у тебя. – Он полез в карман и достал из него пятидесятидолларовую бумажку. – Вот, держи. Половину сейчас, остальное потом. И чтоб без мухлежа.

Девушка выхватила бумажку у него из руки.

– Все по-честному. Только я и никого кроме меня. И ты не пожалеешь, честно. А живу я тут, в двух шагах. – Она подхватила его под руку и потащила дальше по улице.

Доведя Кондора до следующего перекрестка, она вдруг остановилась.

– Секундочку, милый. Мне надо переговорить вон с тем человеком. – Она отпустила его руку и, прежде чем он успел возразить, устремилась к слепому торговцу на углу. Малькольм прислонился спиной к стене. Его рука нырнула за отворот куртки. Рукоятка пистолета была скользкой от пота.

Малькольм увидел, как девушка сует торговцу пятьдесят долларов. Тот пробормотал что-то. Она быстрыми шагами подошла к соседней телефонной будке, почти не обратив внимания на парня, который толкнул ее и расплылся в восторженной ухмылке при виде ее заколыхавшегося бюста. Табличка, висевшая на будке, утверждала, что телефон неисправен, но она все равно отворила дверь, вошла внутрь и принялась рыться в телефонном справочнике – так, во всяком случае, показалось Малькольму. Точно он разглядеть не мог, поскольку она стояла к нему спиной. Потом она вышла, закрыла за собой дверь и быстро вернулась к нему.

– Извини, что заставила ждать, милый. Так, дела. Ты ведь не против, нет?

Когда они проходили мимо слепого, Малькольм остановился, стряхнул девицу с руки и резким движением сорвал с торговца темные очки. Вид двух пустых глазниц так подействовал на него, что он нацепил очки тому обратно на нос едва ли не быстрее, чем снимал. Порывшись в кармане, он достал десятидолларовую бумажку и сунул ее в руку слепому.

– Не берите в голову, приятель.

Тот хрипло рассмеялся.

– Уже не взял, мистер!

Они двинулись дальше. Девица тревожно покосилась на него.

– Чего это ты?

Малькольм улынулся ей в лицо.

– Так, проверка.

Ее квартира оказалась однокомнатной, с душем на кухне. Оказавшись внутри, она заперла дверь на два замка. Малькольм для надежности накиннул цепочку.

– Я сейчас, милый. Ты раздевайся пока. Сейчас все будет зашибись. – Она пулей унеслась в душ и задернула за собой занавеску.

Малькольм выглянул в окно. Третий этаж. В окно никто не заберется. Что ж, хорошо. Дверь казалась крепкой, и два замка с цепочкой... Он не заметил, чтобы за ними следили или вообще обращали на них внимание. Малькольм не спеша стянул с себя одежду. Пистолет он положил на столик у кровати и прикрыл старым номером «Ридерс дайджест». Кровать заскрипела под его весом. И душа, и тело его болели, но он понимал, что должен держаться как можно естественнее.

Занавеска отдернулась, и девушка вышла к нему. Глаза ее блестели. На ней был пеньюар с длинными рукавами. Спереди она его не запахнула. Грудь у нее оказалась обвислой. Собственно, и все ее тело было вполне под стать груди – костлявое, почти истощенное. Голос ее звучал как-то отстраненно.

– Извини, сладкий мой, что задержалась. Займемся делом?

Девушка залезла в постель и прижала его лицо к груди.

– Ну что, детка, поехали.

Несколько минут она водила руками по его телу, потом переместилась вниз и прижалась головой к его паху. Через несколько минут ей все-таки удалось вызвать у него ответную реакцию. Она встала и вышла в душ, затем вернулась с банкой вазелина.

– Ну, детка, ты просто крут, правда, крут. – Девица легла рядом с ним и намазалась вазелином. – А теперь, сладкий мой, я вся твоя. Бери, делай что хочешь.

Довольно долго они лежали рядом. Наконец Малькольм посмотрел на нее. Она шевелилась медленно, почти механически. Она спала. Рональд прошел в душевую. За покрытым ржавыми пятнами бачком он нашел ложку, резиновый жгут, спички и самодельный шприц. В маленьком пластиковом пакетике еще оставалось на три четверти белого порошка. Теперь он понял, почему рукава у пеньюара длинные.

Малькольм обыскал квартиру. Он нашел четыре смены нижнего белья, три блузки, две юбки, два платья, пару джинсов и красный свитер того же фасона, что и сиреневый, лежавший на полу. В стенном шкафу висел рваный плащ. В коробке из-под туфель на кухне он нашел шесть расписок в получении личных вещей при освобождении из Вашингтонской окружной тюрьмы. Еще Малькольм нашел ученический билет двухлетней давности на имя Мэри Рут Розен. На обратной стороне мелким шрифтом был напечатан адрес ее синагоги. Из еды не нашлось ничего, кроме пяти шоколадок «Хершиз», пакетика тертого кокоса и маленькой бутылочки грейпфрутового сока. Малькольм съел все. Под кроватью он нашел пустую бутылку из-под кошерного вина. Кондор поставил ее у порога. По его расчетам, она должна была с шумом грохнуться, открой кто-нибудь дверь. Потом Рональд перетащил почти безжизненное тело девицы на кресло и прикрыл ее одеялом. Вряд ли она проснется от

неудобной позы, подумал он. Малькольм вынул контактные линзы и вытянулся на кровати. Спустя пять минут он спал.

Вторник, утро – ранний вечер

Почти в каждой шахматной партии рано или поздно наступает кризис, который надо вовремя распознать. Так или иначе, игроку придется чем-нибудь рискнуть: и если он делает это осознанно, мы называем это «просчитанным риском».

Фред Рейнфельд. Полный курс шахматной игры

Малькольм проснулся в самом начале восьмого. Он полежал, не вставая, до восьми, обдумывая дальнейшие действия. В конце концов Рональд решил все-таки осуществить свой план. Повернув голову, он посмотрел на кресло. За ночь девица сползла на пол, намотав на голову одеяло. Она тяжело дышала.

Малькольм встал и не без усилий перетащил ее на кровать. Она даже не пошевелилась.

Душ представлял собой дырявый шланг, прикрученный изолентой к крану, поэтому мылся Малькольм чуть теплой водичкой. Он даже сумел побриться почти не пользованной безопасной бритвой. Ему отчаянно хотелось почистить зубы, но делать это чужой зубной щеткой он не отважился.

Прежде чем уйти, Малькольм покосился на сопящую девицу на кровати. Они сторговались на сотне, а Кондор заплатил ей только пятьдесят. Знал бы он, на что она потратит эти деньги... Он неохотно положил вторые полсотни на тумбочку. В конце концов, платил он не из своих денег.

В трех кварталах от ее дома Малькольм нашел «Горячую кружку» и позавтракал в обществе шумной компании соседей, остановившихся здесь по пути на работу. После рестораника он зашел в аптеку. Зубы он смог почистить в туалете на автозаправке. Малькольм посмотрел на часы. 9:38.

Он нашел телефонную будку. Сунув в прорезь мелочь, которой ему отсчитали сдачу на заправке, он сделал несколько звонков. Первый был в справочную, второй – в маленькую балтиморскую контору.

– Отдел регистрации транспортных средств. Чем можем помочь?

– Добрый день, – поздоровался Малькольм. – Меня зовут Уинтроп Эстис, я живу в Александрии. Не могли бы вы оказать мне небольшую услугу?

– Смотря какую, – хмыкнули в трубке.

– Видите ли, я вчера ехал с работы, и у меня аккумулятор разрядился на полпути. Я уж боялся, что придется эту чертову железяку толкать до самого дома, и тут за мной тормозит этот мужик на «Мерседесе». И – представляете! – своей дорогой тачкой, не боясь поцарапать бампер, толкает меня, и так, пока я не завелся! Я даже поблагодарить его не успел, только номер запомнил, прежде чем он уехал. Ну, вот я и хотел бы послать ему письмо, типа поблагодарить или там выпивку поставить. В конце концов, в округе Колумбия такое не каждый день случается.

Человека на другом конце провода история, судя по всему, тронула.

– И то правда. Подумать только – «Мерседес»! Ай да чувак! Дайте угадаю... У него номер штата Мэриленд, и вы хотите, чтобы я посмотрел, кто это, так?

– Так. А вы можете?

– Ну... Формально вообще-то не должны... но ведь только формально, верно? Номер у вас под рукой?

– Мэриленд, шесть «Е», сорок девять триста восемьдесят семь.

– Шесть «Е», сорок девять триста восемьдесят семь... так... секундочку подождите, сейчас найду. – Малькольм услышал, как трубку кладут на стол, а удаляющиеся шаги рас-

творяются на фоне стрекота пишущих машинок и гула голосов. Потом шаги снова приблизились.

– Мистер Эстис? Вот, нашел. Черный «Мерседес»-седан, зарегистрирован на Роберта Т. Этвуда, проживающего на Элвуд-лейн – Эл-вуд, записали? – дом сорок два, Чеви Чейз. Ну, этот не обеднеет. Район-то не из бедных. Такому пара царапин на дорогой тачке – пустяк. Даже странно, обыкновенно им плевать на вас и ваш аккумулятор – ну, вы меня понимаете.

– Угу, понимаю. Послушайте, спасибо вам большое.

– Да не за что. Ради такого случая не жаль. Вы только другим не говорите, ладно? И Этвуда тоже попросите. Идет?

– Идет.

– Точно все запомнили? Роберт Этвуд, Чеви Чейз, Элвуд-лейн, сорок два.

– Все, записал. Спасибо еще раз. – Малькольм повесил трубку и сунул листок бумаги с адресом в карман. Адрес мистера Этвуда он хорошо запомнил и без бумажки. Просто так, без особой причины он вернулся в «Горячую кружку» и взял еще кофе. Взгляд его настороженно шарил по окружающим, но никто, похоже, не обращал на него внимания.

На стойке лежал свежий выпуск «Пост». Повинуясь импульсу, Малькольм взял и пролистал газету. То, что его интересовало, обнаружилось на двенадцатой странице. Похоже, они решили действовать наверняка. Трехдюймовое объявление, набранное жирным шрифтом, гласило: **«Кондор, позвони домой».**

Малькольм улыбнулся, только мельком взглянув на зашифрованное сообщение парой объявлений ниже. Позвони он, и ему наверняка прикажут возвращаться домой или по крайней мере не высовываться. Это не входило в его намерения. Да и то, что ему передавали в шифровке, вряд ли что-то меняло. Не сейчас. Давешний выстрел на Капитолийском холме разом лишил смысла все их инструкции.

Малькольм нахмурился. Если его план не сработает, все может завершиться довольно печально. Он не сомневался, что это «печально» означало его смерть; впрочем, в данный момент это беспокоило Рональда меньше всего. Гораздо больше его тревожило то, что неудача свела бы на нет усилия многих людей. Поэтому Малькольм понимал, что должен все кому-то рассказать – мало ли что. Но и рассказывать прежде, чем он сделает попытку, он тоже не мог. Надо было придумать какой-нибудь способ связи, но с отложенной доставкой.

Мигающая вывеска напротив навела Малькольма на мысль. Он достал ручку и принялся писать на том, что имелось под рукой. Спустя тридцать минут он рассовал краткие изложения событий последних пяти дней по конвертикам, которые он выпросил у официантки. Записи на бумажных салфетках Малькольм решил отправить в ФБР. Несколько мятых бумажек, обнаружившихся в его кошельке, предназначались ЦРУ. Городская карта-схема, которую он захватил на всякий случай на автозаправке, ушла в конверт с надписью «Вашингтон пост». Все три конверта уместились в одном большом, из крафт-бумаги, который он купил в аптеке. Большой конверт Малькольм опустил в почтовый ящик. Если верить надписи на металлической панели, ближайшая выемка ожидалась в два часа пополудни. Большой конверт был адресован в банк Малькольма, который по каким-то причинам закрывался по вторникам в те же два часа. По расчетам Рональда выходило, что получить эту депешу и отправить адресатам три вложенных в нее письма банк сможет не раньше завтрашнего утра, а значит, в его распоряжении остается не менее двадцати четырех часов. Что ж, он поделился всем, что знал, и решил, что с этого момента свободен от любых обязательств.

Пока Малькольм коротал время, стоя в длинной (как всегда) очереди к Монументу Вашингтона, спецслужбы и органы правопорядка медленно, но верно сходили с ума. Детективы и агенты в штатском наперегонки неслись по ложным вызовам, когда кому-то в разных концах города казалось, что он увидел Малькольма. Три полные машины трех разных ведомств одновременно затормозили у одного и того же пансиона проверить три разных

вызова, каждый из которых оказался ложным. Когда через полчаса разъяренные агенты отчалили, хозяйка так и не поняла, что произошло. Патруль ФБР задержал и увез в кутузку стажера из Конгресса, отдаленно соответствовавшего описанию Малькольма. Спустя тридцать минут после того, как стажера идентифицировали и освободили из кутузки, его арестовала уже городская полиция и снова посадила за решетку. Журналисты охотились за издерганными служебными лицами, требуя от них объяснений по поводу перестрелки на Капитолийском холме. Конгрессмены, сенаторы и деятели всех оттенков политического спектра непрерывно обзванивали ЦРУ и друг друга и задавали вопросы об утечке информации, слухи о которой уже поползли по городу. Само собой, говорить об этом по телефону никто не соглашался, однако звонки не прекращались. Особенно настойчиво осаждали председателя сенатского комитета. Кевин Пауэлл сделал еще одну попытку представить себя Кондором, повторив маршрут Малькольма, но даже ясная весенняя погода не могла изгнать из его головы роившиеся в ней вопросы. В конце концов, так и не получив ответов на них от окружающих домов и деревьев, Кевин сдался и отправился на встречу с распорядителем охоты.

Пауэлл опоздал, однако, войдя в кабинет, к своему удивлению, не получил укоризненного взгляда от пожилого джентльмена. Напротив, тот прямо-таки излучал радушие. Поначалу Кевин решил, что все это тепло имитируется ради незнакомца, сидевшего за столом напротив старого джентльмена, но постепенно поверил в то, что оно совершенно искреннее.

Такого большого человека, как этот незнакомец, Кевину видеть еще не приходилось. Поскольку тот сидел, оценить его рост было трудно, но по примерным расчетам Пауэлла выходило никак не меньше шести с половиной футов. При этом мужчина обладал солидной комплекцией – по крайней мере триста фунтов плоти туго обтягивал дорогой, на заказ сшитый костюм. Густая черная шевелюра была аккуратно расчесана на прямой пробор: уж не набриолинен ли? Пауэлл ощутил на себе внимательный, оценивающий взгляд маленьких, глубоко посаженных свиных глазок.

– О, Кевин, – произнес пожилой джентльмен. – Как мило с твоей стороны составить нам компанию. Полагаю, ты еще не знаком с доктором Лофтсом?

Пауэллу действительно не доводилось еще встречаться с доктором Лофтсом, но о нем и его работе он слышал. Кроуфорд Лофтс считался одним из самых авторитетных психологов планеты, хотя слава его ограничивалась очень узким, тщательно контролируемым кругом. Доктор возглавлял в Управлении отдел психологической экспертизы. Отдел заработал свою репутацию анализом душевного состояния советского лидера, на основе которого президент Кеннеди принял решение установить блокаду Кубы. С тех пор отдел пользовался почти неограниченным финансированием, что давало ему возможность создавать психологические портреты как мировых лидеров, так и людей попроще, но представляющих интерес для Управления.

Отдав распоряжение насчет кофе для Пауэлла, пожилой джентльмен повернулся к своему подчиненному.

– Доктор Лофтс, – начал он, – занимается нашим Кондором. Последние несколько дней он говорил с людьми, изучал работу нашего парня и его досье, даже пожил в его квартире. В общем, составлял матрицу его поведения, так ведь это называется? Вы, наверное, объясните лучше меня, доктор.

Мягкость голоса Лофтса удивила Пауэлла.

– Мне кажется, вы уже почти все объяснили, друг мой. В общем, на основе предшествующей жизни Малькольма я пытался представить себе его дальнейшие поступки. Почти все, что я могу сказать на этот счет, сводится к тому, что он станет безумно импровизировать, игнорируя все ваши советы, если только они не совпадут с его намерениями. – Доктор Лофтс не принадлежал к той категории людей, которые готовы заливаться соловьем о своей работе

при малейшей возможности. Это тоже оказалось неожиданностью для Пауэлла, который не думал, что доктор замолчит так быстро.

– И что вы собираетесь с этим делать? – промямлил Кевин, ощущая себя довольно глупо.

Психолог поднялся, чтобы уходить (почти семь футов, отметил Пауэлл).

– Я рассредоточил своих оперативников по точкам в городе, где может объявиться Малькольм. А теперь, с вашего позволения, я бы отправился проверить, как у них дела. – Он вежливо кивнул обоим мужчинам и вышел.

Кевин повернулся к пожилому джентльмену.

– Вы думаете, сэр, у него больше шансов на успех?

– Не больше, чем у любого другого. Да он и сам это понимает. Слишком много переменных, чтобы Лофтс строил что-то большее, чем предположения. Однако доктор осознает свои реальные возможности – это и делает его таким хорошим специалистом.

– Тогда зачем вы его пригласили? Мы можем привлечь к делу уйму специалистов, не обращаясь к их отделу.

В глазах пожилого джентльмена мелькнула ироничная искорка, но голос сделался чуть холоднее.

– Затем, мой мальчик, что никогда не помешает увеличить количество охотников – главное, чтобы их методы различались. Мне очень, очень нужен этот Малькольм, и я не хочу упустить его из-за какой-нибудь мелочи. Ладно. Как дела на твоём фронте?

Пауэлл ответил, и ответ этот ничем не отличался от предыдущего: ничего нового.

В полпятого Малькольм решил, что самое время угнать машину. Он обдумал множество других способов обеспечить себе транспорт и вычеркнул из списка их все как слишком рискованные. Однако судьба, работая рука об руку с Американским легионом и кентуккийскими винокурнями, помогла разрешить стоявшую перед ним проблему.

Если бы не Американский легион и организованная им конференция о проблеме молодежной наркомании, Элвин Филипс ни за что бы не попал в столицу, не говоря уже о Монументе Вашингтона. Само руководство Легиона штата Индиана выбрало его делегатом на дорожную национальную конференцию, чтобы он узнал все о том, как много зла причиняют наркотики молодому поколению. Помимо прочего, делегатам конференции выдали пропуск, позволяющие без очереди посетить все национальные достопримечательности столицы, а что касается Монумента Вашингтона – так и вовсе залезть на самую его верхушку. Свой пропуск Элвин потерял еще вчера, но чувствовал себя обязанным хотя бы поглазеть на него, чтобы потом похвастаться этим дома.

И если бы не продукция одной конкретной винокурни из Кентукки, делегат не пребывал бы в теперешнем блаженном состоянии. Винокурня презентовала каждому делегату конференции полугаллонную бутылку своего лучшего виски. Накануне вечером Элвин так расстроился, посмотрев фильм о том, как употребление наркотиков может привести к сексуальным извращениям среди несовершеннолетних школьников, что, вернувшись в гостиницу, выдул всю бутылку в одиночку. Виски так пришелся ему по вкусу, что он прикупил еще полгаллона, чтобы с его помощью продержаться до конца конференции. К моменту официального закрытия мероприятия он почти прикончил и эту бутылку, что не мешало ему, впрочем, отыскать дорогу к Монументу.

Малькольм не нашел Элвина – тот сам наткнулся на очередь. Встав в нее, он популярно объяснил всем и каждому, кто мог его слышать, что стоит на этом богом проклятом солнце-пеке исключительно из патриотического долга. Что он вовсе не обязан мариноваться здесь, а мог бы пройти прямо на богом проклятую верхушку, когда бы не эта богом проклятая распутная девка, что вытащила у него богом проклятый кошелек и богом проклятый пропуск.

Так пусть она теперь подавится его богом проклятыми дорожными чеками – пусть попробует купить что-нибудь на эти богом проклятые бумажки. Хотя богом проклятые буфера у нее все-таки зачетные, да. А ведь он всего-то хотел покатать ее на своей новой тачке.

Услышав слово «тачка», Малькольм немедленно проникся жгучей неприязнью к распутным, богом проклятым девкам и воспыал любовью к Американскому легиону, штату Индиана, кентуккийскому виски и новенькому «Крайслеру» Элвина. Едва представившись, он дал Элвину понять, что тот беседует с братом-ветераном, тоже понюхавшим порошу и души не чаявшим в тачках. Так что не пойти ли им пропустить по одной?

– Че, правда? Ты сечешь в тачках? – Столь важная тема разговора даже наполовину выдернула Элвина из его блаженной алкогольной нирваны. Впрочем, Малькольму не составило особого труда погрузить своего закадычного дружка обратно. – Хо – ик! – чешь увидеть настоящий класс? Моя как четвертак новенький. Только-только – ик! – ее с Индианы пригнал. Бывал в Индиане? Так приезжай, гостем будешь. Познакомлю со старухой своей. Ну не то чтобы – ик! – красавица, со... сорок четыре как-никак. Вот я, дашь мне сорок четыре, а? О чем бишь я? А, старуха моя. Самый сок. Ну, жирновата чуток, так ведь я, черт подери, всегда...

К этому времени Малькольму удалось отделить Элвина от толпы и направить к автостоянке. Еще он сделал с полдюжины глотков из бутылки, которую Элвин предусмотрительно прятал под полкой заметно отсыревшего пиджака. Малькольм очень убедительно подносил горлышко к губам и имитировал глотательные движения. Ему не хотелось, чтобы алкоголь сковывал его движения в ближайшие несколько часов. Впрочем, когда бутылка переходила к Элвину, тот более чем компенсировал воздержание Рональда. К тому времени, когда они дошли до стоянки, виски в бутылке оставалось всего на пару пальцев.

Малькольм и Элвин поговорили об этих богом проклятых малолетних сосунках и их богом проклятых наркотиках. Особенно о девицах, несовершеннолетних девицах вроде чирлидерш из Индианы, пристрастившихся к травке и готовых на что угодно – *что угодно!* – ради этого богом проклятого зелья. Что угодно. Малькольм как бы невзначай вспомнил двух таких девиц, которые вроде как ошиваются неподалеку, ожидая возможности сделать что угодно ради этой богом проклятой травы. Тут Элвин остановил его.

– Правда? – умоляющим голосом спросил он. Когда же Малькольм («Джон») заверил его, что так оно и есть, делегат сильно призадумался. Малькольм продолжил развивать тему, а потом подтолкнул Элвина к мысли, что неплохо было бы познакомиться с этими девицами, чтобы Элвину потом было что рассказать у себя в Индиане. Право же. Поскольку девицы находились типа в общественном месте, разумнее всего «Джону» съездить за ними и привезти сюда. Ну а потом они могли бы подняться к Элвину в номер и потолковать. Да нет, лучше там, чем здесь. Вот тут-то он и узнает, почему они готовы на все, что угодно – *что угодно!* – ради этой богом проклятой травы. Они подошли к сияющей новизной машине, и Элвин отдал Малькольму ключи.

– Бензина полный бак, под завязку. Точно денег не надо? – Элвин порылся в карманах и извлек из них выдавший виды бумажник. – Бери, не стесняйся... эта сучка давеча, кроме дорожных чеков, ни хрена не получила.

Малькольм взял бумажник. Пока Элвин неверной рукой подносил к губам бутылку, его новый приятель достал из бумажника все удостоверения, включая карточку с номером водительской лицензии. Потом вернул бумажник Элвину.

– Вот, – сказал он. – Не думаю, чтобы они хотели денег. Не сейчас. – Кондор заговорщически улыбнулся. При виде этой улыбки сердце у Элвина забилось быстрее. Правда, на его лице это почти не отразилось, поскольку лицевые мышцы его не слушались, так он набрался.

Малькольм отпер дверцу. На переднем сиденье лежала мягкая голубая фуражка, на полу – упаковка с шестью банками пива, которую Элвин прикупил, чтобы лучше справляться с

жарой. Рональд напялил фуражку другу на голову, забрал у него уже окончательно опустевшую бутылку и выдал вместо нее упаковку с пивом. Потом внимательно посмотрел в его покрасневшее лицо и глаза в щелочку. Еще пару часов на солнце, и Элвина развезет окончательно. Малькольм улыбнулся и ткнул пальцем в сторону зеленого сквера.

— Когда я вернусь с девочками, встретимся вон там, а потом поедem к тебе. Ты нас сразу узнаешь — у обеих буфера экстра-размера. Я быстро, ты и пиво допить не успеешь. Не беспокойся. — Он легонько подтолкнул Элвина, и тот, шатаясь, побрел в указанном направлении. Выруливая со стоянки, Малькольм покосился в зеркало заднего вида и увидел, как Элвин плюхнулся задницей на траву подальше от прохожих. Когда Малькольм сворачивал за угол, Элвин уже откупорил первую банку и сделал большой, медленный глоток.

Бензобак у машины и впрямь оказался заправлен почти полностью. Малькольм выбрал путь по кольцевой автостраде, задержавшись ненадолго в придорожном ресторанчике в Чеве Чейз ради чизбургера и посещения туалета, где он, помимо прочего, проверил пистолет.

Дом номер 42 по Элвуд-лейн оказался самым настоящим загородным особняком с большим участком. С дороги дом почти не было видно. К нему вела асфальтированная дорожка, перегороженная коваными чугунными воротами. Ближайший соседний дом находился от номера 42 в миле с лишним. С трех сторон дом был окружен густым лесом, и только участок между ним и дорогой был частично прорежен. На первый взгляд дом показался Малькольму большим, но он не стал задерживаться для более внимательного осмотра. Это было бы неосторожно.

На маленькой автозаправке чуть дальше по дороге он купил карту района. Лес за домом переходил в необитаемые холмы. Когда Малькольм сообщил кассиру на заправке, что он орнитолог и приехал сюда в отпуск в надежде увидеть редкий вид дроздов, тот показал ему на карте несколько безлюдных проселочных дорог, которые могли вести в места гнездования птиц. Одна из этих дорог проходила как раз за домом номер 42 по Элвуд-лейн.

Благодаря бескорыстной помощи парня с заправки Малькольм без труда нашел нужную ему дорогу. Ухабистая, без намека на асфальт, она вилась между холмами, пересекала неглубокие ручьи и заросшие звериные тропы. Деревья здесь росли так густо, что порой ограничивали видимость по сторонам от дороги парой десятков футов. Впрочем Малькольму по-прежнему везло: когда дорога перевалила через холм, он увидел на расстоянии не больше мили слева от себя дом, возвышавшийся над деревьями. Малькольм свернул с дороги и остановил машину на небольшой прогалине.

В лесу стояла тишина, небо на западе уже начало окрашиваться в закатные цвета. Малькольм поспешно продирался через заросли. Он понимал, что должен подобраться как можно ближе к дому, прежде чем стемнеет: в противном случае он просто его не найдет.

На дорогу ушло утомительных полчаса. Когда дневной свет сменился сумерками, Малькольм поднялся на вершину невысокого холма. Дом находился прямо под ним, в каких-то трех сотнях ярдов. Рональд рухнул на землю, жадно глотая свежий, холодный воздух. Он хотел как следует сориентироваться, пока не стемнело окончательно. В окнах чудилось какое-то движение. Дом стоял посреди просторного двора, окруженного оградой из валунов. За ним виднелся небольшой сарай.

Теперь Малькольму оставалось лишь дожидаться темноты.

Роберт Этвуд сидел в своем любимом кресле. Тело его отдыхало, но голова продолжала работать. Ему очень не хотелось встречаться сегодня с Мароником и его людьми, тем более здесь, в собственном доме. Он понимал, что они находятся в сложном положении и это вынудит их склонить его к какому-то альтернативному решению. Пока Этвуд не мог выдумать ни одного. Последние события значительно изменили общую картину. Очень многое зависело от девушки. Если она осталась в сознании и смогла опознать его... что ж, это было

бы весьма некстати. Посылать к ней Мароника он боялся: слишком много риска, слишком строго ее охраняли. Этвуд улыбнулся. С другой стороны, если бы она осталась в живых, это можно было бы обыграть с пользой для себя, особенно в том, что касалось взаимоотношений с Мароником. Улыбка у Этвуда сделалась шире. Непогрешимый Мароник промахнулся. Ну, не сильно, но промахнулся. Возможно, девицу, живого свидетеля, можно будет использовать против него. Как именно, Этвуд пока не знал, но решил, что пусть лучше Мароник и дальше считает ее мертвой. Ее карту можно будет разыграть позже. А пока Мароник должен сосредоточить усилия на поисках Малькольма.

Этвуд понимал, что Мароник настоял на встрече у него дома с целью скомпрометировать его еще сильнее. Уж Мароник постарается, чтобы его увидел кто-нибудь из соседей, кого полиция сможет потом допросить, если что-то пойдет не так. Таким образом Мароник рассчитывает заполучить дальнейшую лояльность со стороны Этвуда. Этвуд улыбнулся. С этим можно справиться. Возможно, девушка станет полезным орудием. Вот если бы...

– Я поехала, милый. – Этвуд повернулся к полнеющей седой женщине в дорогом костюме. Он поднялся и проводил жену до двери. Подойдя к супруге вплотную, он невольно покосился на тоненькие, почти незаметные шрамы у нее на шее и у основания волос – там, где скальпель убрал с ее кожи десяток-другой лет. Он снова улыбнулся, на этот раз пытаясь представить себе, облегчили ли услуги хирурга задачу ее любовнику.

Элен Этвуд было пятьдесят – на пять лет меньше, чем мужу, и на двадцать четыре года больше, чем любовнику. Мужчину, который сводил ее с ума и хоть на время возвращал в молодость, она знала как Эдриена Куинза, англичанина, аспиранта Американского университета. Ее муж знал про ее любовника все, в том числе и то, что на самом деле его звали Алексей Иванович Подговский и что этот амбициозный агент КГБ надеялся выдоить из жены офицера, занимающего высокий пост в разведывательных органах, ценную информацию, которая поможет его карьерному росту. Роман жены с Подговским забавлял Этвуда и хорошо служил его целям. Он отвлекал Элен, занимал ее время и мысли, давая ему возможность заниматься собственными разведывательными аферами. Такие вещи никогда не вредят карьере, если знать, как воспользоваться подвораживающейся возможностью.

– Я, наверно, останусь после концерта у Джейн, милый. Хочешь, чтобы я позвонила?

– Нет, дорогая. Я буду знать, что ты у нее, если не вернешься до полуночи. Обо мне не беспокойся. Поцелуй от меня Джейн.

Пара вышла на крыльцо. Этвуд запечатлел на напудренной щеке жены казенный поцелуй. Еще не сев в машину (спортивное американское купе, не «Мерседес»), Элен уже думала только о любовнике и долгой ночи, которая им предстоит. Этвуд же, еще не закрыв входную дверь, снова думал о Маронике.

Малькольм наблюдал эту сцену у дверей, хотя лиц на таком расстоянии разглядеть не мог. Отъезд жены укрепил его уверенность. Он полчаса выждет.

Из этих тридцати минут прошло не больше половины, когда Малькольм заметил двух мужчин, идущих по дороге от ворот к дому. Фигуры совершенно терялись в тени деревьев. Если бы они не двигались, Малькольм мог бы вообще их не заметить. Единственное, что он разглядел из своего укрытия на холме, – это то, что один из них неестественно высок. Что-то в этом высоком человеке не давало покоя подсознанию, но вытащить эту мысль на поверхность Малькольму никак не удавалось. Оба незнакомца позвонили в дверь и скрылись в доме.

Будь у Малькольма бинокль, он разглядел бы машину вновь прибывшей пары. Они оставили ее у самых ворот, а остаток пути проделали пешком. Притом что Мароник хотел оставить следы своего посещения дома Этвуда, он не видел резона позволять ему увидеть их автомобиль.

Малькольм досчитал до пятидесяти и начал спускаться к дому. Триста ярдов. В темноте он почти не видел сучьев и корней, о которые можно споткнуться и поднять шум. Он двигался медленно, не обращая внимания на царапавшие кожу колючие кусты. На полпути Малькольм споткнулся-таки о пень, порвал штаны и рассадил колено. Каким-то образом ему удалось удержаться и не вскрикнуть. Сто ярдов. Бросок через невысокие кусты и поросшую травой поляну – и он съехал за оградой из валунов. Отчаянно глотая воздух, Малькольм достал тяжелый револьвер. Колено болело, но он старался об этом не думать. За стеной раскинулся двор. Справа виднелся садовый сарай. Между ним и домом росло несколько вечнозеленых кустов. Слева темнел лес. Малькольм посмотрел на небо. Луна еще не взошла. Редкие облачка почти не заслоняли ярких звезд. Он ждал, стараясь совладать с дыханием и уверяя себя в том, что не слышит в темноте ничего необычного. Малькольм перевалился через каменную ограду и перебежал к ближайшему кусту. Пятьдесят ярдов. От сарая бесшумно отделилась тень и слилась с кустом. Малькольм мог бы заметить ее. Но не заметил.

Еще одна перебежка – и от дома Малькольма отделяло уже всего двадцать пять ярдов. Свет из окон заливал двор, за исключением узкой полосы травы у самой стены, а еще тени от росшего ближе других к дому куста. Подоконники располагались совсем невысоко. Малькольм не хотел, чтобы чей-то случайный взгляд в окно заметил его, бегущего по газону. Поэтому следующие полтора десятка ярдов он прополз, стараясь держаться в тени куста. Десять ярдов. Сквозь открытые окна он услышал голоса в доме. Он убедил себя в том, что все другие звуки порождены его воображением.

Малькольм сделал глубокий вдох и, перепрыгнув через куст, устремился к стене под окном. Сделав пару шагов, он услышал за спиной какой-то шорох. А потом его шею чуть ниже затылка обожгло ослепительной болью.

Вторник, поздний вечер – среда, раннее утро

*Правду, только правду и ничего, кроме правды.
Традиционная присяга*

Сознание вернулось к Малькольму сразу. Перед глазами угадывалось какое-то движение, потом тело послало в мозг отчаянный сигнал: сейчас его стошнит. Он дернулся, поднялся и упал головой в заботливо подставленное ведро. Когда приступы рвоты прекратились, Малькольм снова открыл глаза, чтобы оценить ситуацию.

Ему пришлось поморгать, чтобы очистить контактные линзы. Он сидел на полу в шикарно обставленной комнате. В центре дальней от него стены располагался камин. Между Малькольмом и камином удобно устроились в мягких креслах двое мужчин. Тот, который застрелил Венди. Малькольм поморгал еще немного. Повернув голову, он разглядел силуэт человека, стоявшего справа от него. Очень высокого и худого. Кондор попытался разглядеть его получше, но кто-то четвертый, стоявший позади, схватил его за волосы и повернул лицом к двум сидящим. Малькольм сделал попытку пошевелить руками, но они оказались связаны за спиной.

Старший из сидящих улыбнулся, явно довольный собой.

– Что ж, Кондор, – произнес он. – Добро пожаловать в мое гнездо.

Лицо второго хранило почти безразличное выражение, но в его глазах Кондору помешалось ироничное любопытство.

– Нам пришлось долго вас искать, дорогой Малькольм, – продолжал старший, – но теперь, когда вы наконец здесь, я даже рад, что Мароник не застрелил вас тогда. У меня к вам есть несколько вопросов. Ответы на некоторые мне известны, на некоторые – нет. Самое время получить их. Вы со мной согласны?

Во рту у Малькольма пересохло. Долговязый тип поднес к его губам стакан воды. Когда Малькольм напился, он посмотрел на этих двоих в упор.

– У меня, – прохрипел он, – тоже есть вопросы. Ответы за ответы.

Старший снова улыбнулся.

– Мой дорогой мальчик, вы, наверное, не поняли. Меня не интересуют ваши вопросы. У нас нет времени на них отвлекаться. И потом, зачем мне вам что-либо объяснять? Это все равно ничего не изменит. Нет, это вы нам все расскажете. Что, Катлер, он достаточно пришел в себя или вы немного перестарались с ударом?

Голос мужчины, державшего Малькольма, оказался низкий, гулкий.

– Сейчас придет. – Сильные руки прижали Малькольма к паркету. Долговязый пригвоздил его ноги к полу, а Мароник, поднявшись из кресла, приспустил Малькольму брюки и воткнул в артерию, вздувшуюся на ноге, шприц. Так эффект от инъекции наступает быстрее, да и шансы, что патологоанатом заметит крохотное пятнышко на внутренней стороне бедра, стремятся к нулю.

Малькольм прекрасно понимал, что происходит, и все же пытался сопротивляться неизбежному. Он заставил себя представить кирпичную стену – вид кирпичной стены, запах кирпичной стены, ощущение кирпичной стены на ощупь. Он сам сделался кирпичной стеной. Он утратил чувство времени, но кирпичная кладка держалась. Он слышал голоса, которые спрашивали его о чем-то, но он и их превратил в новые кирпичики для его стены.

Затем – медленно, по кусочку – сыrovотка правды начала рушить стену. Допрашивающие аккуратными, точными ударами молотков отбивали от нее куски. Сначала крошился раствор. Потом начали выпадать большие куски кладки. Где вы работаете? Чем занимаетесь?

Кусок за куском стена обрушивалась. Что произошло в прошлый четверг? Что вам известно? Что вы сделали? Зачем так поступили?

Стена медленно, но необратимо рушилась на глазах у Малькольма. Ему было жаль ее, но он ничего не мог поделать, чтобы остановить разрушение. В конце концов его усталый мозг начал отключаться. Вопросы прекратились, и он провалился в забытие. Потом Кондор ощутил еще один слабый укол в бедро, и забытие сменилось онемением.

Мароник немного ошибся в расчетах. Эта ошибка была вполне естественна: он имел дело с дозами в считанные миллиграммы, тогда как результат зависел от множества трудно поддающихся учету факторов. И все же он мог действовать осторожнее. Когда Мароник тайком выдавил из шприца, который дал ему Этвуд, половину дозы, то полагал, что и оставшегося хватит, чтобы Малькольм потерял сознание. Остатка не хватило. Наркотик, как и ожидалось, смешался с пентаталом натрия, но его силы хвалило лишь на то, чтобы лишить Кондора возможности двигаться – сознание оставалось включенным.

Малькольм покачивался в полудреме. Веки его остались полуприкрытыми, но и закрыть их окончательно он не мог. Звуки доносились как из эхо-камеры. Сознание их не отслеживало, но и запоминать не мешало.

– Может, прикончить его сейчас? (*Низкий голос.*)

– Нет, на природе.

– Кому?

– Я поручу это Чарльзу, он любит кровь. Дайте ему свой нож.

– Вот, передадите сами. Пойду проверю.

Удаляющиеся шаги. Дверь открывается, закрывается. По его телу шарят руки. Что-то касается лица.

– Черт.

Розовый бумажный прямоугольник на полу у его плеча. Контактные линзы помутнели от слез, но надпись на бумажке Малькольм разобрал: «№ 27, Ти-Дабл Ю-Эй, Национальный, 6.00».

Дверь открывается, закрывается. Шаги приближаются.

– Где Чарльз с Этвудом?

– Проверяют участок, не обронил ли он чего.

– Да, кстати, я забронировал все, как вы просили. Джеймс Купер.

Шелест бумаги.

– Отлично. Ладно, пошли.

Малькольм почувствовал, как его тело отрывают от пола. Пронесут по комнатам. На улицу, на свежий ночной воздух.

В нос ударяют запахи. Цветущая сирень. Его кладут в машину, назад. Сознание начинает воспринимать больше деталей, провалы укорачиваются и прекращаются. Тело все еще не повинуетеся ему. Он лежит на полу, и пара тяжелых башмаков упирается в спину. Долгая поездка по ухабам. Остановка. Мотор глохнет, и открывается дверь.

– Чарльз, отнеси его в лес, вон туда. Ярдов на пятьдесят. Я сейчас подойду с лопатой. Подожди меня, не начинай. Я хочу, чтобы все было наверняка.

Негромкий смехок.

– Да без проблем.

Его поднимают в воздух, перебрасывают через костлявое плечо и несут по неровной тропинке. Боль возвращает жизнь в его тело.

К моменту, когда долговязый тип бесцеремонно сбросил Малькольма на землю, сознание вернулось к нему полностью. Тело еще не слушалось, но голова работала, да и зрение прояснилось. Он видел, как улыбается в полумраке долговязый. Взгляд обнаружил источник непонятных щелчков: тот нетерпеливо открывал и снова складывал лезвие ножа.

Зашуршали листья, и под чьей-то ногой негромко треснула ветка. На поляну из леса вышел человек с запоминающейся внешностью. В левой руке он держал фонарь, луч света которого упал на Малькольма, – тот как раз пытался привстать. Правая рука была прижата к боку. При звуке его голоса Малькольм застыл.

– Как наш Кондор, в порядке?

Долговязому Чарльзу явно не терпелось приступить к делу.

– Если на то пошло, Мароник, он как огурчик. Быстро очухался от наркотика. – Он сделал паузу и облизнул губы. – Ну что, теперь вы готовы?

Луч фонаря переместился на возбужденное лицо Чарльза. Голос Мароника звучал негромко, но в ночном воздухе и это было отчетливо слышно.

– Да, готов. – Он поднял правую руку, и пистолет с негромким хлопком выплюнул пулю прямо в солнечное сплетение долговязого.

Пуля застряла у Чарльза в позвоночнике. Сила выстрела должна была опрокинуть его на спину, но он медленно опустился на колени и только потом упал лицом вниз. Мароник подошел к нему и выпустил еще одну пулю – для верности в голову.

Малькольм не знал, что думать. Взгляд его фиксировал происходящее, но сознание отказывалось этому верить. Человек по имени Мароник медленно подошел к нему, наклонился и проверил, надежно ли связаны его руки и ноги. Удовлетворившись увиденным, он сел на бревно и выключил фонарик.

– Поговорим? – предложил он. – Вы вляпались в историю и вслепую, наугад продрались сквозь нее. Должен признаться, за эти пять дней я начал испытывать к вам своего рода профессиональное уважение. Впрочем, вовсе не этим продиктовано мое решение дать вам шанс выйти из этой истории живым – более того, героем. В тысяча девятьсот шестьдесят восьмом году ЦРУ в рамках помощи антикоммунистическому правительству Лаоса начало сотрудничать с отдельными племенами Мео в торговой деятельности, связанной с основной продукцией этого района – с наркотиками. Дело в том, что, помимо полыхавшей гражданской войны, здесь завязалась и другая война – между соперничавшими коммерческими группировками. Наши люди оказывали помощь одной из них, предоставив для транспортировки их продукции свои военные самолеты. С точки зрения ЦРУ в подобной деятельности нет ничего из ряда вон выходящего, хотя, могу представить, довольно многие неодобрительно отнеслись бы к тому, что правительство Соединенных Штатов, можно сказать, толкает дурь. Как вам наверняка известно, подобный бизнес чрезвычайно прибылен. Небольшая группа сотрудников Управления, с большинством из которых вы познакомились в последние дни, решила, что не стоит пренебрегать возможностью использовать эту тайную операцию для личного обогащения. Мы позаимствовали довольно значительное количество высококачественного опиума-сырца и переправили его другому заказчику. За свои труды мы получили весьма щедрое вознаграждение. С самого начала у меня возникли разногласия с Этвудом. Вместо того чтобы переработать сырье в Таиланде, где это было бы и дешевле, и разумнее с точки зрения дальнейшей перевозки, он настоял на доставке опиума непосредственно в Штаты и продаже его местным дилерам, желавшим максимально ограничить число посредников. С этой целью нам пришлось как следует исхитриться, чтобы использовать Управление в своих интересах. Ваше отделение служило двум нашим целям. Мы шантажом заставили библиотекаря – старого, не вашего – тайно похищать и продавать ваши книги; вырученные деньги шли на закупку сырья. Ну и сам товар доставлялся в Штаты в коробках из-под этих книг. Брикетсы ложились в них просто идеально. Ну а поскольку книги проходили как секретные материалы, мы могли не опасаться таможенного досмотра. Наш агент в Сиэттле перехватывал груз и доставлял его покупателям. Впрочем, все это имеет мало отношения к тому, почему вы оказались здесь. Все началось с вашего приятеля Хейдиггера. Он оказался слишком любопытным. Чтобы устранить возможность того, что кто-

нибудь докопается до чего-то подозрительного, нам пришлось устранить Хейдиггера. Чтобы запутать обстоятельства его смерти, ну и на случай, если он рассказал об этом кому-нибудь еще, нам пришлось убрать все отделение. Но вы по счастливой случайности избежали нашей операции.

Малькольм прокашлялся.

– Почему вы сохранили мне жизнь?

Мароник улыбнулся.

– Потому что я знаю Этвуда. Он не будет ощущать себя в безопасности, пока мои коллеги и я живы. Мы – единственная нить, связывающая его с этим делом. Не считая вас, конечно. Как следствие, мы должны умереть. Возможно, он уже отдал распоряжение о нашем устранении. Завтра утром мы должны забрать из банка ваши письма. Я не сомневаюсь, что вскоре после этого нас расстреляют как налетчиков, а если нет, подстроят автомобильную катастрофу, ну, или мы просто «исчезнем». Этвуд всю жизнь строил из себя дурачка, но на самом деле это не так.

Малькольм покосился на темневшее в траве тело.

– Я все-таки не понимаю. А этого, Чарльза, вы зачем убили?

– Видите ли, у меня тоже есть привычка замечать следы. Он висел на мне опасным мертвым грузом. Мне ведь все равно, кто будет читать письма. Власть имущие и так знают, что я в этом замешан. Я без лишнего шума растворюсь где-нибудь на Ближнем Востоке – человек с моими способностями там без работы не останется. Но я не хотел бы свернуть как-нибудь за угол и напороться на поджидающих меня американских агентов. Поэтому я оставляю своей стране маленький подарочек, который, надеюсь, убедит ее относиться ко мне как к заблудшей овце, не стоящей того, чтобы за ней охотиться. Мой прощальный подарок – Роберт Этвуд. Я сохраняю вам жизнь примерно по этим же соображениям. А вы заодно получите возможность доставить мистера Этвуда по назначению. Он причинил вам много горя. В конце концов, именно он настоял на всех этих убийствах. Я скорее исполнитель – вроде вас. Жаль, что так вышло с девушкой, но у меня не было выбора. *C'est la guerre.*

Довольно долго Малькольм сидел молча. Потом поднял взгляд.

– А что сейчас?

Мароник встал. Он бросил складной нож к ногам Малькольма. Потом сделал ему еще один укол.

– Это исключительно сильное тонизирующее. – Голос его звучал бесстрастно. – Оно даже мертвого поставит на ноги – часов на десять-двенадцать. Это придаст вам сил справиться с Этвудом. Он немолод, но все еще очень опасен. Когда освободитесь, вернетесь на просеку, где мы оставили машину. Возможно, вы не заметили, но это та самая, на которой вы приехали. На заднем сиденье найдете один-два предмета, которые могут вам пригодиться. На вашем месте я бы оставил машину у ворот и подобрался к дому с задней стороны. Залезьте на дерево, с него можно проникнуть через окно на второй этаж. Оно должно оставаться незапертым. С Этвудом можете делать все, что хотите. Если он вас убьет, останутся ваши письма и несколько трупов, насчет которых ему придется объясняться.

Мароник посмотрел на фигуру у его ног.

– Прощайте, Кондор. Один маленький совет напоследок. Возвращайтесь в науку. Вы свою долю везения исчерпали. А когда приходится полагаться только на удачу, дела обстоят неважно. – Он повернулся и исчез в лесу.

Несколько минут все было тихо. Потом Малькольм услышал, как заработал и начал удаляться мотор. Извиваясь, как червяк, он подполз к ножу.

На то, чтобы освободиться, у него ушло полчаса. Дважды Кондор порезал запястья, но не сильно: кровь остановилась, как только он перестал делать руками резкие движения.

Малькольм нашел машину. Под дворником белела записка. У порога водительской двери распласталось тело человека по имени Катлер. Его застрелили в спину. Записку Мароник написал, пока долговязый Чарльз тащил Малькольма в лес. Она была короткой: «У вашего револьвера ствол забит грязью. В магазине лежащей на заднем сиденье винтовки десять патронов. Надеюсь, с автоматом вы управитесь».

На заднем сиденье и впрямь лежала винтовка двадцать второго калибра. Катлер стрелял из нее по мишеням. Мароник оставил ее Малькольму, поскольку, по его расчетам, с такой мог бы управиться даже дилетант. На всякий случай он оставил еще и пистолет с глушителем. Малькольм смял записку, сунул ее в карман, сел в машину и уехал.

К моменту, когда он затормозил у ворот Этвуда, тонизирующее зелье начало действовать. Пульсирующая боль в висках и затылке, весь дискомфорт от ушибов и царапин – все исчезло. Вместо них вибрирующая, звонкая энергия. Впрочем, Малькольм понимал, что ему нужно сдерживать излишнюю уверенность в своих силах, которую принес с собой наркотик.

Залезть на дуб оказалось проще простого. Окно действительно не заперли. Малькольм снял с плеча винтовку и передернул затвор. Медленно, на цыпочках он прокрался по темному коридору к лестнице. Снизу доносилась музыка. Чайковский, увертюра «1812 год». Музыка слышалась из той комнаты, где его допрашивали. Время от времени к оркестру приешивалось мычание знакомого голоса. Малькольм медленно спустился вниз.

Когда Малькольм вошел в комнату, Этвуд стоял спиной к двери. Он выбирал на полке новый диск. Его рука задержалась на Пятой симфонии Бетховена. Малькольм очень спокойно поднял винтовку, сдвинул рычажок предохранителя, прицелился и выстрелил. Стрельба по сусликам, кроликам и консервным банкам не прошла даром. Пуля раздробила Этвуду правое колено, и он с воплем повалился на пол.

Его лицо исказилось от боли и страха. Он перекатился лицом к Малькольму за мгновение до того, как тот нажал на курок еще раз. Он снова заорал – вторая пуля разнесла в клочья второе колено. Рот беззвучно шептал: «Зачем?»

– Глупый вопрос. Скажем так, я хочу, чтобы вы некоторое время не могли никуда уйти.

Малькольм развил бурную деятельность. Он принес из ванной полотенца и перевязал ими как жгутами ноги стонущего Этвуда, чтобы остановить кровотечение. Подумав, он привязал его руки к ножкам журнального столика. Потом взбежал вверх по лестнице и принялся бесцельно обыскивать комнаты одну за одной, чтобы унять кипевшую в его крови энергию. С усилием, но ему удалось взять себя в руки. Мароник грамотно подбирал инъекции, подумал он. Этвуд – комбинатор, руководитель, мозговой центр – беспомощно лежал внизу, корчась от боли. Все второстепенные члены ячейки мертвы. Остался один Мароник – палач, убийца. Малькольм на мгновение подумал о голосах, отвечавших ему по «тревожной» линии, о профессионалах. О профессионалах вроде Мароника. Черта с два, подумал он, пока это касается только меня. Они – одно дело, я – другое. Мароник сделал это еще более личным, убив Венди. Для профессионалов это просто работа. Им плевать на него или на кого другого. Неясные очертания плана вдруг обрели форму. Он ринулся в спальню Этвуда и переоделся, сменив свою изорванную одежду на один из его пошитых на заказ мундиров. После этого спустился на кухню и перекусил холодным цыпленком и куском пирога. Затем вернулся в комнату, где лежал Этвуд, осмотрелся по сторонам, вернулся к машине и уехал.

Некоторое время после ухода Малькольма Этвуд лежал неподвижно. Потом медленно собрался с силами и сделал попытку ползти, волоча столик за собой. Это оказалось ему не по силам. Все, что ему удалось, – это сбросить со стола фотографию. Она упала стеклом вверх. Стекло не разбилось, а он так надеялся перерезать осколками веревки. Этвуд сдался и остался сидеть в ожидании того, что ему предстояло пережить. Взгляд его упал на фотографию, и он вздохнул. На фотографии был он сам. В парадном мундире капитана военноморского флота.

Среда, утро

Выходя из туалета, обслуживающий персонал обязан вымыть руки.

Традиционная табличка в общественных туалетах

Митчелл достиг той стадии, которую штатные психологи Управления называют «стадией кризисной акклиматизации» или «зомби 4-го уровня». Шесть дней он пребывал в состоянии туго натянутой пружины. Он свыкся с этим состоянием, так что сверхнапряжение и гиперактивность казались ему теперь нормой. Так он мог сохранять предельный профессионализм и предельную эффективность до тех пор, пока сохраняются условия, порождающие кризис. Правда, любое постороннее вмешательство могло порвать эту туго натянутую пружину, и тогда он, возможно, просто развалился бы на части. Один из симптомов этого состояния – абсолютное равнодушие к риску. Митчелл ощущал лишь небольшую нервозность. Опыт и логика подсказывали ему, что усталость и напряжение преодолимы – наступит что-то вроде второго дыхания. Именно поэтому в начале пятого утра он еще не спал. Небритый, насквозь пропахший потом – он не мылся без малого неделю, дежурный сидел за столом, в сотый раз перечитывая оперативные сводки. Он что-то негромко мурлыкал себе под нос. Он даже не осознавал, что в комнате появилось еще двое сотрудников и что это связано лично с ним. Один готов был в любую минуту сменить его, второй работал в отделе доктора Лофтса. Психолога прислали наблюдать за Митчеллом, ну и за голосом Малькольма, если тот позвонит.

– Дрррррррррррррр!

Звонок мигом вывел всех, находившихся в комнате, из расслабленного состояния. Митчелл спокойно поднял левую руку, успокаивая их, а правой снял трубку. Двигался он не спеша, с точностью прирожденного спортсмена или хорошо смазанного механизма.

– Это Кондор. Все почти позади.

– Ясно. Тогда почему бы вам...

– Я сказал «почти». А теперь слушайте и запоминайте. Мароник, Уэзерби и их шайка работали на человека по фамилии Этвуд. Они пытались замести следы своей операции по контрабанде, имевшей место в шестьдесят восьмом году. Они использовали для этого Управление, и Хейдиггер что-то узнал. Все остальное – естественное следствие этого. У меня осталось еще одно дело. Если я потерплю неудачу, вы об этом узнаете. Так или иначе, я переслал в свой банк кое-какие записи. Вам лучше забрать их. Их доставят туда сегодня утром. И еще, немедленно пошлите хорошо вооруженную группу к Этвуду. Он живет в Чеве Чейз, Элвудлейн, сорок два. – Помощник Митчелла кинулся к красному телефону и торопливо заговорил в трубку. В противоположном конце здания несколько человек бегом бросились к машинам. Вторая группа устремилась к вертолету, стоявшему наготове на крыше. – Отправьте туда врача. Двое людей Мароника в лесу за домом, они мертвы. Пожелайте мне удачи. – Гудки в трубке послышались прежде, чем Митчелл успел что-либо произнести. Он покосился на специалиста, отслеживавшего источник звонка, – тот отрицательно помотал головой.

Ожидание мигом сменилось активностью. По всему Вашингтону зазвонили телефоны, будя самых разных людей. Застрекотали пишущие машинки, из кабинета в кабинет засновали курьеры. Те, кому дела не нашлось, просто слонялись по рабочим комнатам. Одного Митчелла, казалось, не коснулось охватившее всех возбуждение. Он сидел у себя за столом, продолжая действовать по заведенной процедуре. Лоб и руки его даже не вспотели, только в глазах загорелся странный огонек.

Малькольм нажал на рычаг телефона и опустил в прорезь еще монету. Трубку сняли уже после второго гудка.

– Доброе утро, «Транс-Уорд-Эрлайнз». – Должно быть, девушку выбрали за жизнерадостный голос. – Чем могу помочь?

– Здравствуйте, меня зовут Генри Купер. Мой брат улетает сегодня в отпуск. Ну, подальше от забот, понимаете? Он даже не сказал куда – может, сам этого еще не знал. А нам хотелось бы сделать ему подарок перед отлетом. Он уже выехал из дому, но нам кажется, он собирался на рейс двадцать семь, вылет в шесть утра. Вы не скажете, у него забронирован билет?

Последовала короткая пауза.

– Да, мистер Купер. Ваш брат забронировал билет на этот рейс до... до Чикаго. Билет он еще не забрал.

– Отлично. Спасибо вам огромное. Могу я попросить вас еще об одной услуге? Будьте так добры, не говорите ему, что мы звонили, ладно? Сюрприз, понимаете ли – он называется Венди, и она полетит с ним или этим же рейсом, или следующим.

– Да, конечно, мистер Купер. Хотите, чтобы я забронировала билет для леди?

– Нет, спасибо. Думаю, мы приедем в аэропорт и там посмотрим. Самолет ведь вылетает в шесть?

– Совершенно верно.

– Отлично, тогда мы едем. Спасибо.

– Вам спасибо, сэр, что обратились в «Ти-Дабл Ю-Эй».

Малькольм вышел из телефонной будки и смахнул с рукава несколько ворсинок. Мундир Этвуда пришелся ему почти впору – ну, разве что чуть великоват. Вот ботинки оказались здорово велики, так что ноги Малькольма болтались в них совершенно свободно. Начищенная до блеска кожа скрипела при каждом шаге. С автостоянки Малькольм вошел в главное здание Национального аэропорта. Плащ он нес, перебросив через правую руку, фуражку надвинул козырьком на самые глаза.

Конверт без марки, адресованный ЦРУ, Малькольм опустил в почтовый ящик. В письме излагалось все, что он знал, включая текущий псевдоним Мароника и номер рейса. Кондор надеялся, что ему не придется полагаться на почту Соединенных Штатов.

Зал ожидания понемногу наполнялся людьми. Непрерывно кашляющий уборщик сметал окурки с красного коврового покрытия. Мать пыталась уговорить расшалившегося ребенка. Студентка нервно кусала губы: она не знала, примут ли у нее скидочную карту соседки по общежитию. Трое морских пехотинцев, летящих на побывку домой в Мичиган, делали ставки, примут или нет. Богатый пенсионер и безработный алкаш дремали в соседних креслах в ожидании летящих из Детройта дочерей. Перебравший накануне джина с тоником торговец пылесосами сидел, напряженно выпрямившись, поскольку не знал, какие последствия имеет эффект полета в сочетании с тяжелым похмельем. Тот, кто составлял программу музыки, транслировавшейся по динамикам аэропорта, видимо, решил, что в ранние утренние часы лучше всего идет джаз, поэтому теперь по всему зданию слышались инструментальные обработки «Битлз».

Малькольм выбрал кресло, с которого мог хорошо слышать все, о чем говорили у стойки регистрации. Он сел рядом с тремя морпехами, которые вежливо проигнорировали его присутствие. Лицо он прикрыл журналом. Правой рукой он достал из-под полы мундира пистолет с глушителем, спрятал его под плащом и принялся терпеливо ждать.

Ровно в пять тридцать в зал спокойно вошел Мароник. Джентльмен с запоминающейся внешностью шел, чуть прихрамывая, – мягкосердечные наблюдатели стараются не таращить на таких глаза, но все равно невольно смотрят. Все их внимание приковано при этом к хро-

моте, а остальные черты остаются незамеченными. Примерно такой же эффект часто оказывают форменные мундиры.

Мароник отрастил усы – с помощью гримировального набора для любительского театра. Поэтому, когда он остановился у стойки регистрации, Малькольм его не узнал. Однако знакомый мягкий голос мгновенно заставил его напрячь слух.

– Меня зовут Джеймс Купер. Полагаю, у вас лежит забронированный на мое имя билет.

Девушка за стойкой дернула головой, стряхивая с глаз каштановый локон.

– Да, мистер Купер. Рейс двадцать семь, до Чикаго. У вас еще пятнадцать минут до объявления посадки.

– Отлично. – Мароник расплатился за билет, сдал в багаж единственный чемодан, отошел от стойки и неуверенно повертел головой, будто пытаясь решить, куда идти. Почти пусто, подумал он. Хорошо. Несколько служащих... это нормально... мать с ребенком... нормально... старый пьянчуга... нормально... девушка-студентка... нормально. Людей в одинаковых костюмах, рассредоточенных по залу и старательно изображающих ничегонеделание, не наблюдалось. Никто не бросился к телефону, включая девушку за стойкой. Все в норме. Он немного расслабился и не спеша двинулся в обход зала, разминая ноги перед долгим перелетом. Капитана военно-морского флота, бесшумно следовавшего за ним на расстоянии в два десятка шагов, он не заметил.

Увидев, как спокойно и уверенно держится Мароник, Малькольм едва не передумал. Впрочем, отступать было уже поздно. Помощь могла запоздать, и Мароник мог еще улизнуть. И потом, Малькольм должен был сделать это сам, своими руками. Он справился с возбуждением, подогретым наркотиком в крови. Другой возможности уже не представится.

Национальный аэропорт нельзя назвать безумно красивым, но в некоторой привлекательности ему все же не откажешь. Мароник позволил себе восхититься интерьерами, по которым он шел. Хорошо подобранные цвета, чистые линии. Неожиданно он остановился. Малькольм едва успел нырнуть за стеллаж с комиксами. Продавщица испепелила его взглядом, но промолчала. Мароник посмотрел на часы и задумался. Да нет, времени еще достаточно. Он двинулся дальше, но ленивая походка его ускорилась, сделавшись целеустремленной. Малькольм не отставал, стараясь не топтать громко по мраморным участкам пола. Мароник вдруг повернул направо, толкнул дверь и вошел. Дверь за ним закрылась.

Малькольм ускорил шаг. Рука, в которой он сжимал пистолет, вспотела от жары, возбуждения и наркотика. Он остановился перед коричневой дверью. Мужской туалет. Он огляделся по сторонам. Никого. Сейчас или никогда. Осторожно, прикрывая пистолет телом от возможных зрителей, он достал его из-под плаща. Потом бросил плащ на спинку ближнего кресла. И наконец, стараясь совладать с сердцебиением, толкнул дверь.

Дверь подалась бесшумно. Отворив ее на дюйм, Малькольм разглядел в щель сияющую белизной комнату. Стену слева занимали зеркала. Он приоткрыл дверь на фут. Справа и слева от двери белели умывальники. На противоположной от зеркала стене виднелись четыре писсуара и угол кабинки. В нос ударил запах лимона: в туалете совсем недавно распылили освежитель воздуха. Малькольм толкнул дверь и вошел. Дверь мягко закрылась, и он привалился к ней спиной.

В помещении было светлее, чем на улице. Музыка здесь играла громче, чем в зале, а керамическая плитка на стенах и железные перегородки кабин придавали ей жесткое, дребезжащее звучание. Малькольм повернулся лицом к кабинам. Три кабины. Две пустые, а в щель под третьей, дальней дверью виднелись ботинки носками к Малькольму. Хорошо начищенные ботинки, такие же чистые, как все в этом помещении. В динамике под потолком флейта весело выдала вопросительный аккорд, на который тут же отозвался рояль. Малькольм медленно поднял пистолет. В диалог музыкальных инструментов вмешался звук разматывающегося рулона туалетной бумаги. Снова подала голос флейта, на этот

раз довольно печально. Щелчок сдвинутого предохранителя слился со звуком отрываемой бумаги и негромким ответом рояля.

Пистолет в руке у Малькольма дернулся. В тонкой металлической двери кабины возникла маленькая дырочка. Ноги под дверью зашевелились. Мароник, легко раненный в шею, отчаянно пытался достать пистолет из заднего кармана спущенных ниже колен брюк. Обычно он носил пистолет в кобуре на поясе или под мышкой, но сейчас собирался выбросить его, прежде чем проходить контроль. На этом этапе задуманного им плана нужды в оружии не ожидалось, но предусмотрительный Мароник не спешил избавляться от пистолета до самого последнего момента – на всякий случай.

Малькольм выстрелил снова. Вторая пуля, с визгом пробив железный лист, вонзилась Маронику в грудь и отшвырнула его к стене. Стреляные гильзы со звоном падали на кафельный пол. К запаху лимона добавилась вонь бездымного пороха. Третья пуля продырявила Маронику живот. Он негромко всхлипнул и привалился к правой перегородке тесной кабины. Непроизвольным взмахом руки он задел рычаг, и шум спускаемой воды заглушил его всхлипы и негромкие хлопки выстрелов. Когда Малькольм нажал на курок в четвертый раз, проходящая мимо двери стюардесса, услышав приглушенный кашель, вспомнила, что до лета еще целый месяц, и пообещала себе принимать больше витаминов. Эта пуля не задела Мароника, но раздробила плитку на стене, осыпав все вокруг градом острых осколков. Несколько таких вонзились ему в спину, но это уже ничего не меняло. Пятая пуля Малькольма попала Маронику в левое бедро, дернув его обратно на стульчак. Теперь в щель под дверью были видны не только ноги, но и свесившиеся руки. На белом кафельном полу темнело несколько красных пятен. Тело Мароника стало медленно соскальзывать с унитаза. Малькольм не хотел рисковать и, прежде чем взглянуть в лицо умирающему, выпустил две последние пули. Обнаженное, странно безволосое колено неловко сползло по перегородке и уперлось в стальную стойку. Теперь Малькольм видел и лицо. Смерть лишила Мароника характерных, запоминающихся черт, превратив его лицо в обычную, застывшую маску.

Малькольм бросил пистолет на пол. Он проскользил по кафелю и замер рядом с неподвижным телом.

У Малькольма ушло несколько минут на то, чтобы найти телефон-автомат. В конце концов заблудивший морской офицер обратился за помощью к симпатичной стюардессе-азиатке. Ему даже пришлось занять у нее десять центов.

– Четыреста девяносто три тире семь два восемь два. – Голос Митчелла чуть дрогнул. Малькольм не спешил с ответом.

– Это Малькольм, – устало произнес он. – Все кончено. Мароник мертв. Пришлите кого-нибудь в Национальный аэропорт забрать меня. Мароник тоже здесь. Я в терминале «Норт-Уэст», на мне военно-морская форма.

Три машины с оперативниками затормозили у входа в здание аэровокзала за две минуты до прибытия полиции, вызванной уборщиком, который обнаружил в туалете кое-что помимо грязных унитазов.

Среда, полдень

*Целое равно сумме всех составляющих его частей.
Правило арифметики*

– Это все равно что охотиться на сидящих в клетке птиц. – Трое сидели за столом, потягивая горячий кофе. Пауэлл посмотрел на улыбавшегося пожилого джентльмена и доктора Лофтса. – Он не оставил Маронику ни единого шанса.

Пожилый джентльмен взглянул на доктора.

– У вас нет никакого объяснения поведению Малькольма?

Тот подумал, прежде чем ответить.

– До тех пор пока я не поговорю с ним, нет. Хотя... с учетом всего, что произошло за несколько последних дней, особенно смерти его друзей и девушки, которую он считал мертвой, его наклонностей, подготовки и всей ситуации, в которой он оказался, не говоря уж о возможном действии наркотика, думаю, его реакция вполне логична.

Пауэлл кивнул, потом спохватился и повернулся к своему начальнику:

– Как Этвуд?

– О, этот-то будет жить. По крайней мере некоторое время. Меня всегда смущало то, как он держался. Он слишком старался казаться идиотом. Обойдемся и без него. Что у нас со смертью Мароника?

Пауэлл ухмыльнулся.

– Справляемся. Полиция не в восторге, но мы убедили их, что убийца с Капитолийского холма покончил с собой в мужском туалете Национального аэропорта. Ну, конечно, пришлось подкупить для этого уборщика, зато теперь он забыл все, что видел. В общем, с этим все в порядке.

На столе перед пожилым джентльменом зазвонил телефон. Он снял трубку, несколько секунд слушал молча, потом положил трубку на рычаг и нажал на кнопку рядом с телефоном. Дверь открылась.

Малькольм отходил от действия наркотика. Последние три часа он провел на грани истерики, и все это время говорил, не закрывая рта. Пауэлл, доктор Лофтс и пожилой джентльмен выслушали историю шести дней, спрессованную в три часа. Когда он договорил, ему сообщили, что Венди жива, а когда Рональда повели посмотреть на нее, он уже едва держался на ногах от усталости. Он стоял, смотрел на мирно спящую в стерильной палате девушку и, казалось, не замечал находившейся рядом с ним медсестры.

– С ней все будет хорошо, – повторила она во второй раз, но так и не дождалась его реакции. Все, что он видел, – это сплошь забинтованную голову и угадывавшееся под простыней тело, от которого тянулись к каким-то хитрым медицинским аппаратам провода и пластиковые трубки.

– Господи, – прошептал Малькольм, испытывая разом облегчение и жалость. – Господи!

Ему дали постоять еще несколько минут, а потом повели приводить себя в порядок. Он переоделся в одежду, которую привезли из его квартиры, но она, казалось, сидела как-то странно.

– А, Малькольм! Садитесь, мой мальчик, садитесь. Мы вас надолго не задержим. – Пожилый джентльмен был само обаяние, но на Кондора это не произвело впечатления. – Мы просто хотели, чтобы вы больше не переживали из-за всего этого. Обо всем позаботились. Вы теперь отдохните как следует, а потом нам хотелось бы с вами еще потолковать. Вы ведь не против, мой мальчик, нет?

Малькольм медленно поднял взгляд на сидевших перед ним мужчин. Им его голос показался старым, усталым. Ему самому – совершенно новым.

– У меня ведь нет особого выбора, верно?

Пожилой джентльмен улыбнулся, потрепал его по плечу и, бормоча какие-то банальности, проводил до двери.

– Ну что, сэр, – произнес Пауэлл, когда он вернулся на свое место, – вот и конец нашему Кондору?

Пожилой джентльмен хитро сощурился.

– Как знать, Кевин, мой мальчик. Как знать.

Тень Кондора

Сенатору Ли Меткалфу, с искренней признательностью, а также надеждой на то, что ему нравится этот жанр и он найдет эту книгу забавной

Глава 1

Итак, в перерывах между шахматами, котятками и уроками, между зеркалом и апельсинами новая «Алиса» обрела хорошо всем известную теперь форму. Шахматные задачи были проработаны в сюжете довольно точно, однако фабула и ходы фигур настолько сплетены и перетекают друг в друга, что Тот, Кто Не Умеет Играть в Шахматы, даже не поймет, что его лишили большей части удовольствия.

Элеонора Грэм, предисловие к «Алисе в Зазеркалье» Льюиса Кэрролла

Когда до круга света оставалось не больше пятидесяти ярдов, он споткнулся об остатки изгороди: его тяжелый башмак зацепился за нижний ряд колючей проволоки, которому каким-то образом удалось пережить двух своих верхних собратьев, устояв перед временем, погодой и шаставшими здесь туда-сюда дикими животными. Проклятая колючка словно нарочно ждала удобного момента, чтобы уцепить его. Он упал, покатился по земле и замер. *Вставай, подумал он, вставай, чтоб тебя.* К поту, заливавшему его лицо, добавилась новая жидкость, и на ощупь она оказалась более липкой. Впрочем, царапины его не волновали. Так он, во всяком случае, себя убеждал; то же самое относилось к ушибам. Шатаясь, он поднялся на ноги и медленно, но верно захромал по прерии дальше. *Забудь свое чертово тело, плевать, что оно болит, – беги!*

Как холодно, думал он, как чертовски холодно, даже для весны. Земля почти заледнела. Если бы я не бежал, я бы замерз без куртки. Хотя, если бы я не бежал, мне не нужна была бы куртка. Беги!

Добежав до границы светлого круга, он прыгнул. После всего пережитого он и не надеялся на то, что удастся прыгнуть так высоко, как раньше. *Офигеть*, подумал он, когда его тело врезалось в ограду из проволочной сетки, *просто офигеть*. Стальных шипов, впивавшихся ему в ладони, он не замечал. Он вообще не ощущал ничего, кроме надежды.

Он медленно подтянулся и сжался в тугий клубок. Рукам было непросто удержать тело на расстоянии от колючей проволоки, но он решил, что они справятся, и те справились. Помнится, на зачетном занятии, когда он был полон сил и ему не грозило ничего страшнее плохой отметки, он одолевал такую изгородь за девять секунд. По части преодоления препятствий он считался самым сильным в их группе. В эту ночь у него ушло не меньше двадцати секунд только на то, чтобы накопить силы для рывка, который позволил бы его рукам зацепиться за верхнюю перекладину. И хватило этого рывка только на то, чтобы схватиться за третий ряд колючей проволоки. Но все же ему удалось удержаться – несмотря на шипы, несмотря на скользкие от крови руки. Еще рывок – и он перебросил тело через верх изгороди и рухнул с высоты десяти футов на землю, приземлившись с изяществом старого бельевого мешка. Когда-то инструктор по физподготовке заставлял его снова и снова оттачивать приземление как в парашютном спорте: ноги вместе, чуть согнуты, касание носками – и перекатываться, перекатываться! Однако его инструкторы сейчас спали в уюте и безопасности, и от него их отделяло множество колючих изгородей.

Он не знал, как долго пролежал так. Кажется, прошло около пяти минут. На самом же деле – меньше одной, просто он утратил чувство времени. Осталось только два состояния: бег и то, что после бега. Сейчас было то, что после бега. Он пополз дальше.

Он приближался к центру ярко освещенного круга. Прожектора слепили глаза, в какую бы сторону он ни смотрел. Однако, прищурившись, он смог разглядеть четыре стальные туши, по одной на каждую сторону света. Он подполз к еще одному металлическому кол-

паку, торчавшему из земли в четырех футах от бетонной плиты, которая, в свою очередь, размещалась почти в центре ярко освещенного круга.

Тридцать секунд у него ушло на то, чтобы подняться на ноги у вентиляционной шахты, и еще тридцать секунд на то, чтобы восстановить равновесие после этого. Потом он начал медленно колотить окровавленными руками по прохладной алюминиевой обшивке шахты.

Пуля ударила в него, когда его рука коснулась алюминиевой поверхности в пятый раз. Она угодила ему прямо в грудь, разорвала аорту и разворотила несколько ребер, прежде чем вырваться из спины и унести куда-то в темноту. Он умер прежде, чем его тело упало на вентиляционный колпак и соскользнуло с него на бетонную плиту. Звук выстрела долетел до освещенного круга еще на долю секунды позже.

В четверти мили от этого места снайпер опустил свою винтовку. Он осторожно передернул затвор, поймал рукой вылетевшую гильзу и сунул ее в карман. Его спутник облокотился на капот пикапа, подстраивая резкость бинокля.

– Готов? – спросил снайпер. В голосе его не слышалось никаких эмоций, кроме гордости – спокойной, уверенной гордости. Он знал, что мог и не задавать этого вопроса.

Его спутник, однако, не разделял этой уверенности.

– Возможно, возможно. Он не шевелится. Давай-ка еще раз, быстро.

На скрывавшемся в тени лице снайпера обозначилось некоторое удивление. Впрочем, его он позволил себе сам; происходи все на свету, лицо его оставалось бы бесстрастным.

Движения снайпера казались замедленными, но на все ушло не более пяти секунд: он вскинул винтовку, облокотился на пикап, прицелился и выпустил в тело, лежавшее в световом круге, еще одну пулю. Тело дернулось – не от боли, а от удара – и снова застыло.

– Отлично, – кивнул человек с биноклем. – Поехали.

– Может, стоит обыскать его? Ну, вдруг он нес какие-нибудь бумаги или еще чего!

– Нет, – ответил второй по-русски, залезая в кабину пикапа. – Некогда. Здесь скоро появится охрана, и тогда нас точно накроют. Возможно, он и забрал что-то важное, но на это придется махнуть рукой. Надо ехать, и быстро. И не включай фары.

Только через шесть минут после того, как пикап уехал, показались вертолеты. Они шли на бреющем полете, заходя с юга, без огней, если не считать неяркого свечения приборных панелей, бесшумно, если не брать в расчет рокот рубивших воздух лопастей. Несколько минут они описывали круги в темноте, шаря по земле локаторами и инфракрасными сенсорами. Потом один из вертолетов снизился над освещенной площадкой и высадил шестерых мужчин в синей форме, вооруженных М-16. Затем вертолет взмыл обратно в темноту и встал в круг за своим спутником, постепенно расширяя радиус вокруг площадки.

Двое в синей форме проверили вентиляционную шахту на предмет повреждений или заложенной взрывчатки. Еще один прикрывал их, держа автомат наготове. Остальные трое осмотрели труп. Старший осторожно обследовал карманы, потом так же осторожно ощупал еще не остывшее тело. Руки его застыли на мгновение, наткнувшись на небольшой бугорок на внутренней стороне правого бедра. Он аккуратно спустил брюки убитого, стараясь не двигать тело и не запачкаться кровью. К ноге убитого был примотан скотчем маленький, размером с записную книжку, бумажник. Старший открыл его, наскоро просмотрел в свете прожекторов листки бумаги и протянул руку за рацией, которую держал наготове его помощник.

Спустя два часа первая пара вертолетов улетела. Прожекторы отключили. До рассвета оставались считанные минуты. Предрассветные сумерки и так высветлили почти все, кроме самых глубоких теней. Все пространство внутри изгороди с колючей проволокой оставалось заполнено людьми в синей форме. На дороге, подходившей к огороженному участку, стояло несколько синих машин. Тело лежало там, где его обнаружили. Все необходимые фото уже отсняли, замеры сделали, информацию запросили. Люди, охранявшие территорию, уже начали скучать, хотя убийство и добавило разнообразия в их рутинную службу. Собственно,

из радостей жизни им оставалось сейчас только наслаждение ароматом диких весенних цветов и свежевспаханной земли. Большинство, впрочем, предпочли бы лучше поспать у себя в казарме.

Внимание остававшихся на площадке привлек шум лопастей тяжелого транспортного вертолета. Тот прилетел все с той же южной стороны, снизился и завис над телом. Из отодвинутого люка спустили на лебедке сетку, и вскоре она медленно поднялась с тем, что еще недавно было человеком. Когда машина скрылась из виду, старший офицер собрал всех и в кратких, доступных выражениях описал им то, что с ними произойдет, если они хотя бы вскользь упомянут где-нибудь об увиденном. Когда офицер закончил свою лекцию, все покинули участок. А когда живущий недалеко от этого места фермер вышел в поле, то даже не обратил внимания на огороженный клочок земли, поскольку выглядел он так же, как всегда.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.